

Всё что есть

Тони Парсонс

Всё что есть. Тони Парсонс.

Перевод AI Gemini.

Предисловие

Эта книга не содержит в себе какого-либо учения... она говорит о припоминании и может дать ощущение или аромат чего-то, что, как нам кажется, мы потеряли или где-то обрели.

Это последний фрагмент пазла. Когда он встает на свое место, внезапно осознаешь, что никакой головоломки никогда и не было.

Существует множество так называемых духовных учителей, гуру и просветленных мастеров, и основной посыл их сообщений зиждется на допущении, что существует некий отдельный индивид, способный делать выбор и прилагать усилия, чтобы стать достойным достижения того, что называют просветлением. Подобного рода учения укоренены в глубоком невежестве относительно природы освобождения; они постоянно подпитывают идею поиска и становления.

Однако единство проявляется не через приобретение чего-то нового, а скорее через утрату...

Когда видимость отдельной личности исчезает, лучезарное чудо присутствия становится очевидным — но ни для кого. Также становится ясно, что никогда не было никого, кто нуждался бы в освобождении.

Эта тема красной нитью проходит через всю работу, но если вы будете погружаться в книгу фрагментами, а не продираться сквозь нее страница за страницей в поисках «ответа», вы сможете начать улавливать вкус того, что находится за пределами любых ответов.

Дискуссии здесь происходят, прежде всего, на уровне обмена концепциями. В этом контексте возможно, что запутанные идеи о нашей изначальной природе будут вытеснены ясностью — одновременно бескомпромиссной и таинственной. На другом же уровне то, чем мы делимся в тишине, уже известно. Мудрость вызывает к мудрости, ничто говорит с ничем, и приходит признание того, что мы встречаемся и резонируем с тем, что уже есть.

Тони Парсонс. Май 2003 года

Лондон

Октябрь 2002

Мне лучше сразу предупредить вас: я не просветленный человек, и ни один человек в этом зале никогда не станет просветленным. Такого понятия, как «просветленный человек», не существует. Это противоречие в терминах.

Я также хотел бы сказать, что происходящее здесь не является каким-либо учением. Здесь ничему не учат, потому что здесь нет никого, кому нужно было бы чему-то учиться.

Все, что здесь на самом деле происходит, — это то, что мы, друзья, собрались вместе, чтобы кое-что вспомнить. Речь идет о припоминании чего-то, что мы, возможно, считаем потерянным или утраченным. Некоторые люди здесь уже вспомнили — более того, довольно многие в этом зале почувствовали или мельком увидели то, что считали потерянным.

И природа того, что мы считаем потерянным, — это осознание в настоящем моменте. Это совершенно, предельно просто. То единственное, чего мы жаждем больше всего на свете,

на самом деле абсолютно просто, немедленно и доступно. И как ни странно, то, чего мы жаждем, никогда нас не покидало.

Говоря простыми словами, происходит следующее: когда мы совсем маленькие дети, есть просто бытие, без знания о бытии; просто бытие. А потом кто-то приходит и говорит: «Ты — Билл» или «Ты — Мэри», «Ты — личность». И так или иначе ум — мысль «Я», идентичность, идея о том, что «я — личность», — захватывает энергию бытия и отождествляет ее с Биллом, Мэри или кем-то еще. Он берет бытие под контроль и дает ему имя. Начинаются слова, ярлыки, и вся идея «меня» становится главной инвестицией в жизнь.

Если вы посмотрите на тот видимый мир, в котором мы живем сегодня, он весь вращается вокруг «меня» — вокруг того, успешен «человек» или неудачлив. Мы растем, веря в идею о том, что кто-то существует, и подкрепляя ее, и что этот «кто-то» проживает жизнь, которая продлится столько-то лет. Мы находимся в путешествии под названием «моя жизнь», и — как нам говорят — нужно сделать так, чтобы эта жизнь удалась. Вся ставка сделана на «Я — личность, и я должен наладить свою жизнь».

И вот вам подсовывают списки. Первый — о том, как быть хорошим ребенком, следующий — о том, как быть хорошим учеником... Затем идет список требований о том, как быть хорошим работником, за которым обычно следует роль хорошего мужа, жены или партнера. Некоторые обращаются к религии, чтобы попытаться обнаружить то, чего не хватает в их жизни, и им снова предъявляют список требований, которые нужно выполнить, прежде чем они станут достойными или «приемлемыми».

Идей о том, как наладить свою жизнь, столько же, сколько людей в мире. Существует множество тонких уровней личных достижений — некоторые из них кажутся негативными. Для кого-то достижение статуса «жертвы» может выглядеть как огромный успех!

Нам приходится играть в эту игру, потому что мы действительно думаем, что мы — люди; на нас надета маска, притворство под названием «я — человек». Вы притворяетесь этим человеком и принимаете это настолько всерьез, что забываете о самом факте притворства — оно становится всем. И многие, многие люди проживают так всю свою жизнь. Это нормально, это божественно, это божественная игра.

Некоторые чувствуют, что после прохождения всех этих списков чего-то все равно не хватает. Тогда они думают: «Может быть, я найду это через терапию — может быть, терапевт скажет мне, что не так, чего не хватает». И они попадают в еще один список. И снова возникает этот драйв — стать кем-то.

Но по той или иной причине ничто из этих списков — ни религия, ни терапия, ни что-либо еще — похоже, не работает. И тогда некоторые узнают о чем-то, называемом просветлением, и у них возникает ощущение, что, возможно, это и есть тот самый последний фрагмент пазла. Они идут и находят кого-то, кто притворяется гуру, а сами притворяются учениками. И эти двое подпитывают друг друга. Мастер, который научит вас, как стать просветленным, становится все величественнее, а вы чувствуете себя все более значимым, потому что ваш мастер кажется все более важным.

Конечно, это еще одна чудесная игра в притворство. И с этим сценарием приходит очередной список: медитация, или предельная честность, или настолько серьезное отношение к просветлению, что вы готовы броситься со скалы... Один из пунктов в этом списке — «быть здесь и сейчас». Быть здесь и сейчас и не думать. Вы можете читать книги и

ходить к парням, которые говорят вам об этом... И вы действительно можете находиться «здесь и сейчас» целых три или четыре минуты — и, возможно, даже не думать секунд пять!

Все это притворство, и всё это абсолютно божественно. Каждый миг вашей жизни до этого самого момента был абсолютно, совершенно божественным; ничто никогда не могло быть иначе. Весь облик вашей жизни — всё кажущееся делание, кажущийся выбор — совершенно уместны и божественны.

Но идея «вас» подкрепляется постоянно. Акцент делается на том, что там кто-то есть; всё в мире продолжает подчеркивать, что там кто-то есть. Притворство «меня» продолжает подкрепляться даже в поиске просветления, потому что так называемый мастер скажет вам: «Я стал просветленным — я просветленный человек, и вы можете стать просветленным человеком». Вы — это притворное «вы»! Это полнейшее заблуждение, потому что пробуждение — это осознание того, что никого нет; всё так просто. Это предельно просто и в то же время очень трудно.

Пробуждение — это осознание того, что всё происходящее — вся идея существования «меня» — было притворством. Вы на самом деле притворяетесь, что сидите здесь и смотрите на меня. Вы притворяетесь, что сидите там, смотрите на меня и пытаетесь что-то получить.

На самом деле, там НИКТО не сидит, и получать нечего.

Вы можете закрыть глаза, если хотите, и почувствовать энергию, которую вы считаете «собой». Это похоже на живость... Для кого-то это ощущение «я существую»...

Но эта энергия, это ощущение «вас» — на самом деле не вы. То чувство того, кем вы себя считаете — это ощущение живости и энергии — это бытие; это просто бытие. Оно никогда не приходило и никогда не уходило — оно никогда не покидало вас; оно всегда было там. Вы думали, что это вы — но это просто чистое бытие. Это не то, КТО вы есть, — это то, ЧТО вы есть. То, что вы есть, — это просто бытие, присутствие, жизнь. Вы — это жизнь, жизнь случающаяся, но она не случается с кем-то. Сидение на этом стуле не происходит с вами — сидение на этом стуле и есть то, что происходит, но ни с кем. Есть просто бытие. Вы есть бытие — вы божественное бытие.

И это так удивительно, потому что куда бы вы ни пошли, там есть бытие. Что бы вы ни делали (якобы), там есть бытие. Чего бы вы ни не делали (якобы), там есть бытие. Бытие было всегда, что бы вы ни совершили или не совершили, каким бы недостойным, невротичным, невежественным или эгоистичным вы себя ни считали. Все эти качества возникают в том, что вы есть, — в бытии. Все, что есть, — это бытие. И в этом бытии возникает идея о том, что «вы» существуете. Это просто идея, просто мысль, что кто-то есть.

Видите ли, как в таком случае возможно, чтобы кому-то нужно было что-то делать для пробуждения? Никого нет — есть только бытие — так как же кто-то может что-то сделать? Зачем кому-то становиться кем-то, если всё, что они из себя представляют, — это притворство? Должны ли они стать «лучшим» притворством? Пробуждение не имеет к вам абсолютно никакого отношения. Вы — просто персонаж в пьесе. Тони Парсонс — это просто набор характеристик; вот что здесь сидит — набор характеристик и тело-ум. Но то, что вы есть, — это бытие, тишина, из которой всё это исходит. Всё, что на самом деле там сидит, — это тишина, бытие, осознание в настоящем — называйте как хотите.

Пробуждение — это просто отбрасывание идеи, притворства, идеи притворяться кем-то. И в этом зале нет никого, кто мог бы отбросить эту идею. Происходящее здесь заключается в том, что на одном уровне мы говорим, и ум пытается понять, но на другом уровне есть более глубокая мудрость (которую мы все и так знаем), которая передается, резонирует и признается заново.

Как только это послание услышано, «я» просто отпадает. Идея «меня», притворство «меня» отсутствует, и остается то, что есть всегда — просто бытие.

Всё так просто. Предельно просто. Это прямо здесь — вам не нужно никуда идти. Вам даже не нужно это понимать — ради всего святого, не пытайтесь это понять! И не думайте ни на мгновение, что кто-то хочет, чтобы вы в это верили — это не имеет никакого отношения к вере. Это можно почувствовать... это просто живость. Жизнь, сидящая здесь.

Ум захочет поболтать об этом, и это совершенно нормально. Если ум хочет говорить или задавать вопросы, пусть это происходит. Происходит же то, что вопросы не получают ответов, и ум обнаруживает, что ему некуда идти, потому что это УЖЕ ТАК И ЕСТЬ. Ум хочет сказать: «Да, но...» — и это божественно. Нет глупых вопросов — если вопрос в уме, он должен выйти наружу и получить отклик.

Но где-то внутри ум хочет сдаться. И в конце концов он видит только то, что есть только это — жизнь.

Если вы закроете глаза, всё, что вы обнаружите на самом деле, — это ощущения. В каждый момент времени происходит что-то одно: тело, сидящее на стуле; ветерок из окна; шелест бумаги; шум машин... Здесь нет истории. История, которую мы считаем своей, — просто притворство, потому что всегда есть только это. История о вашей жизни, которую вы слушали, никуда не ведет. Всё происходящее — это просто приглашение увидеть, что всё, что есть, — это вот это. Всё это время жизнь говорила вам: «Смотри — есть просто жизнь». Нет никакой истории — есть просто жизнь».

(Долгая тишина)

Значит, я действительно ничего не могу сделать, чтобы осознать это?

Дело не в том, что ты ничего не можешь сделать — дело в том, что «тебя» нет. А если нет никого, то нет ни выбора, ни делания. Но кажущийся выбор и кажущееся делание возникают внутри этого. Можно сказать, что ты можешь выбрать встать и выйти или выпить чашку чая позже; это кажущийся выбор, который возникает. Но внутри нет никого, кто делает этот выбор. Никто не выбирал прийти сюда сегодня — они лишь казались делающими этот выбор.

Когда вы используете слово «кажущийся», создается впечатление, что это видимость чего-то.

Да, это Единое, являющееся как двое. Есть только единство, и ты — это единство, являющееся как двое. Это явление двойственности, но на самом деле есть только единство. И это — видимость, драма поиска единства. Это Единое, играющее в «двоих», которые ищут самих себя. Всё так просто.

Эта видимость, которую мы видим — мир и наши кажущиеся жизни, — никуда не движется и не имеет абсолютно никакой цели или смысла. Она только кажется важной, целенаправленной, осмысленной и находящейся в пути куда-то. Это притча. Мы живем в

притче. Мир и наша жизнь — это метафора. И то, что возникает на самом деле, — это просто приглашение увидеть, что ты и есть это Единое. Так что всё, что мы пьем, едим, на чем сидим, чем дышим — это Единое, приглашающее нас увидеть, что мы и есть То.

Прямо сейчас ты полностью окутан своим собственным приглашением. Всё, что происходит с твоими чувствами, твоим умом и твоим мышлением в этот самый момент, — это просто единство, приглашающее тебя увидеть, что ты и есть То. Вот и всё, о чем здесь речь.

Значит, это ум просыпается, чтобы увидеть, что я — это То? Это ум видит это?

Нет, это видит никто; это видит присутствующее осознание.

Ваш опыт на данный момент таков, что никого нет и есть только единство. Что произойдет, если завтра у вас случится болезнь Альцгеймера или что-то в этом роде, когда весь ум просто придет в хаос? Вы больше не будете видеть.

Буду, потому что видение не имеет ничего общего ни с умом, ни со мной. Видение единства приходит из ниоткуда. Даже то, что транслируется здесь, большую часть времени исходит из ниоткуда. Так что видение исходит из ниоткуда, и всё, что возникает — включая болезнь Альцгеймера или что угодно еще, — это просто то, что возникает.

Хорошо, то есть вы видите, что есть только одно — а я вижу двое. Мой ум видит разделение, а для вас разделения нет.

Нет.

Но между нами нет разницы. Потому что если бы была, и если бы у вас внезапно случился Альцгеймер, то ваше восприятие...

Нет никакой разницы; есть только единство. Это явление единства. Между нами нет дистанции, между нами нет пространства; есть только единство.

Но что в таком случае пробуждается к этому?

Единство. Единство играет в игру, будучи «двоими спящими», которые ищут единство. Когда происходит пробуждение, это всего лишь отбрасывание серьезного отношения к двойственности; вот и всё, о чем мы здесь говорим... Всё это так же просто, как вот это: всё, что стоит на пути к пробуждению, — это ложная идея. Действительно. Это притворство, в которое тебя научили верить. И когда идея о том, что вас двое, отпадает, остается единство.

Когда на эти слова возникает внутреннее «Да!», это Единое узнает Единое?

Да, но это не связано с пониманием, это скорее интуиция. Это похоже на прыжок, на внезапное видение того, что и так уже было известно. «О да, я уже это знаю».

И это с большей вероятностью произойдет благодаря тому, что мы здесь находимся?

Я думаю, в некотором смысле здесь происходит вот что: ум входит сюда с намерением что-то получить и начинает осознавать, что он не получает ничего, потому что ничего и не дается. И он продолжает приходить, всё еще с идеей что-то получить, и в конце концов просто сдается.

Понимаете, это похоже на любовный роман. Это связано с тотальной близостью просто с чудом всего этого. Как ребенок на пляже строит замки из песка, и для него не существует

ничего, кроме песка, моря и соленого воздуха; это всё, что есть — нет ничего другого. Это чудо такой простоты, чудо этого момента, которое выбрасывает все концепции в окно. Это вневременное чудо того, чем мы являемся.

Так что вы пришли сюда только для того, чтобы кое-что вспомнить. И да, если вы продолжаете приходить и вспоминать, то каким-то образом всё, что было навалено поверх этого припоминания, просто отпадает.

То есть речь идет об осознании пустоты (ничто)?

Да, в конечном счете можно использовать такие слова. Это видение единства, и в конечном счете нет никого, кто видит единство. Здесь никого нет, есть только единство.

Значит, пробуждение — это вовсе не опыт?

Нет, пробуждение — это совсем не опыт. В моем словаре, если вы говорите об опыте, вы говорите об «испытывающем». У Тони Парсонса бывают опыты, но есть только единство — а оно не является опытом. Так что всё, что случается с Тони Парсонсом — всё, что происходит прямо сейчас: жестикуляция, этот голос, тепло в комнате, чей то кашель — это просто проявление единства. И Тони Парсонс тоже, верите вы в это или нет!

Так кто же тогда воспринимает это как проявление единства?

Никто — это тайна. О, Тони Парсонс чувствует жар в теле и прочее. Тони Парсонс испытывает это, но есть единство, в котором всё это кажется происходящим. Я есть Единое, я есть всё, что есть — и вы тоже. Но когда я говорю «Я есть», это не имеет никакого отношения к Тони Парсонсу. Совсем никакого. Тони Парсонс — это просто видимость; он просто персонаж в пьесе, не значащий ничего — «Весь мир — театр...»

Всё в порядке? Вас это устраивает?

Я не могу этого понять.

Нет, нет. То, о чем мы здесь говорим, совершенно за пределами понимания; это абсолютно непостижимо. Но в этом зале сидят люди, которые знают, что есть нечто, наблюдающее за тем, как они сидят в этом зале. Есть нечто, наблюдающее за тем, как ты сидишь в этом зале.

Итак, могу я попросить тебя закрыть глаза и сказать мне сразу — не раздумывая — что возникает в твоём осознании? Что ты видишь или чувствуешь?

Мне жарко.

Так кто же это чувствует, что ему жарко?

Я.

И где находится это «Я», которому жарко?

В моей голове, оно думает об этом.

И это просто отчет, информация о том, что чувствуется жар.

Да.

Значит, ты уже — репортер, рассказывающий историю.

Да, полагаю, я рассказываю вам, что мне жарко.

А как насчет того, чтобы просто сказать: «Телу жарко»?

Да, хорошо — телу жарко.

А что это видит?

(Долгая пауза)

Что-то, что распознает это.

На что похоже это «что-то»?

Это похоже на своего рода знание.

И какое ощущение возникает из простого видения того, что есть?

Оно кажется более просторным... как вневременность!

Значит, пробуждение — это не обязательно отбрасывание тела-ума или отбрасывание делателя?

Вовсе нет. Ну, то есть — кажущегося делателя.

Это не опыт, потому что единство всегда здесь.

Дело не в том, что единство всегда здесь — на самом деле есть *только* единство. И Тони Парсонс невозможен нигде, кроме как в единстве. Потому что всё это — лишь единство, являющееся как двое, и Тони Парсонс — часть этой видимости.

Значит, это не та «часть» единства, которая знает, что есть единство...

Нет никакой «части» единства — есть только единство.

Тогда когда Мораг говорит, что она не понимает, — что это?

Это ум, пытающийся понять то, что находится совершенно за пределами ума.

Разве это не в единстве?

Безусловно — это «непонимание», возникающее в единстве.

Понятно.

Что и происходит — я заметил — уже довольно долго! Ум не может постичь единство, потому что единство, если хотите, использует ум, чтобы разделять всё надвое.

Вот это (показывает на стену) — само «стено-вание» Единого, и оно использует ум как инструмент, чтобы разделить это надвое, дабы оно предстало в проявлении и казалось ищущему отдельным. Ведь ищущий ищет единство, а суть единства — это и есть стена, которую ищущий считает отдельной от себя. На самом деле, это возлюбленный — единство — приглашает ищущего увидеть, что она не отдельна. Стена — это приглашение; и сидение

на стуле — это приглашение; и питье воды, и чтение книги... всё это лишь Единое, говорящее: «Есть только единство».

Единое пытается общаться с чем — с самим собой?

Да. Не забывай, что Единое решило поиграть в игру «двоих» и принять её всерьез. Единое, похоже, полностью стало «двумя». Оно полностью верит в то, что оно — индивид в отдельном мире, и всё это лишь ради драмы того момента, когда всё это отпадет и увидится Единое.

Я вижу, значит, за этим стоит цель...

Можно сказать, что во всем есть смысл или сущность — сущность безусловной любви, и это всё, что есть. И оно приглашает того, кто жаждет безусловной любви, обнаружить, что всё, что есть на самом деле — это и есть безусловная любовь. Тебе не нужно никуда идти, чтобы найти её — это то, что уже есть.

Но послушайте, это звучит немного безумно...

О, совершенно!

Потому что Единое приглашает само себя понять...

Забудь об этом — ум никогда этого не постигнет.

Еще одна вещь, которая меня немного беспокоит, — это то, что вы называете всё это бессмысленным. Это верно? Вы использовали слово «бессмысленный»?

У этого проявления нет цели, нет.

Но вы бы сказали, что у вашей речи есть цель?

Нет, нет.

Значит, то, что вы говорите, бесцельно.

И вы заплатили за это приличные деньги! Слова просто не передадут этого. Слова, и эта книга, и эти кассеты — это не «оно», и они никогда, никогда им не станут.

Да, так в чем же тогда смысл? Я имею в виду, важно ли быть здесь?

Ну, ты всё равно ничего не можешь с этим поделать, потому что нет никого, кто мог бы выбрать — быть здесь или не быть. Вопрос не в важности. И интересно то, что после всех поисков ты сидишь здесь и слышишь, что тебе никогда не нужно было искать. Потому что где-то — и в этом нет сомнений — сейчас появилась готовность услышать это, услышать послание совершенно прямо, абсолютно чисто. И ты здесь, и ты его слышишь.

Как это произошло с тобой, Тони?

Это не происходило «со мной».

Как это случилось?

Это просто случилось... Я не знаю, невозможно сказать, как это случилось.

Было ли это результатом чего-то, что ты сделал?

Нет, там нет никого, кто мог бы что-то делать. Никто никогда ничего не делал. На самом деле никто никогда ничего не совершал, потому что никого нет. Есть только видимость людей, делающих что-то. Такова игра.

Вы говорили ранее, что пробуждение может случиться, но человек может подумать, что идея двойственности вернулась?

О, да. Происходит вот что: «двое», или это «я», возвращается. Но единство — это всё, что есть, и то, что возникает в единстве — это чувство «меня».

В чем разница между истинным ясным видением и опытом?

Опыт — это то, что есть у кого-то, или у кажущейся личности. Пробуждения нет ни у кого. Пробуждение не имеет ничего общего с опытом.

Я читал у Нейтана Гилла, что у него было много трансцендентальных опытов. Как мне узнать, что в какой-то момент было именно ясное видение, а не просто трансцендентальный опыт?

Может случиться только одно ясное видение, и когда оно случается — это знание; в природе этого нет никаких сомнений. После этого происходит возврат к «мне» — так должно быть, чтобы защитить тело-ум. Трансцендентальных опытов не существует. Существует, однако, трансцендентальное «случившееся», после которого восприятие меняется.

Ладно, значит, было узнавание, что в тот момент никого не было, но после этого «я» возвращается?

Не обязательно. Может произойти немедленное утверждение в присутствии. Но для большинства людей поначалу это происходит как «перескок» туда-обратно. Чтобы защитить тело-ум, происходит вход-выход, вход-выход. «Выход» становится всё больше, а «вход» — всё меньше.

Но это не обязательно должно сопровождаться какими-то спецэффектами?

О нет, это просто обусловленная идея о просветлении.

Этот момент насчет бесцельности... кажется, я пытался найти цель, потому что не желаю принимать совершенство.

Ты не принимаешь совершенство?

Нет, потому что я застрял на идее, что вещи нужно исправлять. Но на самом деле, если что-то совершенно, оно не нуждается в цели; то, что нуждается в цели, не может быть совершенным. Разница между нами в том, что вы видите совершенство, а я — нет.

Да, здесь просто тотальное совершенство, хотя я не очень жалею само слово «совершенство».

Но я всё равно думаю, что вещи нужно исправлять.

Хорошо, но пока ты так думаешь, всегда будет что-то, что требует исправлений. Это и есть поиск. Поиск — это всегда взгляд в сторону того, что уже есть, но с мыслью, что это можно найти где-то там, или внутри, или когда здесь что-то произойдет; это всегда «на следующей неделе». Осознание или пробуждение — это видение того, что всё уже есть. Нечего находить и нечего исправлять. Это просто выражение безусловной любви.

Тони, вы говорите, что единственное, что мешает нам это увидеть — это идея разделенности или двойственности...

Или идея о том, что нужно что-то найти.

Для меня идея — это нечто очень хрупкое, несущественное. Если я думаю, что Земля плоская, и мне один раз объяснят, что она круглая, я это пойму. Почему же эта идея столь навязчива?

Тебе нужно оглянуться на свою жизнь и жизни всех остальных, на мир, в котором мы живем, и увидеть, что эта идея — самое сильное обусловленное убеждение во всем мире: «Ты — индивид, ты в мире индивидов, и единственный способ преуспеть или не провалиться — это очень стараться». В этом весь посыл данного проявления. Если ты посмотришь на кажущийся мир, в котором мы живем, он почти целиком мотивирован индивидуальностью.

Давай скажем проще: в первый год после рождения ты жил в чистом бытии, не зная об этом. Но однажды ты встретил нечто и внезапно осознал, что это твоя мать называет тебя Филиппом. Этот момент разделения — начало страха и чувства отчужденности. С этого момента ты всегда жаждешь найти то, что знал в тот первый год. Мы жаждем быть детьми и жить в простом чуде этого момента, каков он есть.

Но это колоссально мощная обусловленность — играть в игру «быть двумя».

Если продолжить эту мысль: «обусловленность» звучит как нечто внешнее, но какова моя роль в этом?

Нет ничего внешнего; нет ничего ни снаружи, ни внутри.

Нет, ну вы понимаете, что я имею в виду — это исходит от других людей или от общества...

Но эти «другие люди» возникли в твоём осознании. Люди в этом зале возникают только в нём. Я лишь возникаю в этом осознании — я не нахожусь «где-то там».

И все люди, которых ты встречаешь в жизни, — это именно те люди, которые тебе нужны, чтобы выстроить и подкрепить это чувство разделенности. Но также они возникают для того, чтобы ты обнаружил, что разделение нереально. Это парадокс — ты живешь в мире, который очень мощно отделяет тебя от единства, чтобы ты обнаружил, что существует только единство.

Когда некто есть единство или распознал это, продолжается ли игра, или же он пребывает в положении ребенка, полного радости и изумления от этого?

Игра продолжается, но больше нет никакой идеи о том, что она куда-то ведет или имеет какую-то цель. Это просто игра проявления; это единое, играющее в игру двойственности.

Тогда как раньше это было путешествием с целью найти это. Вот почему, когда ищущий исчезает, часто возникает много смеха — от внезапного осознания, что то, что ты ищешь, уже находится прямо перед тобой, и от видения того, как ты метался повсюду в поисках радости и чуда того, что и так уже есть.

Эта драма, по-видимому, порой включает в себя немало страданий.

Казалось бы, так; страдание есть, да.

Как же так?

Ну, потому что, по сути, всё время, пока есть двойственность, есть и страдание. На самом деле мы все живем в своего рода тонком отчаянии; мы все живем в тоске по обретению единства. Так что на самом деле есть только страдание. И иногда оно вроде бы приятное и нормальное, и некоторые люди, по-видимому, страдают больше других... Но, конечно, при ясном видении видно, что никто не страдает. Нет никого страдающего, потому что никого нет.

Но страдание есть?

Страдание есть, в видимости.

Вы говорите, что у единства нет цели. Единство не трансформирует себя — оно вечно есть то, что оно есть.

Есть только единство, и цель может, казалось бы, возникать из единства просто потому, что всё, что проявляется, — это проявляющееся единство. Так проявляется избегание единства... Ему не нужно трансформироваться, потому что оно абсолютно безупречно. Единство безупречно, и всё, что возникает из единства, абсолютно безупречно. Уму так не кажется, но это безупречно. Потому что источник всего — это только безусловная любовь, и, очевидно, она объемлет всё, включая ненависть и гнев. Ничто не исключено — всё есть абсолют.

Я был на прошлой неделе с человеком, который умер, во вторник утром. В каком-то смысле, можно ли сказать, что не было никого, кто умер, и нет никого, кто переродится — это просто аспекты единого?

Да. Никто не рождался и никто не умирал, но видимость тела/ума закончилась. Сколько лет было этому человеку?

Восемьдесят пять.

Хорошо, значит, восемьдесят пять лет существовала видимость Билла — но это была всего лишь видимость. И всем, что было, было единое, или свет, можно сказать. Так что свет — это всё, что есть, и в видимости этих восьмидесяти пяти лет (которые на самом деле просто бессмысленны) было тело/ум, которое через это проходило. Но при прекращении тела/ума, в момент конца ума, который поддерживает эту картинку, остается только свет. Так что в прошлый вторник Билла не стало, но он уже есть то, чем он всегда является — свет, или единство, или абсолют.

Но Билл не узнает об этом секунду спустя — Билла не будет рядом, чтобы сказать: «Я есть свет». Идея о том, что где-то Билл или карма продолжают после смерти, исходит

полностью от ума — она вообще не имеет отношения к реальности. Ум жаждет продолжаться снова, и снова, и снова вечно. Он просто жаждет этого, поэтому выстраивает всякого рода идеи о жизни после смерти. Он обожает всё это.

Значит, этот сон, эта игра продолжается после смерти? Ум в каком-то смысле может поддерживать это, со своими переживаниями после смерти и идеями кармы и всем таким?

Нет, вы не слушали внимательно только что. Когда это тело/ум прекращается, тогда прекращается и видимость, и нет ничего, кроме света. На самом деле, никогда и не было ничего, кроме света. При кажущейся смерти все личностные идеи о карме и тому подобном испаряются.

Это как волна в океане. Знаете, по океану идет волна, которая на самом деле верит, что она волна: «Смотрите, я — волна! Я совершенно отдельна. Я больше большинства других волн, гораздо важнее». Вот что мы делаем — по сути, так оно и есть. Но на самом деле всё это — лишь океан, вздымающийся волнами. Это единое, вздымающееся волной.

Мы — это единое, вздымающееся волнами, а мы думаем, что мы — отдельные волны, очень важные волны, и мы собираемся отправиться к берегу, где есть солнце и прекрасные пески, потому что мы так достойны. А другие люди думают, что они волны, которые отправятся в Антарктику, потому что они такие ужасные. Но на самом деле мы — просто океан, вздымающийся волнами. Мы — единое, кажущееся существующим.

И не может быть вопроса о том, что это куда-то ведет или имеет какое-то отношение к тому, что было до, потому что никакого «до» никогда не было. Никогда не было «до» и нет никакого «после». Всегда есть только это. Сегодня вечером, когда вы будете есть свой ужин, будет только это.

Вы упоминали ранее, что когда вы нашли это единство, происходило своего рода «дрейфование» туда-обратно, так что вы, скажем так, снова идентифицировались со своим старым эго. Находитесь ли вы сейчас в единстве постоянно?

Нет — есть только единство.

Я уверен, что каждый, как вы и говорили, переживал опыт единства, но тяга к двойственности настолько сильна, что снова оказываешься втянутым в неё. Как удержать это практически? Как можно оставаться в единстве?

Никак нельзя, потому что вас там нет. Вся проблема с попытками «оставаться в единстве» заключается в том, что это «Я» пытается оставаться в единстве. Как только это «Я» начинает пытаться оставаться в единстве, единство перестает быть очевидным.

Давайте скажем так — есть только единство. В категориях времени это, если хотите, абсолютно постоянное состояние — есть только единство. И никто не проживает это как опыт и не владеет этим. Но всё, что возникает в проявлении, возникает в этом единстве и является единством, включая эго Тони Парсонса и его характерные черты.

То, о чем мы здесь говорим, — это абсолютно радикально по сравнению со старой обусловленной идеей просветления. В ту старую идею нам всем хотелось верить: просветление случается, и персонаж полностью исчезает — остается лишь абсолютное блаженство и полная добродетель. Это чепуха, порожденная невежеством ума.

Пробуждение не имеет ничего общего с добродетелью или блаженством; пробуждение — это осознание того, что есть только единство, и двойственность возникает в нем, включая и Тони Парсонса.

Я — это всё, что есть. В этом зале около сотни «эго», и я — это то, и я — это то. Просветление — это не превращение в отдельный остров, в некую обособленную вещь, которая взирает на всё остальное свысока и благословляет или сострадает. Пробуждение — это живость. Это роман с самой жизнью. Это отказ от идеи, что у кого-то есть жизнь, и осознание того, что всё, что есть, — это и есть жизнь. У вас нет жизни — вы и есть жизнь, и в жизни случаются эго, желание, ненависть, любовь. И я — то, в чем это случается. И вы тоже.

Как же тогда карма вписывается во всё это?

Никак. Это просто еще одна часть придуманной умом истории, чтобы продолжать повествование. Это бессмысленная видимость. Потому что вся идея чего-то вроде кармы подразумевает, что вещи куда-то движутся — ну, знаете, если есть карма и все ваши кармы из прошлых жизней, значит, есть идея, что всё еще существует путь и цель, ведущая куда-то. Мы никуда не идем — это уже оно. Это всегда было оно — только это. Так какое отношение к этому имеет карма?

Значит, даже разговоры об этом — снова скользкая дорожка?

Да, размышления о чем-то подобном — это возвращение в колесо становления, а пробуждение не имеет ничего общего со становлением.

Кажется, есть вещи, которые я могу делать и которые дают мне опыт — например, то, о чем вы говорили ранее, когда ищешь себя, пытаешься это обнаружить. Вы бы сказали, что существуют практики, которые ведут к большему осознанию единства?

Нет, абсолютно нет. То, что я предлагаю здесь, — это увидеть всё с совершенно иной точки зрения. Вы всё еще говорите о человеке, у которого есть выбор. Это послание не обращено к человеку; оно не признает никаких людей в этом зале или какого-либо чувства выбора. Это Ничто говорит с Ничем. И Ничто слышит это и говорит: «Да!». А ум говорит: «О да, но подождите минуту — могу ли я сделать то или это?», не видя главного: никого нет. Вопрос не в том, «можете ли вы что-то сделать?», — там никого нет. Может казаться, что кто-то идет домой, поднимается в тихую комнату и медитирует. Для некоторых людей — почему бы и нет? Это то, что происходит. Но там нет никого, кто на самом деле делает этот выбор.

Вы никогда в жизни не делали выбора. Кажется, что выбор приходит откуда-то извне, и вы думаете, что владеете им и действуете на его основании. Это не так — там никого нет. Поищите того, кто делает выбор.

Я чувствую, что это почти слишком трудный путь — использовать слова, это меня просто взвинчивает. Я чувствую едва ли не тошноту от тревоги, которую вызывают эти слова, потому что они никуда не ведут.

Для вас.

Для меня они никуда не ведут. Они полностью застревают. И я знаю, что это неверный путь.

Лучше всего не слушать.

Мой ум просто хочет во всем этом разобраться.

Нет, нет — мне следовало сказать в самом начале: «Не слушайте ничего в течение следующих трех часов»! Вам и не нужно. В этом зале есть люди, которым вообще не нужно этого слышать — их ищущий уже исчез. Они приходят, потому что здесь происходит нечто иное, гораздо более мощное, чем все эти слова.

Ладно, так это какое-то ощущение?

Нет. Вы снова пытаетесь облечь это в слова!

Потому что я пытаюсь перевести это в сферу моего собственного опыта.

Это не имеет никакого отношения к вашему опыту.

Это всё, что у меня есть.

Это всё, что у вас якобы есть, но что именно видит этот опыт?

Но кажется, что это никогда не случится.

Нет, это не случится с вами — это никогда не случится с вами. Это не случилось со мной. Не существует такой вещи, как просветленный человек.

Я чувствую, что вы играете словами, которые я произношу.

Вовсе нет. Возможно ли, что вы на самом деле не хотите слышать о чем-то, что находится полностью за пределами ума? Главное в приходе сюда — уйти абсолютно ни с чем. Пока вы заплатили, всё в порядке! Это самое дорогое «ничто» в городе! (Смех)

Вы просто играете здесь в игру.

Нет, я не играю, но это и есть игра.

Вы играете с моим эго — вы словно бьете его об стену, вы бьете все наши эго об стену.

Да, безусловно, потому что ум полон дурацких идей. Ум хочет ответа, но в итоге приходящий ответ наносит уму поражение, и тот не может ни за что ухватиться. Так что здесь происходит — и это случается всё чаще и чаще — ум сдаётся. И он жаждет сдаться и сказать: «Я не понимаю... О! А!»

В единстве — это множество умов задают кучу вопросов... или же это один ум в единстве с массой вопросов, идей, чепухи и всего прочего?

Есть кажущиеся индивидуумы, и секрет может быть найден только кажущимся ищущим-индивидуумом. Скажем так: в этом зале сотня кажущихся ищущих. Индивидуум — кажущийся индивидуум, ищущий — должен заново открыть этот секрет сам. Вот почему ни один институт не владеет этим секретом. Христианство и буддизм не имеют к этому никакого отношения. Это просто религиозные догматические движения; они вообще не

связаны с пробуждением, просто потому что пробуждение предназначено для индивидуального ищущего.

Можно сказать, что каждый вопрос... Меня, должно быть, триста раз спрашивали: «Почему в мире есть страдание?». Люди говорят мне: «Разве тебя не бесит этот вопрос?». Нет, потому что каждый раз, когда его задают, он исходит из полной уникальности.

Так что моё ощущение таково: уникальным образом мы все — одно целое, ищущее осознания того, что мы одно. Мы — бытие, которое забыло, что оно бытие. Всё так просто. Мы просто пытаемся вспомнить что-то, что где-то обронили. Вот и всё. Это совершенно и предельно просто. Но с другой стороны, это колоссально трудно, потому что мы боимся, что, найдя это, потеряем себя. И как ни странно, потеря себя и есть обретение этого.

Учитывая, что само желание пробуждения подразумевает идентификацию, от которой в итоге придется отказаться, не будет ли верным указать людям на то, что на самом деле это скорее может произойти через самоисследование (self-enquiry), через подвергание сомнению этого чувства идентификации?

И кто же тот, кто выберет заниматься самоисследованием?

Ну, не обязательно говорить людям что-то делать...

Нет, они просто продолжают якобы делать это в любом случае. Это включает в себя не только самоисследование, но и медитацию, и всевозможные процессы «становления». И всё же в этом мире есть люди, которые больше не ищут просветления, но оно случается.

Я знаю, что некоторые люди никогда не занимаются самоисследованием, и оно всё равно случается, потому что оно случается. Но для большинства людей самоисследование, взгляд внутрь, кажется путем.

Для вас это может казаться так, и пока существует кажущееся «вы», может присутствовать сильная зачарованность идеей «делания» чего-либо ради достижения чего-то.

Но самоисследование как осознанность, а не как делание?

Всё, что я могу сказать на это: всё, что якобы делается каждым в этом зале и где бы то ни было еще, совершенно так, как оно есть. Это абсолютно уместно, и это возникает в осознанности, которая определенно не является самоисследованием. В этом мой довод. Потому что никто никогда не мог сделать ничего — и никто никогда ничего не делал — что не было бы абсолютно совершенным во всех отношениях. Всё никогда не могло быть иначе. Сама основа самоисследования предполагает, что существует индивидуальный выбор что-то сделать и куда-то прийти.

Тони, это немного педантично с моей стороны, но если вы попросите поднять руки тех, кто занимается какой-либо практикой, я полагаю, поднимется большинство рук.

Да, я думаю, процентов 70. Хотя довольно много людей, приходящих сюда, уже бросили это. Но что с того?

О, это просто удовлетворяет мой педантичный ум.

Почувствовали бы вы тогда, что практика — это лучше, чем её отсутствие? Если бы я спросил всех в этом зале, кто из них хотел бы выиграть в лотерею, они бы все подняли руки, но это не значило бы, что выигрыш в лотерею сделает вас счастливым.

Тут вы меня запутали, ну да ладно!

Спросите те 70% людей в этом зале, приблизила ли их практика к пробуждению хоть на йоту.

Когда вы минуту назад сказали, что всё происходящее в мире уникально и совершенно, я сразу подумал о Гитлере. Какова его роль во всём этом, на ваш взгляд?

О, быть Гитлером. Гитлер был единым, возникающим как Гитлер, так же как Хусейн — это единое, возникающее как Хусейн. Там нет никакого «Гитлера» — там нет никого, кто был бы Гитлером. Гитлер случается через это тело/ум. Всё так просто.

Но с точки зрения того, что мы делаем здесь, — предположительно, у нас благие мотивы для присутствия здесь...

Нет, вы можете думать, что они благие, но они абсолютно эгоистичны! Вы пришли сюда, чтобы найти то, чего вы хотите.

Они абсолютно совершенны, конечно!

Абсолютно совершенны, но не «хороши» или «плохи».

С одной стороны, вы говорите, что наши мотивы эгоистичны...

Но эгоизм совершенен — всё совершенно.

Тогда это довольно бессмысленное слово, не так ли?

В каком-то смысле да, но в ответ на изначальный вопрос: вы пришли сюда не из добродетели — вы пришли сюда, потому что думаете, что захотели этого, и потому что думаете, что что-то получите. Так и происходит; в этом и заключается поиск. В конце дня вы можете обнаружить, что, хотя вы пришли сюда что-то найти или получить, получить нечего.

Но иногда всё же есть.

О, ну да, в мире есть вещи, которые можно получить — в видимости мира. Ум хочет получать вещи всё время, и это абсолютно совершенно.

Когда я только начал осознанно искать, различные учителя обращали мое внимание на то, что проблемой является ум; что он заслоняет собой это единство, или покой, или что бы то ни было еще. Но я был настолько укоренен в своем уме, что простая попытка наблюдать... В конце концов я обнаружил, что мне приходится использовать свой ум, чтобы зарегистрировать то, что видела «наблюдающая» часть, если это имеет смысл. Это как если бы я был компьютером, который понимает только Фортран, и мне долгое время приходилось переводить всё на Фортран, прежде чем я смог начать видеть без декодирования, прежде чем смог просто видеть и отпускать.

В каком-то смысле, если мы говорим: «Мы не используем наши умы», — это просто еще одна мысль. Это еще одна вещь, которую скажет ум; это еще одно правило, которое он создает.

С умом нет ничего ненормального — я никогда этого не говорил. Ум есть ум. Но когда его видишь ясно, его видишь как то, чем он является — просто набором мыслей, и он столь же божественен, как эгоизм или добродетель.

Я хочу сказать, что хотя сейчас мне не нужно так много пользоваться умом, изначально, когда он был так укоренен, мне приходилось использовать ум, чтобы «потерять» ум, чтобы ослабить его хватку.

Да, именно это здесь и происходит; это нормально, абсолютно нормально. Но на самом деле, не «вы» использовали ум, чтобы потерять ум — в этом-то и проблема.

Нет, это был не я, и я это вижу. Даже в то время я мог это видеть, но я знал, что мне нужно это перевести, я знал, что должен зафиксировать это в своем уме, потому что это был единственный язык, который я понимал, который понимало мое эго.

Но однажды вы придете к осознанию того, что даже эту фиксацию делали не вы. Там нет никого, кто выбирает делать эту фиксацию; это просто происходит.

Есть люди, которые говорят, что существуют определенные вещи, которые могут помочь; что есть такая идея, как «помощь»; что помощь — это нечто реальное. Что значит — помогать?

Ну, есть идея помощи, и есть также идея того, кто может выбрать помочь — себе или другим людям. Обе эти идеи укоренены в невежестве.

Что ж, я бы сказал, что вы помогаете (вы полезны).

Подождите минутку — то, что исходит отсюда, не имеет никакого отношения к Тони Парсонсу. Единое говорит с единым. И можно сказать, что если вы всё еще думаете, что существует нечто вроде помощи, то это и есть помощь. Но на самом деле, что касается единого, вы не нуждаетесь в помощи, потому что там нет никого, кому нужно помогать; а кроме того, то, что есть — божественно. Никто в этом зале не нуждается ни в какой помощи. Там всё равно никого нет, но, ко всему прочему, это божественно; это абсолютно божественно. Кому нужна помощь?

Но люди, которые страдают — мои клиенты, которые приходят, и они страдают, и я вижу, что они страдают, они в глубокой боли... Мне порой это очень трудно дается.

Но проблема в том, что вы думаете, будто они страдают.

Да, я знаю.

Видение того, что они не страдают, уже может вытащить их из этого. Это и есть сострадание. И в любом случае, помощь кому-то страдающему не имеет никакого отношения к пробуждению. Всё, что вы делаете — это помогаете кому-то, кто страдает.

Это как если бы вы пошли на терапию, простили свою мать и решили проблемы со своей сексуальностью — всё, что вы получите в итоге, это человека, который простил свою мать и

решил проблемы со своей сексуальностью. К пробуждению это не имеет вообще никакого отношения. Это как многие учения, которые говорят о том, каким вам следует быть: вы должны быть честным, или серьезным, или медитировать, или что-то еще. Всё, что вы получите в итоге — это кого-то, кто честен, серьезен, много медитирует и ест водяной кресс или типа того. Ну и что?

Возвращаясь к аналогии с единым как водой и волнами в океане: мне просто интересно, является ли понятие души — не на уровне эго или ума, а как некоего духа — этим единым.

Хотя я не был католиком, я ходил в католическую школу, и душа для меня — это такая красная штука, похожая на сердце, с дыркой, из которой капает кровь. Люди говорят о душе — на языке нью-эйдж это называют «ум/тело/дух». Это совершенно бессмысленное название — как будто есть ум, потом есть тело, а потом есть духовность, и все они в трех отдельных отсеках. Это ум пытается всё расчленивать. Есть только единство, и всё, что проявляется, всё, что движется, — это движение единства.

Есть учителя, которые якобы учат «через сердце» или много говорят о сердце. Но опять же, это очень сбивает с толку, потому что кажется чем-то географическим. Я знаю, что это не должно быть географическим — это должно быть о «сердце любви» и всём таком. Но это путает, потому что каким-то образом привязывает это к одной точке. Есть только единство — и точка.

Значит, эта концепция души — это какая-то ссылка на что-то, что...

Ну, ум хочет разделять на секции, поэтому ум называет душой нечто «духовное» и отдельное от всего остального. Таково моё ощущение того, что такое душа. Слово «душа» обычно используется в католицизме чаще, чем где-либо еще. Поскольку им нужно было создать катехизис (который представляет собой ужасающий список того, что вам следует и не следует делать — мне всегда больше всего нравились смертные грехи!), они используют этот язык, и им нужно было найти слово, которое изолирует в вас ту часть, что ближе всего к Богу.

Хорошо, допустим, мы принимаем эту базовую идею о том, что у вас есть...

Вы не можете! Но предположим, что вы это сделали. Заметьте, вы бы не задавали мне никаких вопросов, если бы сделали это.

Ладно, позвольте мне еще немного поболтать. Есть это единство — ну и что? Что оно делает?

Ровным счетом ничего. Однако единство проявляется и кажется действием.

Верно. Полагаю, у меня есть эта подспудная идея, что это должно решить кучу проблем.

Нет, нет, вы видите, вы на самом деле снова вернулись к «душе». Где-то в уме вы изолировали единство в отдельный отсек — как некоторые делают с «присутствием», — будто это что-то витающее вокруг и обладающее благодатью, так что если бы мы все соприкоснулись с этим, мы бы стали лучше. Это вообще не имеет отношения к тому, о чем мы здесь говорим — абсолютно никакого.

Полагаю, мне трудно ухватиться за эту идею бессмысленности или бесцельности всего этого, потому что я как-то не могу поверить, что вы стоите здесь без цели и что вы приехали сюда сегодня из Корнуолла... Хотя вы сейчас скажете, что вы никуда не приезжали, что вы просто каким-то образом здесь... Понимаете, что я пытаюсь сказать?

Да, я понимаю, что пытается сказать ваш ум. Когда я использую слово «цель», ваш ум хочет, чтобы была цель и путь куда-то, чтобы всё происходящее вело людей к чему-то. Когда я говорю о том факте, что цели нет, я имею в виду, что на самом деле ничего не происходит.

Ничего никогда не происходило. Ничего никогда не произойдет. Никто никогда никуда не уйдет, потому что идти некуда — это уже оно. Следовательно, во всем, что проявляется, заложена сущность любви, потому что оно исходит из источника любви. И следовательно, всё, что проявляется, — это приглашение к видению единства для тех, кто не может его видеть, или, якобы, для тех, кто не может его видеть. Так что всё в своей сути — это приглашающая любовь, приглашающий возлюбленный.

Но это не что-то, совершающее действия в вашей жизни то здесь, то там, чтобы привести вас куда-то еще. Это на самом деле кричит прямо сейчас.

Есть страх, что — допустим, жетон провалится (дойдет суть) — ну, я надеюсь, что дойдет, хотя знаю, что у меня нет выбора в этом вопросе... Есть тревога, что всё отпадет и я могу стать невыносимым человеком для жизни.

Хорошо, и что с того?

И мой партнер может меня возненавидеть.

Но и что с того? Потому что если вашему партнеру в его жизни нужно приглашение в виде вашей невыносимости, это будет вашим даром для него.

То, о чем здесь говорится, находится за пределами ума и сердца человека. Это за пределами понимания, это невозможно понять. И это нельзя соотнести с добром или злом. Это за пределами всего этого. Но это также объемлет всё это.

Так что же мотивирует вас приезжать каждый месяц?

Ничего. Нет никого, кто был бы мотивирован. Тело/ум Тони Парсонса садится в поезд и замечает, что выходит на другом конце. Это просто происходит; ничто это не мотивирует. Здесь нет никакой скрытой повестки. Всё, что происходит — ничто говорит с ничем. В этом нет никакой программы или нужды, в этом вообще нет мотива. Если бы был, я бы посоветовал вам всем уйти прямо сейчас, потому что это была бы просто очередная манипуляция. Я не заинтересован в том, чтобы вы в это верили. Я имею в виду — серьезно, на самом деле, вам не нужно возвращаться, потому что вы уже являетесь божественным выражением.

Это такое разочарование!

О, так и есть. Но это одна из тех вещей, которые обнаруживают ищущие. Ищущие хотят найти что-то поразительное, что изменит их жизнь и заставит все проблемы исчезнуть... В каком-то смысле это разочарование — это совершенно обыкновенно. Спросите некоторых людей в этом зале, с которыми это случилось, и они вам скажут: это абсолютно обыкновенно, и почему этого не видят все? Но это также и великолепно.

Может, у меня просто неподходящий тип личности.

Это не имеет к вам вообще никакого отношения!

Но должны же быть люди, у которых «жетон проваливается», и другие, у которых нет! Вы уже указали, что здесь есть несколько человек, до которых дошло — разве нет чего-то в характере, в личности?

Нет, это не имеет никакого отношения к характеру. Это не имеет отношения к человеку — это не случается с человеком. Понимаете, это не случается с Биллом или Мэри — это не случается вообще — это то, что есть. Всё это существование наполнено только этим, и единственное, что стоит на пути этого — идея о том, что Билл или Мэри существуют. Когда это отпадает, остается то, что есть всегда; то единственное неизменное, что никогда не приходит и никогда не уходит. Это неизменная безусловная любовь.

Хорошо. Но я должен это осознать.

Нет, не должны — вы не можете это осознать. К чему вы могли бы прийти — так это к видению того, что там нет никого, кто мог бы это осознать; есть просто видение. Говоря очень практически, в терминах взгляда через глаза: в этом зале нет никого, кто видит меня — есть только видение. Видение, которое, как вы думаете, исходит от вас, на самом деле — просто видение. Видьте из ничего — просто позвольте видению быть. Странно то, что это на самом деле и есть всё, что вообще существует. Всё, что наложено поверх этого — лишь некая идея о том, что вы здесь, что здесь есть личность.

Подойдет ли слово «беспристрастность» к этому видению?

Ну да, в каком-то смысле можно использовать слово «беспристрастность». Оно безлично, оно полностью лишено суждения. Это «плоское» видение. Сначала оно немного тревожит, потому что не кажется тем, чем, по нашему мнению, должно быть — всё таким глянцевым и прекрасным. На самом деле оно безлично, абсолютно безлично, и оно просто из ничего.

Может ли обособленное «я», которое я называю «собой», прийти к единству через священные писания?

Через писания? Совершенно точно нет! В некотором смысле можно сказать, что все написанные слова содержат в себе частицу секрета, но на самом деле это всего лишь чернила на бумаге. Это снова просто слова. Слова здесь совершенно неадекватны; слова в моих книгах и на тех кассетах совершенно неадекватны. И «я» не приходит к единству — «я» возникает в единстве. Есть только единство, и «я» возникает в нем. Так что вы никогда не будете «в единстве» — есть единство, в котором возникает «вы».

Уму трудно это постичь.

Ум никогда этого не постигнет, потому что ум — это инструмент единства для расщепления всего на разделенность, на двое. Вот это — двое: женщина и мужчина; всё творение — это двойственность, мужское и женское. А пробуждение — это брак всего этого в единстве. Ум — лишь инструмент, и он никогда не сможет даже приблизиться к тому, о чем мы говорим. Он и не должен приближаться к этому. Вот почему это хорошая идея — не пытаться запомнить ничего из сказанного здесь и даже не слушать. Вам не нужно слушать — вы и есть это.

С одной стороны, вы говорите действительно правильные вещи, но также говорите, что у вас нет намерения быть кем-то, кто «несет слово». И при этом вы несете слово.

О нет, вовсе нет! Здесь нет абсолютно никакого намерения быть кем-то, кто несет слово! Вокруг так много людей, у которых есть намерение нести слово, что это даже не смешно, и по большей части это слово — путаница. Люди, имеющие намерение нести слово, несут «лже-слово» — это учение о «безупречном заблуждении». Потому что где-то там всё еще кроется личный мотив говорить с кем-то, и в этом — невежество.

И во многих случаях присутствует искренняя вера в то, что эти люди достигли чего-то под названием «просветление» и что они сделали это определенным способом; и есть искреннее желание помочь другим людям достичь этого «просветления». Учение гласит: «Ты — человек, у которого есть выбор делать а, б и в» — обычно это целый список, — «и если ты будешь следовать а, б и в достаточно строго или достаточно серьезно, ты достигнешь того, чего достиг я». К пробуждению это не имеет никакого отношения.

Когда на эти слова возникает внутреннее «Да!», — это источник узнает источник?

Да, но это не имеет отношения к пониманию — это скорее связано с интуицией. Это как прыжок, скачок, внезапное видение чего-то, что уже было известно. «О да — я знаю это!»

И есть ли большая вероятность того, что это произойдет благодаря нашему приходу сюда?

Я думаю, в некотором смысле то, что происходит здесь (и в других местах), заключается в том, что ум приходит, как я сказал в начале, с намерением что-то получить — а затем понимает, что он ничего не получит, потому что на самом деле ничего не дается. Он продолжает приходить, всё еще с идеей что-то получить, и ничего не получает... И это продолжается и продолжается, пока он просто не сдастся. Когда приходит осознание того, что получать нечего, тогда начинает видеться «это» как оно есть.

Это не имеет ничего общего с отстраненностью или разотождествлением — это связано с отпусканием ищущего и обнаружением того, что то, чем мы являемся, уже живет в этом раю. Это история любви. Это связано с тотальной близостью просто с чудом этого. Это как ребенок на пляже, строящий замки из песка, и для него не существует ничего, кроме песка, моря и соленого вкуса. Это всё, что есть — больше ничего нет. Это чудо этой простоты, чудо «этого», которое выбрасывает в окно все концепции, всё о добре и зле. Это вневременное чудо того, чем мы являемся.

Так что вы пришли сюда только для того, чтобы вспомнить что-то. И да, если вы продолжаете приходить, каким-то образом то, что было навалено поверх этой простоты, просто отпадает.

Значит, речь идет об осознании ничто?

Да, можно использовать эти слова. Это видение единства. И в конечном счете здесь нет никого, кто видит единство — здесь нет никого, кто видит что-либо таким образом. Здесь никого нет — есть просто единство.

Значит, отпускание «чего-то»?

Это отпускание идеи о том, что нужно что-то найти, и отпускание того, кто сидит внутри и оглядывается в поисках чего-то. Это просто позволение видению быть, позволение слушанию быть, позволение обонянию быть, позволение касанию быть, позволение узнаванию чувств быть... Позволение чувствам просто быть увиденными без всякого ощущения, что их нужно менять; они просто есть то, что есть. Всё, что возникает, — это просто возлюбленный. Всё без исключения.

Допустим, вы выходите отсюда и видите конфликт на дороге перед собой: два человека вот-вот подерутся. Возникает ли у вас чувство или ощущение, что вы могли бы вмешаться в это? Или вы отступите?

Ну, я англичанин, так что я притворюсь, что ничего не происходит! (Смех) Невозможно знать заранее — я не мог бы сказать вам сейчас, подниму я эту руку или нет.

Но вы понимаете, на что я намекаю?

Да, понимаю. Ум всегда пытается найти формулу — формулу правильной жизни, формулу просветления. Если вы выйдете на дорогу и увидите, как кто-то избивает кого-то другого, остановите ли вы их? Это не имеет абсолютно никакого отношения к тому, о чем мы здесь говорим. Здесь нет никакой связи — хороший поступок, плохой поступок — это всё в мире драмы. Пробуждение не имеет ничего общего с добродетелью.

Видимость добродетели может сильно сбивать с толку. Была одна дама, у которой были два говорящих попугая, но единственное, что они говорили, было: «Мы проститутки и устроим вам веселое время!» Это всё, что они произносили. Она была очень обеспокоена этим и пошла к другу, который сказал: «Я знаю католического священника, у которого тоже есть два попугая. Я думаю, если ты пойдешь к нему и покажешь своих попугаев, они пообщаются, и твои могут измениться к лучшему».

Она пошла к священнику, и тот сказал: «Ну, у меня действительно есть два попугая, Билл и Джо. На самом деле они не разговаривают — всё, что они делают весь день, это перебирают четки. У каждого из них есть четки, и они молятся в тишине весь день. Я никогда не видел такой преданности. Почему бы тебе не посадить твоих попугаев к Биллу и Джо, и мы посмотрим, окажут ли они на них доброе влияние?»

Она сажает своих попугаев в клетку, и те говорят: «Мы очень горячие проститутки и устроим вам веселое время!»

Билл говорит Джо: «Можешь выбрасывать четки — на все наши молитвы ответили!»

Брекон
Ноябрь 2002

Между Мексикой и Америкой процветает контрабанда. Однажды мексиканец подъезжает на велосипеде с мешком песка за спиной. Пограничник говорит: «Стой! Я хочу посмотреть, что у тебя в мешке». Человек отвечает, что в мешке песок. Полицейский просит его опорожнить мешок, и действительно, там только песок, так что он его пропускает. Это происходит снова и снова, два-три раза в неделю, и полицейский просто знает, что происходит что-то странное.

Однажды полицейский оказывается по ту сторону границы в Мексике, выпивает в баре, и туда входит этот парень. Полицейский подходит к мексиканцу и говорит: «Я видел тебя на границе, но сейчас я не при исполнении — позволь мне угостить тебя».

Они выпивают, и он говорит парню: «Послушай, давай вернемся к тому, что происходит на границе. Ты подъезжаешь на велосипеде с этим мешком песка, я проверяю — и там всегда только песок. Но у меня есть стойкое чувство, что ты что-то провозишь контрабандой. Да ладно, мы теперь друзья — я не собираюсь доносить на тебя — просто скажи мне, что ты провозишь?»

И мексиканец отвечает: «Велосипеды».

Что мне нравится в этой истории, так это то, что она очень близка к тому, о чем мы говорим. С одной стороны, секрет скрыт — а с другой стороны, он совершенно очевиден.

Потому что прямо сейчас — это всё, что есть. Прямо сейчас, здесь, происходит именно это. В этих телах/умах происходит ясное видение; есть просто видение. Но где-то в уме живет идея — и в этом вся драма, — что там сидит кто-то и видит. В этом и тонкость, и очевидность этого.

Когда случается пробуждение (а сейчас это происходит довольно часто), первое, что люди говорят чаще всего, — это то, что видимое теперь совершенно очевидно. Это так очевидно. Это находится прямо по соседству с тем, что, как вам кажется, происходит прямо сейчас. Вы думаете, что видите меня — на самом деле всё, что реально происходит, это видение меня или чего бы то ни было возникающего. Разница между пробуждением и не-пробуждением — между видением и не-видением — заключается просто в видении того, что там никого нет. Нет никакого «меня».

Если хотите, можете закрыть глаза и попытаться найти «меня». То, что возникает в осознанности, — это ощущения. Могут быть чувства в теле, мысли... Неважно, что именно возникает — «меня» там не найти. Поищите «меня» — невозможно найти фиксированное место, фиксированную точку, которая была бы «мной». Где ваше «я»? Продолжайте искать «меня», и всё, что на самом деле будет найдено, — это ощущения, телесные ощущения, осознание тела, осознание мысли «Я не могу найти меня»...

И странно то, что то, что ищет «меня», — это и есть то, чем вы являетесь. Вы — тот, кто ищет. То, чем вы являетесь, — это единство. Единство — это видящий, видящий всего. Единство есть всё и видит всё как самое себя. Всё, что произошло, — это то, что мы каким-то образом искали что-то другое, что-то персонализированное, объект под названием «просветление»; что-то, что находится «там» и должно спуститься с небес и наполнить нас новой энергией; что-то, что приходит и дополняет нас.

На самом деле мы ищем утрату идеи «меня». Это просто утрата личной идентичности — которая в любом случае никогда не была реальностью. Мы ищем утрату нереальности. Теряется всё, и в некотором смысле «я» — это всё. Мы — богачи, пытающиеся найти царство небесное. Всё время, пока есть «я», у которого есть концепции о себе, важности жизни и важности поиска просветления, — мы богатые люди.

И всё это отпадает, и не остается ничего, кроме видения «этого»; просто ясного видения ощущений, жизни, которая якобы происходит. Это ясное видение исходит из ничего. Это как если бы там было «ничто», видящее происходящую жизнь. Без всякого чувства, что происходящее должно измениться, стать лучше или хуже; без какого-либо суждения

вообще или какого-либо ощущения, что видимое куда-то ведет. А за пределами ясного видения пребывает единство (unicity).

Так что то, что вы ищете, уже есть. То, что вы ищете, — это уже «это». На самом деле, всю вашу жизнь было ясное видение. Что накладывается поверх него, так это идентификация, будто есть отдельный видящий. И это наложение тоже божественно.

Это просто сдвиг в восприятии с «того» на «это». Это предельно просто, предельно прямо и доступно. Просветление абсолютно доступно. Свет — это всё, что есть. Все эти идеи о том, что нужно взбираться на гору и медитировать двадцать лет, отказываться от желаний... Пробуждение не имеет ничего общего ни с чем из этого. Свет — это всё, что есть. Нет ничего, что нужно было бы сделать, просто потому что это всего лишь видение «этого». Кто должен что-то с этим делать? Всегда есть только «это», только «это» когда-либо существует. Куда бы вы ни пошли, есть только «это».

Не думайте, что пробуждение может случиться только с людьми, которые годами сосредоточенно искали. Есть немало людей, и здесь, и в Голландии, которые никогда не шли ни по какому пути, не прилагали никаких усилий и не были ни в коем случае преданными, и для которых пробуждение случилось и, по-видимому, утвердилось.

Тайна того, как отпадает поиск — как у людей, очень преданных ему, так и у людей, которые нет, — просто не имеет ответа.

Не знаю, читал ли кто-нибудь «Пересмотр сверхсознания»? Это довольно интересная книга психолога, в которой рассматривается всё дело пробуждения — что, по его мнению, происходит и что произошло с ним самим, так что он говорит не от невежества. В одной главе приведено немало случаев людей, которые имеют не больше представления о том, что такое просветление, чем муха в воздухе; они просто не были в это вовлечены вообще. И всё же это новое видение случилось и осталось с ними.

Я говорю это к тому, что пробуждение не имеет никакого отношения к истории. В некотором смысле долгосрочный ищущий может накопить множество концепций и стать тем, кого Христос называл «богатым человеком».

Тони, без всех усилий поиска это звучит как лотерея.

Да, в каком-то смысле можно сказать и так. Это не лотерея, но звучит именно так. Но также можно увидеть, что на самом деле пробуждение ни с кем не случается.

Это всё очень хорошо, если оно случилось с вами!

Да, но такова реальность. Люди, кажется, участвуют в лотерее и выигрывают в нее, но никто не совершает «становления пробужденным».

Но в любом случае, что делать, считаете вы это лотереей или нет? Если вы думаете, что это лотерея, значит, вы думаете, что это лотерея. После того как это случилось, вы видите, что это не имеет никакого отношения к лотерее или к чему-то, что случается с вами.

Вы хотите сказать, что все эти годы усилий были потрачены впустую?

Боюсь, что так! (Смех) Ничто никогда не тратится впустую, конечно. Вы это знаете. Ничто не тратится впустую, всё есть просто то, что оно есть. Но какие бы усилия вы ни вкладывали в

это, они никогда не приносят ничего, кроме подкрепления того, что кто-то вкладывает усилия в то, что уже и так является фактом.

Если вы пребываете в ясном видении и в абсолютном сознании, то вы, как абсолютное сознание, могли бы пробудить того, кого захотите.

О нет, вовсе нет. Никто не может вызвать пробуждение другого человека, потому что никто не пробужден, так что вы не можете сделать кого-то другого пробужденным. Всё, что происходит, — это отпадание ищущего, и никто другой не может заставить кого-то оставить поиск. Вы можете говорить им, что искать нечего, но они, черт возьми, не станут вас слушать, я это заметил!

Но ведь это ваша собственная игра?

Чья игра? Даже после пробуждения нет никого, кто мог бы выбирать или заставлять что-то происходить. И нет нужды заставлять что-то случаться. Всё, что кажется происходящим, — лишь видимость единого.

Но чья же это игра?

Ничья — это просто игра. Нет никого — там, снаружи, никого нет! На самом деле нет — никого. Есть просто игра.

Но разве это не некая форма интеллекта?

Интеллект есть, но это не «разумное существо» — это просто разумная игра.

Хорошо, но это сознание...

Погодите, вы ведь говорите о Боге, не так ли?

Я не совсем о Боге — я просто о том факте, что это нечто; это бытие. Это что-то или это ничто...

Это и то, и другое — и нечто, и ничто. Это «это». Это не сознание, пришедшее откуда-то — это, если хотите, и есть сознание. Это жизнь. Просто жизнь играет в жизнь, и нет ничего, что направляло бы это, и ничего, что выбирало бы. Никакой судьбы нет. Ничто никуда не движется. Это просто жизнь, играющая в жизнь.

И нет ничего «там», что сказало бы: «Ты будешь просветленным», потому что нет никого, кто когда-либо станет просветленным. Вы и есть просветление — вы и есть то самое. Это — и есть то. И есть просто идея, что это — не то. Когда эта идея отпадает, тогда то, что уже есть, видится — никем.

Так что нет никого, кто мог бы вызвать пробуждение или ясное видение в другом предполагаемом человеке.

Вся идея о возможности просветить кого-то или передать просветление исходит прямоком из манипулятивного ума того, кто внушает, что это может произойти через него; и из ума того, кто хочет, чтобы это произошло. Люди идут к учителям, которые говорят, что могут их просветить, потому что это звучит как очень привлекательная идея. Этого никогда не

случается — это не может случиться, потому что здесь нет никого, кто мог бы что-то сделать с кем-то другим там.

Вы абсолютно одиноки; вы всегда были абсолютно одиноки. И в каком-то смысле именно поэтому это секрет — потому что это, по-видимому, совершенно личный секрет: пока есть ищущий, предлагается секрет. Это приглашение. И для этого ищущего его приглашение совершенно уникально.

Всё, что происходит с вами, — это совершенно уникальное приглашение для вас обнаружить, что есть только единство. Но никто другой не может пододвинуть вас к этому ближе своими действиями. Они не могут выбрать привести вас ближе к тому, чем вы уже являетесь. Никто не может, потому что это событие происходит в полном одиночестве. Всё творение — для вас. Это абсолютная правда — полностью и уникально для вас.

Значит, вы один, но одиночества нет.

Нет, одиночества нет, за исключением, очевидно, периода до пробуждения. После — есть уединенность («единоность»), но вы живете в любви, так что одиночества нет, потому что «влюбленность» наконец-то случилась; влюбленность во всё. Идеальный возлюбленный найден, потому что всё и есть идеальный возлюбленный. И всё это — единство.

Энергетически на самом деле происходит лишь то, что в этой комнате «ничто», которое там, если хотите, видит и встречает «ничто», которое здесь. И энергетически происходит расширение в это ничто. Но всё, что вы на самом деле видите, — это то, чем вы являетесь. Отсюда не исходит ничего, что могло бы что-то изменить там.

Всё, что здесь есть, — это видение того, чем вы являетесь. И в каком-то смысле, поскольку эта энергия невероятно освобождающая, эта свобода видится и в неё происходит расширение. По сути, это расширение в любовь. Но это никому не принадлежит; ничто из этого никому не принадлежит. Это просто видение или не-видение.

Вы никогда не уходите от этого — вы живете в приглашении, в этой неизменной близости. Вы и есть эта близость.

Но в этой обстановке может быть больше открытости к этому.

Конечно, потому что в каком-то смысле приход сюда подобен молитве, единственной молитве. Единственная молитва — это, если хотите, «Сделай меня ничем». «Позволь мне быть ничем, чтобы случилось видение». Так что в приходе сюда с такой молитвой есть определенная близость события.

Тони, когда вы говорите «приглашение», это создает идею чего-то, что можно принять или отвергнуть, но это ведь не так, раз никто ничего не может сделать. Верно? Значит, это не то приглашение, которое можно принять или отклонить.

Ну, в каком-то смысле так и есть, потому что на самом деле приглашение почти постоянно отвергается. Ум не видит приглашения — ум не может его видеть, потому что в уме живет образ «меня», который живет во времени. И можно сказать, что приглашение не принимается, потому что оно вне времени. Мы живем в почти постоянном неприятии любви. Другим словом для приглашения может быть «благодать».

Но когда происходит принятие... есть ли принятие?

Мы снова впадаем в парадокс, потому что всё, что на самом деле происходит, — это исчезновение предполагаемой личности или воображаемого отдельного существа, которое «принимает» приглашение. Принятие приглашения — это и есть исчезновение ищущего.

Но всё возникающее — это приглашение увидеть, что то, чем вы являетесь, и есть единое. Большую часть времени мы проходим мимо этого. Мы мечемся по миру, делая свои дела и разыскивая просветление, не замечая, что шаги, которые мы делаем к следующему ретриту, — это и есть приглашение, это и есть единое, совершающее шаги. Отказ от приглашения или его принятие не могут быть выбраны, это просто случается.

«Приглашение» — одно из тех слов, которые уводят меня куда-то в сторону.

Это ближайшее слово, которое я могу подобрать для того, что невозможно выразить. Но так или иначе, пока кто-то что-то ищет, всё вокруг приглашает его увидеть, что ему не нужно ничего искать. Если предложите другое слово — прекрасно, но я не могу придумать ничего, кроме «благодати»... Мы живем в постоянной благодати.

Можно ли сказать, что это приглашение не отождествляться с чем бы то ни было?

Не совсем. Это возлюбленный являет себя, и это может быть увидено или не увидено. Он не отталкивает вас — он просто приглашает.

Молитва, о которой вы говорите, — кому вы её посылаете?

Никому. Ищущий молится самому себе, на самом деле; тому, чем он является. Ищущий молится своей собственной природе: «Пожалуйста, раскройся», скажем так. «Я готов отдать всё ради этого». Хотя люди не обязательно приходят сюда с мыслью, что они готовы отдать всё, — в конце концов именно это и произойдет. Это об отказе от всего. Или можно сказать, что это об отказе от инвестиций в видимость. Но это своего рода смерть, и она кажется угрозой, потому что мы так привыкли жить в том, что, как нам кажется, мы знаем — в этом «я». Поэтому это ощущается как нечто большее, чем просто отказ от видимости...

Ум цепляется за идею, что то, что он ищет, — это состояние; что-то, за что можно удержаться и что можно огородить забором. Медитация — один из способов, которыми ум пытается установить такое состояние. Теория гласит — и кажется, вполне справедливо, — что если вы сидите и медитируете, то возможно достичь состояния, в котором больше нет медитирующего. Можно сказать, вы достигаете состояния, в котором нет «я». И люди могут сидеть, формально медитировать и обнаруживать пространство, где нет медитирующего, где больше никого нет. Это состояние может длиться часами, минутами, секундами — неважно.

Трудность в том, что после этого кажущийся медитирующий возвращается, встает и идет на кухню заваривать чай, и возникает фрустрация, потому что того состояния больше нет. Также есть медитации, в которых можно создать состояние блаженства, что очень приятно, но когда человек уходит делать дела или возвращается к обычному режиму, этого состояния опять же нет.

Теория в том, что если чаще стимулировать это состояние отсутствия медитирующего или блаженства, то, возможно, оно останется навсегда, и вы сможете жить в блаженстве или в

отсутствии «кого-то». Но на самом деле всё это искусственно, так как основано на идее, что просветление — это нечто отдельное от того, что обычно известно. «Есть состояние под названием "никого нет", и это и есть просветление. Следовательно, если я смогу поймать его, я смогу как-то обнести его забором и, возможно, жить в нем». Разочарование от медитации в том, что это как держать песок в руке — он просто просачивается сквозь пальцы. Подобная попытка зафиксировать что-то — всё равно что писать на воде.

То, о чем мы здесь говорим, — это то, что на самом деле уже есть. То, о чем мы говорим, никогда не приходило и никогда не уйдет. Это присутствие, это тишина... Слова не могут этого выразить, но это не состояние, и это не то, что то есть, то нет. На самом деле это всё, что существует.

Что стоит на пути этого знания — так это вы, это ум, это «я», которое хочет найти то состояние. И никакое количество медитаций, жертв или очищений, ничего подобного никогда не позволит этому проявиться, потому что этому не нужно проявляться. И никакое количество медитаций или усилий никогда не разрушит иллюзию «я», потому что само усилие по разрушению иллюзии «я» продолжает подпитывать это «я-канье».

Если отбросить использование медитации как метода очищения и всё, что вложено в это предложение, разве она не имеет какой-то ценности в том смысле, что есть это ничто, есть его оценка, есть — это нельзя назвать опытом — но всё же переживание видения ничто? Разве это не дает своего рода подтверждение?

О, безусловно, хотя в каком-то смысле это видение ничто может случиться в любой ситуации. Конечно, если медитация должна случиться для того, чтобы это было увидено, то она случится. Я лишь говорю о том, что вы не можете подкрасться к самому себе; нельзя подкрасться к пробуждению. Нет метода, который позволил бы вам совершить путешествие к тому, что уже является фактом.

Часто случается так, что вы получаете этот «вкус», но сам факт того, что вы выполняли технику, создает тонкое ощущение, что нужно чего-то достичь. И это становится таким мучительным барьером, потому что вы знаете, что там что-то есть, но ощущение того, что это не то, чем вы уже являетесь, на самом деле подкрепляется тем фактом, что вы делаете технику, чтобы «получить» это.

Абсолютно. И обусловленность нашей жизни такова, что эта идея очень привлекательна. Чтобы стать хорошим теннисистом, нужно тренироваться каждый день, отрабатывать удар слева, пока он не станет естественным и сильным. И если вы будете бегать по пять часов в день, вы станете хорошим бегуном. Как и во всём остальном — мы приучены верить, что усилия приносят результаты.

Разве та же опасность не присутствует и здесь сейчас? Здесь всё еще сидит группа ищущих перед человеком, у которого нет системы — или чья система заключается в отсутствии системы.

Безусловно, но если мы говорим об этом, если это выражено, появляется вероятность, что ум не попадет в ловушку так легко. Тогда как в атмосфере медитаций, школ медитации и подобных систем всё устремлено к тому, чтобы как-то «добыть» пробуждение. Давайте проясним: здесь предлагается не наличие или отсутствие системы, а видение того, что нет никого, кто мог бы выбирать.

Я как раз думал о том, что вы говорите, и мне казалось, что пробуждение — это когда ум успокаивается и просто пребывает в бытии.

Ум не успокаивается — природа ума в том, чтобы не быть в покое.

Но я думал, вы говорили, что ум становится покладистым — а это именно то, что я слышал раньше в отношении медитации.

Ум находит свое естественное место и функцию. Он не затихает навечно, но занимает свое место в реальности как рабочий инструмент, а не пытается быть великим гуру.

Когда я только начал медитировать, это было очень трудно, потому что в голове постоянно крутилась вся эта «умственная жвачка», все эти мысли. А потом наступило время, когда этого больше не было, и ум стал очень тихим. Теперь я не знаю, исходя из ваших слов, является ли это просто неким индуцированным состоянием... Я бы не сказал, что это было как-то особенно блаженно — просто тихо, и в этой тишине было гораздо легче быть.

В этом нет ничего правильного или неправильного — просто в итоге вы имеете человека с более тихим умом.

Так чем же это отличается от того, что описываете вы?

Идея о том, что у кого-то стал более тихий ум, не имеет никакого отношения к пробуждению. Нет никакой значимости; между ними просто нет связи. Это как терапия. Вы можете пойти на терапию и простить свою мать — тогда вы будете человеком, который якобы простил мать. Или вы можете годами медитировать и получить тихий ум — тогда вы будете человеком, у которого якобы более тихий ум. И то, и другое — приобретения, собственность. Пробуждение приносит тотальную нищету и абсолютное богатство.

Наличие более тихого ума делает жизнь в игре проще, вы лучше ладите с людьми и меньше ссоритесь. Можно сказать, это способствует более гармоничной жизни...

Когда перед вами кто-то, кто якобы живет более гармоничной жизнью, перед вами кто-то, кто якобы живет в состоянии гармонии. Конечно, пробуждение может случиться и тогда, но там нет никого, кто вызвал бы это состояние или кто мог бы его поддерживать.

Для того, кто не пережил того, что пережили вы, существует огромная опасность пытаться заставить это случиться. Например, можно как бы взять «я» под наблюдение и не действовать из него, но на самом деле мы ничего не можем сделать, чтобы изменить положение вещей. Это кажется безнадежным.

Это и есть безнадежность. Это совершенно и абсолютно безнадежно. Это даже хуже, чем безнадежность — потому что «безнадежность» так или иначе указывает на то, что может существовать кто-то, кто безнадежен.

Мне кажется, вы бы хотели, чтобы мы все смогли освободиться или как бы вы это ни называли.

Я бы не «хотел» этого — давайте будем здесь осторожнее!

Но у меня всегда возникает чувство в случае с Майклом и Роджером, что вы так рады за них, за то, что эта ситуация возникла.

Есть радость от того, что это случилось, но здесь нет никого, кто мог бы заставить их быть такими или хотел бы этого от них.

Но радость есть.

Да.

Значит, если бы это случилось сегодня для каждого здесь, кто еще не там, это была бы огромная радость.

Да, была бы.

И это всё, что мы можем сказать.

Да, за исключением того, что я бы удвоил плату! (Смех)

В пробуждении эго растворяется или оно всё еще там, просто прозрачное?

Всё на месте.

Потому что я приравниваю эго к нужде.

Да, нужда тоже на месте — в характере, а также во всем проявлении, в игре единого, и я — это то.

Хорошо, это то, в чем я запутался, когда вы говорили, что нет никого, кто нуждался бы в других людях. Но нужда всё еще здесь, не так ли?

Да, нужда всё еще здесь. Можно сказать, что есть просто присутствие, и в нем всё возникает, включая нужду. Но больше нет центральной фигуры в, скажем, Тони Парсонсе, которой нужно что-то для восполнения того, что уже есть — в том смысле, в каком это было до пробуждения. То есть в центре нет никого, кому что-то нужно, но нужда возникает. Центра, который был раньше и хотел, чтобы всё стекалось к нему, больше нет. Но Тони Парсонсу нужен ужин или что угодно еще — всё, что возникает.

Это, вероятно, ничего не будет значить, но мне кажется, это можно описать так: часы просто перестали тикать.

Да, это то же самое — временной фактор больше не задействован, следовательно, нет чувства будущего или прошлого.

Но важно и другое: это не что-то личное. Быть в присутствии — значит быть всем, так что если это — быть всем, то, очевидно, нужда возникает. И не только в этом теле/уме, но и в каждом другом теле/уме, которое оказывается рядом, которое оказывается в этой осознанности. Так что я — это всё в этой комнате... Есть только единство, поэтому то, чем я являюсь — а это единство — есть всё в этой комнате. И в этой комнате есть нужда.

Я запутался в этой «нужде». Если взять пример с тем, что вам нужен ужин, чтобы удовлетворить чувство голода внутри тела/ума, — для меня это выглядит так, будто всё еще есть нечто центральное, требующее удовлетворения, нечто внешнее, что нужно принять внутрь.

Да, хорошо, в этом-то и суть — нет ничего центрального. Возникает нужда удовлетворить чувство голода — а не «мою» потребность в еде. Мы используем язык так, что персонализируем нужду или страдание: «Я страдаю». В ясном видении нет никого, кто страдает, и нет никого, кто голоден — но голод возникает.

Тони, если всё, что возникает в каждый момент, просто возникает и исчезает, а в следующий момент происходит новое возникновение и исчезновение, — есть ли какие-то связи в терминах дуальности? Есть ли какие-то законы, которые управляют происходящим в дуальности?

Ну, конечно, в конечном счете вообще ничего не происходит, но в видимости возникающих вещей — да, они управляются естественным законом.

Что вы под этим имеете в виду?

Ну, скажем, закон притяжения — вот это возникает и притягивается к тому. Этот закон — то, как работает проявление; оно работает в рамках законов природы. Если вы режете помидор ножом, он разрезается пополам — в этом есть закон. Все естественные законы всё еще якобы функционируют.

И всё еще есть точки отсчета.

Есть только видение. В пробуждении нет никаких точек отсчета, совсем никаких.

Но вам же нужна точка отсчета в виде вашего тела/ума, чтобы удовлетворить этот голод... Я с трудом это воспринимаю.

Что ж, если хотите называть это точкой отсчета — дело ваше, но на самом деле это просто видение возникающего голода и его удовлетворения. Если вы считаете тело точкой отсчета — это ваше право так думать. Но здесь это так не видится. Всё, что видится, — это тело; всё, что видится, — это кажущееся существование тела, которое может чувствовать голод, есть, а затем не чувствовать голода.

Мне кажется, она имеет в виду: если возникает голод, как вы узнаете, что еда должна отправиться в этот рот, а не в тот?

Вы не «узнаете» — это просто случается. Функционирование происходит, и происходит оно на самом деле в сто раз лучше, чем раньше. Но точки отсчета нет — есть просто события, которые видятся.

Трудность здесь в идее локализации, потому что кажется, что если тело Тони Парсонса голодно, а затем тело Тони Парсонса что-то потребляет и перестает быть голодным, то это нечто происходящее локально. Но на самом деле всё это — единство, являющееся как голод и удовлетворение. И поначалу, когда всё это начинает происходить, это очень трудно, потому что идея локальности так сильно обусловлена. Она невероятно мощная. Мы так поглощены этим чувством локальности — мы не понимаем, что оно вовсе не локально — оно есть всё. Наше тело — это возлюбленный в форме тела («тело-вание»), а стул вон там — это возлюбленный в форме стула («стуло-вание»).

Мы так сильно погружены в это чувство локальности, потому что несем это тело/ум с собой с самого рождения, и мне кажется поразительным, что это может когда-либо отпасть при живом теле/уме. То, что локализация исчезает, должно быть колоссальным сдвигом.

Так и есть, но видите ли, вы использовали слово «здесь» — тело находится «здесь». Но на самом деле тело не «здесь» — тело просто есть. Когда вы говорите «здесь», рядом с чем оно? Оно рядом с личностью, которой вы себя считаете. Когда никого нет, есть просто тело, и оно не «здесь».

Хорошо, так что происходит, когда это уходит? Я не вижу, как может не быть точки отсчета.

Я знаю — нет никаких границ, нет точки отсчета, есть просто «это».

Значит, нет никакой «здесь»?

Да, «здесь» нет. Именно это я и пытаюсь сказать — нет ни «здесь», ни «там», есть просто то, что есть. «Здесь», «там» и точки отсчета — это просто видимости, как гравитация.

Такие разговоры могут создать впечатление, будто тело непрерывно, но это не так — тело просто появляется и исчезает всё время.

Да, например, прямо сейчас вы осознаете свое тело. В 3 часа ночи никакого тела не будет. Даже днем бывает много моментов, когда тела нет.

Например, когда?

Да бросьте! Когда кто-то входит в комнату, или когда вы читаете книгу, или полностью поглощены фильмом... Вы в чем-то другом, и тела нет.

Тони, если мы возьмем аналогию с волной: когда мы говорили раньше, у меня возникло чувство, что, возможно, я — это просто сжатие, которое возникает, а затем снова исчезает. Но почему, когда я возникаю снова, я не принимаю, скажем, вашу форму? Как получается, что в материальном смысле это всегда именно эта форма? Кажется странным, что волна всегда поднимается в одном и том же виде.

Да, это чудесно.

Это часть тайны?

Да, это часть тайны и часть продолжающейся драмы и истории о том, что существует кто-то, являющийся индивидуумом, отделенным от всего остального.

Вся магия того, что в мире нет никого другого, похожего на вас, — когда это видится ясно, — превращается в тотальное празднование. Но пока это видится как «индивидуальность», это создает беспокойство. Это продолжает подтверждать, что на самом деле там кто-то есть; там есть отдельный индивид. Поскольку нет никого другого, похожего на вас, это где-то подкрепляет ощущение вашей отдельности. Это божественно, конечно же — как я должен продолжать подчеркивать этим утром, очевидно! Это божественно, потому что это возлюбленный представляет ситуацию, которая ведет этого ищущего в любовь.

Каждый день, каждое утро волна формируется и говорит: «Смотри, вот каково это — в этом отдельном мире, в который мы решили поиграть! Разве это не чудесная игра?» А после пробуждения наступает празднование уникальности этого творения, и больше нет нужды что-либо выяснять об этом. Больше нет никаких вопросов — всё просто так, как оно есть.

Но вы всё еще можете праздновать персонажа?

О, безусловно, причем впервые, потому что это празднование так свободно. Это чудесное празднование сначала Тони Парсонса, а затем, естественно, и всех остальных. Это две заповеди Христа — «Возлюби Бога и возлюби ближнего своего». Вот о чем он говорил; он говорил об открытом секрете. «Увидь, что ты — это всё, что есть, и полюби то, что возникает в этом».

Я помню, в одно время вы говорили о ясности в противовес некоему «всеобъемлющему». Я не помню это достаточно хорошо, чтобы облечь в слова.

Ну, в одно время я говорил о взаимоотношениях между кажущимися мужчинами и женщинами, о мужской и женской энергии, где мужское боится огня, а женское боится безличности.

Да, точно.

То, что может произойти при пробуждении — это переход в нечто, что я бы назвал отстраненностью или разотождествлением. Это еще не совсем пробуждение, но это, можно сказать, открытие пробуждению. В нем есть осознание возникающих объектов. Человек живет в осознанности, которая очень отстраненна от всего; она ни с чем не отождествлена. Но подспудно там всё еще есть кто-то, кто осознает возникающие объекты, так что тонким образом там всё еще сохраняется дуализм.

Это легче случается в мужской энергии, чем в женской, потому что мужскому началу нравится жить в «башне из слоновой кости» — в холодной и не отождествленной осознанности. Часто мужское начало может оставаться в этом, потому что это безопасно и там нет близости — как в башне.

И в этой ситуации жизнь может прийти и разнести эту башню, или стеклянный ящик, как я его иногда называю. Жизнь разбивает этот ящик страстью или огнем. Женское начало олицетворяет землю, огонь и близость, и именно это разбивает ледяную отстраненность, в которой может жить мужское. Но если этот стеклянный ящик удастся разбить, тогда появляется освобождение — которое, конечно же, является безусловной любовью.

Освобождение не имеет ничего общего с разотождествлением или отстраненностью — оно о любви. Это предельная история любви. Это брак льда и пламени. Но давайте проясним: это возникает в осознанности, и для этого вовсе не обязательно состоять в отношениях. Отношения — лишь репрезентация пробуждения, которое находится за их пределами и в то же время объемлет их. Кажущийся организм тела/ума состоит из обеих полярностей, мужской и женской, как и всё остальное.

С другой стороны, женская энергия, можно сказать, может иметь очень эмоциональный опыт — очень мощный, обладающий всем цветом и огнем любви, преданной любви. Но в этом порой не хватает безличности, которая есть у мужской энергии. И когда происходит настоящий брак ясности и страсти, тогда снова может случиться освобождение.

Так что, на самом деле, освобождение — это просто брак. Даже не «просто брак» — это Тот Самый Брак. Огонь и лед гасят друг друга, и результатом является ничто, пробуждающееся во всё.

А что происходит с тем, кто пойман в «огонь», если «ледяная» часть — это как башня из слоновой кости или стеклянный ящик?

Они склонны оставаться в высокоэмоциональном состоянии (что не обязательно означает хаос). Там есть чувство великой любви, но нет великой ясности. И они склонны общаться именно из этого состояния.

Проблема ситуации «промежуточного дома» (halfway house) в том, что в какой-то степени там всё еще тонко присутствует кто-то. И часто случается так, что люди добираются до этого промежуточного этапа, думают, что просветление уже произошло, и начинают это транслировать. Часто они делают это очень искренне, но трудность в том, что когда «кто-то» всё еще там, у этого «кого-то» есть своя программа (agenda), и эта программа проецируется на тех, кого якобы учат и кто слушает это послание. И если в полном освобождении энергия просто уходит вовне, вовне и вовне, то в ситуации промежуточного этапа она может выходить, а затем возвращаться обратно к «себе». Конечно, всё это — божественное выражение.

Каков же итог этого?

О, это то, что есть, это просто божественная игра. Если кто-то хочет быть сухим, или жаждущим власти, или «большой мамочкой», или «папиком», или кем угодно еще — это то, что происходит. Если людям нужно побыть рядом с любым из этих проявлений — это то приглашение, которое им нужно. Это абсолютно совершенно.

Но это вовсе не означает, что мужчине нужна женщина или женщине нужен мужчина. Вам не нужно быть женатым... При жизни в одиночестве мужская и женская энергии всё равно присутствуют в одном теле/уме. Этот брак может произойти и происходит в одном теле/уме, потому что во всех нас есть мужская и женская полярности. У каждого из нас есть и лед, и пламя. И неважно, какова ваша сексуальная ориентация — это не имеет к делу абсолютно никакого отношения.

Я только что впервые увидел, какой большой вопрос я ношу с собой, и это: «Каково это — быть просветленным?» Я думал, у меня много вопросов, но на самом деле всё сводится к этому одному.

Это не «как-то», потому что сам вопрос исходит из: «Каково это для Тони Парсонса — быть просветленным?», а Тони Парсонс не просветлен — никто не просветлен. Это не состояние; это не что-то, что «на что-то похоже». На самом деле, ближе всего к этому можно подобраться, сказав, что это ни на что не похоже. Это ничто.

Имеют ли кажущиеся промежутки между кажущимися мыслями, которые, кажется, случаются в долгие периоды тишины, какое-то значение?

Нет, это просто кажущиеся промежутки между кажущимися мыслями. Дело в том, что ум хочет формулу: «Я слышал, что если осознать промежуток между мыслями, то это путь к просветлению». Нет ничего более нелепого. Люди мучаются, пытаются «впрыгнуть» в эти промежутки: «Вчера я был в шести промежутках! А ты?» — «О черт, а я только в четырех».

Это ведь попытка поставить телегу впереди лошади, не так ли?

Вы абсолютно правы — это постановка телеги впереди лошади, потому что пробуждение — это ничто, но когда вы находитесь «по ту сторону», вы хотите знать, на что это похоже. А узнать это невозможно. И когда оно есть, некому знать, на что оно похоже.

Видите ли, ответом на все вопросы на самом деле является: «Есть только это, видение этого, просто так, как оно есть». Так что когда человек сидит и видит то, что есть, или пытается видеть то, что есть, — это нормально. Но подспудно может прийти ум и сказать: «О, это всё очень хорошо — просто видеть то, что есть, но разве нет чего-то большего?» Ум всегда хочет большего. Но если вы можете просто остановить мир и увидеть то, что есть, а затем также увидеть, как входит ум и говорит: «Должно быть что-то большее», тогда вы видите базовую драму, которая разыгрывается всё время; игру простого видения «этого» и ума, говорящего: «Этого недостаточно — я хочу больше. Это не просветление — я хочу больше».

И затем, когда эта ажитация ума видится, она начинает рассеиваться в этом видении. Простое видение того, как ум входит и говорит: «Там есть что-то еще — должно быть что-то большее, чем просто сидение на стуле». Именно тогда это возбуждение начинает затихать, потому что само видение активности ума постепенно замедляет её.

Тогда остается просто видение этого, и появляется вкус сладости от простого видения этого. В этом есть сладость, потому что время фактически остановилось — времени нет, есть только видение этого, пребывание в этом. Это звучит как процесс, но это всего лишь кажущееся время, встречающееся с вневременным.

В данный момент, слушая то, что вы говорите, я чувствую постоянное ощущение незащищенности, которое действительно действует мне на нервы, потому что, с одной стороны, это кажется комфортным, а с другой — более дискомфортным, чем когда-либо.

Безусловно, потому что вы сидите на краю вневременности. Отпустить ум и отбросить его, или просто видеть, как ум пытается суетиться, и просто сидеть в этом — это угрожающе.

Это лишает уверенности, потому что кажется, будто я теряю те вещи, на которые опирался раньше.

Да, здесь вы теряете всё. У нас есть уверенность в том, что говорит нам ум, мы слушаем его и руководствуемся им, потому что считаем его в высшей степени разумным. На самом деле ум часто является в высшей степени разумным мошенником. Мы слушаем его, и он действительно утешает нас и успокаивает. То, что вы сейчас делаете, — это отказ от этого.

Такое чувство, что я мало что могу с этим поделать.

Нет, но опять же, просто увидьте и этот страх — страх перед угрозой. Просто увидьте это — это еще одна вещь, которая возникает. Вот есть это; есть ум, говорящий: «О, это не очень важно»; и есть видение ума, говорящего: «О, это ерунда — что это такое?» А затем возникает страх — ум, напуганный идеей отказа от ума. Ибо однажды мы видим ум таким, какой он есть на самом деле — историей во времени, пытающейся затащить нас обратно в мир времени, где он может заправлять шоу.

У меня действительно есть это чувство «недостаточности» — очень сильное чувство.

Ум хочет просветления или того, что мы привыкли считать образом просветления, а ищущий боится, что то, что он найдет, окажется совершенно обыденным. Так оно и есть — в этом нет ничего особенного. Это не то, что уму хотелось бы открыть... Но в глубине души ищущий знает, что то, что он ищет, совершенно обыденно, непосредственно и естественно.

Это похоже на одну из тех дзенских историй, где кто-то ищет льва, а находит мышь.

Да, именно так. Однако обнаружится, что это — чудесная мышь!

Тема учителей — это то, что уже довольно долго путает меня до чертиков. Вокруг полно разных персонажей, которые, в каком-то смысле, находятся в том же положении, что и вы: они сидят на стуле впереди, мы — здесь; они пишут книги, мы их читаем.

Я годами был заморожен этой возможностью, которую называют просветлением. Я провел целое исследование: читал книги, слушал кассеты, ездил к разным людям и так далее. Я каждый день торчал в «Духовной книжной лавке», читая книги, потому что не могу позволить себе их купить. (Они не против — у них там удобное кресло!) И я просто сидел там каждый день, поглощая все эти книги и пытаюсь разгадать, что, черт возьми, происходит с этим просветлением.

Для меня это много значит, и у меня самого был всякий запутанный парадоксальный опыт. Я несколько лет провел с Эндрю Коэном, так что у меня есть опыт пребывания с одним из таких учителей... И сейчас я запутан больше, чем когда-либо.

Да, это меня не удивляет!

Послушайте, путаница, о которой я говорю, вот в чем. Попробовав во всём этом разобраться, я не чувствую, что многие из этих учителей — просто самозванцы, что с ними ничего не произошло и они сидят там, просто пуская пыль в глаза.

Нет-нет.

Я также не чувствую, что они просто убедили себя в том, что с ними что-то произошло, хотя на самом деле нет — это еще одна возможность. Я думаю, с ними действительно что-то произошло. Вот почему они сидят на этих стульях, вот почему из них так и сыплются книги и вот почему люди стекаются к ним толпами. Что-то случилось.

В одном смысле я вижу некую связь между тем, что произошло со всеми этими учителями; а в другом — они все как будто не согласны друг с другом (включая вас) по разным вопросам. Но общая нить всё же есть. Похоже, в какой-то момент произошел некий сокрушительный эпизод — как мне кажется, их прежнее чувство идентичности разлетелось вдребезги.

Ах, да... Хорошо, давайте продолжим. Там был небольшой «крючок», но всё в порядке. Продолжайте.

Иными словами, я не думаю, что они все шарлатаны; я не считаю их фальшивками. Наверное, пара-тройка найдется — я не уверен, — но что-то, похоже, разрушило в этих людях ощущение того, кто они и что они такое. И мне кажется, что после этого сокрушительного эпизода они становятся совершенно иными, чем были раньше. И в этот момент они часто начинают учить.

Часто мне кажется, что толпы привлекает не то, что они говорят или пишут, а скорее то, что само пребывание рядом с ними может оказывать на людей странные эффекты. Я сам испытал это на себе несколько раз, и думаю, именно это и затянуло меня в это дело с начала.

Так что, в общем, я пришел к вопросу: существуют ли разные виды просветления? Мне уже начинает казаться, что каждый отдельный человек, который когда-либо просветлел, — это совершенно уникальная «модель» этого явления. Это не то, что я предполагал вначале — я-то думал, они будут абсолютно одинаковыми. Но теперь я на той стадии, когда кажется, что каждый из них — это совершенно иная модель.

И у каждого разное послание, как вы думаете?

Ну, как я уже сказал, я всё еще думаю, что сквозь эти учения проходят определенные центральные нити, но есть много вещей, в которых учителя расходятся. Например, ваши взгляды на медитацию, как я читал в вашей книге, полностью противоречат взглядам других. Другие учителя могут сказать: «Вы должны медитировать по три-четыре часа в день».

И так далее — не обязательно перечислять весь список.

Нет, это просто пример. Мне интересно, можете ли вы пролить на всё это свет.

Конечно. У многих людей случается какой-то личный духовный опыт, и это убеждает их в том, что они стали кем-то под названием «просветленный человек». Такого явления не существует, но они всё равно часто транслируют учение о личном достижении и утверждают, что могут помочь другим достичь подобного состояния.

Давайте пока остановимся на медитации. Допустим, многие из этих людей медитировали или были вовлечены в какой-то процесс. Затем происходит следующее: они как бы выходят из ощущения присутствия «я» и переходят в состояние глубокой отстраненности. Для многих это первоначальное «пред-открытие» просветлению. Это не догма, но давайте скажем просто: у большинства людей может случиться разотождествление.

Это сокрушительный опыт, как вы верно заметили, и он почти полностью освобождает — почти. Видится то, что мир предстает как возникающие и исчезающие объекты. Это глубокая отстраненность, и это открытие к просветлению. Трудность в том, что люди не знают о финальном «отпускании», поэтому они спешат проводить сатсанги. Они выходят и, по сути, говорят: «Я сделал это, чтобы достичь просветления. И если я сделал это, вы можете сделать то же самое».

Существует множество методов для достижения просветления. Очистка чакр, целибат, чистота, заповедь честности, готовность умереть за просветление, безразличие к просветлению... Существует почти столько же способов, сколько людей, которые думают, что достигли этой точки. Однако то, что произошло, не стало воплощенным (embodied).

Хорошо, а каков следующий шаг?

Нисаргадатта выразил это прекрасными словами. То, что он сказал, — абсолютный ключ к вашему вопросу. Он сказал: «Знание того, что я — ничто, есть мудрость...» Итак, они достигли точки мудрости. И я не умаляю этого — это серьезные вещи. Поверьте, когда это случается с вами — это мощно! Это потрясающе! Но есть еще один шаг, который выходит за пределы мудрости, — это абсолютная любовь. И Нисаргадатта сказал: «Знание того, что я —

всё, есть любовь» — это вторая часть утверждения. И это — полный распад любого ощущения постоянного или фиксированного «я».

Пока есть отстраненность, всё еще сохраняется тонкое ощущение чего-то, что осознает всё остальное. Вы наблюдаете за возникновением вещей, и есть чувство, что существует нечто отстраненное, что видит это возникновение. Поэтому, когда вы идете учить, вы говорите человеку о чем-то, чего он может «достичь», что даст ему чудесное освобождение — возможность наблюдать за тем, как возникает мир. И это действительно чудесно. Это глубокая отстраненность, не-отождествление. Это кажется полной свободой — но, подспудно, там всё еще кто-то есть. Это то, что я называю «стеклянным ящиком отстраненности».

Другая грань просветления — это преданность, так что вы встречаете учителей, у которых развита сильная эмоциональная энергия сердца, но без баланса безличности. Такие «учителя» часто могут воздействовать на эмоциональные центры людей.

И почти все учения говорят с кем-то о чем-то, чего можно достичь.

Когда же появляется любовь и разбивает этот стеклянный ящик, и остается просто любовь, тогда нет никакой возможности что-то «сообщать» кому-то или чему-то кого-то учить. Потому что видится то, что они абсолютно божественны такими, какие они есть. Это и есть безусловная любовь.

Так как же кто-то может велеть вам медитировать, петь мантры, быть серьезным или честным? Как кто-то может говорить вам это, когда вы уже и есть «это»? Всё, что происходит здесь, — это то, что я говорю вам: всё уже так и есть; вы уже единство; вы уже то самое.

В этом разница. И в мире есть лишь горстка людей, которые говорят из этого состояния, которые есть это.

Причина, по которой я так интересуюсь этими просветленными персонажами уже довольно долго, заключается в том, что я сам хочу стать просветленным.

Да, безусловно.

Я пробовал буддизм, но не был в нем уверен. Потом пробовал Эндрю Коэна, и это закончилось ужасно. И тогда я подумал: «Черт возьми, что же мне пробовать дальше?» Так что в течение нескольких лет я просто пытался разузнать, что же это за штука такая. И главным способом было изучение того, на что похожи просветленные люди. Какое-то время меня больше интересовали отчеты о том, что с ними произошло, попытки понять, какие они.

Это исследование — «что, черт возьми, происходит с этими просветленными типами?» — достигло пика и как бы ускорилось несколько месяцев назад, поэтому я и сидел в «Духовной книжной лавке» каждый день, читая книги, даже те, что наводили скуку. Это было типа: «Что происходит? Что случилось? Где? С кем? Я хочу знать, я хочу это понять».

Как ни странно, одной из книг, которую я снял с полки, была ваша, «Открытый секрет», и она открыла для меня нечто совершенно новое, помимо этого интеллектуального поиска. Между мной и вами происходит что-то другое, насколько я понимаю.

Но я хотел бы поднять один вопрос из того, о чем мы говорили — и я говорю это искренне и весело: вопрос о том, хочу ли я до сих пор стать просветленным... Я больше в этом не уверен.

Это воодушевляет!

Да! И я начал осознавать вещи о себе и о том, как я смотрел на просветление, как я смотрел на этих учителей как на ролевые модели, почти как на родительские фигуры. И интересно то, что говорилось здесь в самом начале дня: «Вы уже совершенны» и «Всё уже так, как оно есть» и так далее. Ведь это полностью противоречит ищущему, который хочет просветлеть, который хочет быть кем-то иным, чем он уже есть. И мой бедный старый ум твердит: «Я вижу обе стороны, я вижу оба аргумента!»

Но есть еще кое-что действительно интересное: когда я читал «Открытый секрет», я думаю, одна из причин, почему книга резонировала со мной с первого слова, с первой страницы... Это было типа: «Черт возьми, я её куплю!»

Ура! Еще семь фунтов! (Смех)

Если это с чем-то и резонировало, так это с моим собственным опытом, потому что у меня были переживания и чувство, что что-то во мне уже знает это. Когда я начал читать вашу книгу, у меня возникло странное ощущение, будто это я её написал.

Я слышал это раньше — «Я читаю свои собственные слова».

Да. Это было своего рода самоузнавание. И, что менее таинственно, это напомнило мне о моих собственных высших или глубочайших переживаниях. Вот почему в большинстве случаев мне не нужно было проходить через интеллектуальные дебри — правда это или нет. Это было самоочевидно истинно; я это знал.

Единственная сторона, которая, как мне кажется, не является моим опытом, — это когда вы говорите об этой всепоглощающей любви.

Когда вы говорите, пишете или кто-то рассуждает о том, что «"меня" на самом деле нет» и всё в таком духе, я на самом деле это как-то чувствую; я понимаю, о чем вы. Вы только что сказали, что разница между одним типом учителей и другим как-то связана с любовью...

Да, так и есть.

И в каком-то смысле я чувствую, что именно этого со мной не произошло. В моей собственной мудрости, если хотите, иногда чувствуется сухость. Читая «Открытый секрет», я думаю, именно эта сторона любви по-настоящему разбила мне сердце и привлекла меня.

И возвращаясь к тому, хочу ли я просветлеть и совершенен ли я такой, какой есть... Причина, по которой люди хотят просветлеть, в том, что они страдают.

Да.

Я прошел через ужасные мучения — я знаю, что такое отчаяние, и знаю, какой тяжелой бывает депрессия и всё такое. Если и есть вещь, которой, как я чувствовал, не хватало в моей внутренней жизни — и почему я во всё это ввязался, — так это любовь; это состояние отсутствия любви. И я думаю, когда слышишь, как просветленные учителя говорят о любви, об этой безусловной любви, это именно то, что...

Так что я снова возвращаюсь к тому, что у вас есть что-то, чего нет у меня.

Нет. Давайте остановимся здесь на мгновение, потому что всё как раз наоборот — у вас есть что-то, чего нет у меня. У вас есть поиск — у вас всё еще есть кажущийся «кто-то», кто что-то ищет. Пробуждение — это просто отпадение поиска. Отпадает тот, кто ищет. Пробуждение — это абсолютно чистое и простое обнаружение того, что искать нечего. И следовательно, из этого (и вы ничего не можете с этим поделать, пока это не случится) — из этого прекращения поиска и осознания того, что «это оно и есть», рождается любовь. Понимаете, идти некуда. Это «это», и вы — это «это». Я смотрю на любовь; я смотрю на божественное выражение. Это и есть «влюбленность»... Вот что происходит.

Но в данный момент внутри всё еще есть кто-то, кто ищет это. Поэтому любовь еще не стала очевидной. Когда вы упомянули о сухости, о своего рода безводной пустыне — именно там застревают многие люди, потому что даже в мире отстраненности чувствуется сухость. Там нет возлюбленного; нет любви. Любовь не развеяла полностью это тонкое чувство «меня», ищущего чего-то.

Куда бы вы ни пошли и сколько бы книг там ни прочитали...

Я перестал, кстати!

Но большинство этих книг обращаются к предполагаемому «кому-то», кому нужно чего-то достичь или что-то найти. Пробуждение же касается только отпадения того, кто ищет.

И как это происходит?

Я не могу сказать — никто не может. Будучи маленьким ребенком, вы ничего не искали. Малышом вы пребывали в тотальной любви. Всё было просто тем, чем оно было. А потом началась игра в разделенность. И с того самого момента разделения вы начали искать: «О, я это потерял! Куда оно делось?» Вы искали любовь; вы искали то, чем вы являетесь. И теперь вы пришли к открытию, что вам больше не нужно искать, потому что всё, на что вы смотрите, — это «оно». Всё абсолютно так просто, и там нет никого, кто мог бы что-то с этим сделать.

И вот еще что — там никого нет. Когда вы идете к кому-то, кто говорит вам: «Смотри, ты можешь выбрать сделать то или это, чтобы найти любовь», — просто забудьте об этом; это чушь. Эти люди искренни, спору нет, — но здесь всё еще есть недопонимание, потому что сохраняется тонкое «я». Поэтому они всегда говорят с «я» и учат «становлению». «Открытый секрет» же говорит с «Я есть».

Интересно это противопоставление поиска и отсутствия поиска. За последние несколько месяцев у меня было несколько действительно захватывающих разговоров со старыми друзьями, которые во всё это погружены, и эта тема всплывала в каждом разговоре. В итоге я всегда вставал на сторону поиска, а они — на сторону отсутствия поиска. И это несмотря на то, что я читал вашу книгу и всё такое. Я всё еще придерживаюсь того, что чувствую...

Можно я перебыю? То, о чем я говорю, находится за пределами и того, и другого. Я говорю об осознании того, что вы ничего не можете поделать ни с поиском, ни с его отсутствием. Я говорю вам, что там никого нет. И если поиск продолжается, медитация продолжается, чистка чакр продолжается и честность продолжается — значит, так тому и быть.

Нет способа обнаружить это... Вернее, дело не в способе — нет никого, кто мог бы это обнаружить; нет никого, кто мог бы «быть таким» или «быть эдаким». Так что просто забудьте о поиске и не-поиске.

Я по-прежнему говорю вам, что пробуждение — это отпадение того, кто думает, что нужно что-то найти. Но я не говорю при этом: «Перестаньте искать». Я не могу сказать вам: «Перестаньте искать», — внутри нет никого, с кем я мог бы поговорить и кто мог бы совершить выбор.

Поиск можно рассматривать просто как нечто еще, что возникает?

Да, поиск — это еще одна вещь, которая возникает. Внутри нет никого, для кого это возникает, но если я начну советовать вам искать, я тем самым подкреплю идею, что там есть кто-то, кто может сделать выбор. И если я скажу вам прекратить поиск, я также подкреплю идею, что там кто-то есть!

Вы говорили об «Открытом секрете», что там есть пара вещей, которые вы, возможно, изменили бы, потому что они могут вводить в заблуждение. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

Ну, я думаю, любая книга, любые слова вводят в заблуждение, на самом деле. Любые слова обманчивы, потому что они склонны выражать субъект и объект. Если вы читаете эту книгу, она всё равно создает впечатление, будто присутствие — или как бы мы ни называли то, по чему все тоскуем, — это нечто достижимое; это как объект, который можно получить. И в какой-то степени кажется, будто я «выбирал», чтобы события происходили — например, когда я описываю прогулку по парку и говорю, что я «решил» наблюдать за своими стопами. Хотя на самом деле я лишь казался тем, кто выбрал наблюдать за стопами.

Когда я перечитываю эту книгу сейчас, мне кажется, что большая её часть в порядке, но кое-что всё же не совсем ясно. Никакое написанное слово не ясно — это просто попытка указать на что-то, что находится за его пределами.

Возвращаясь к поиску и не-поиску: я думаю, причина, по которой это постоянно всплывает в разговорах, в том, что сейчас полно книг, где этот вопрос муссируется. Я говорил с несколькими людьми, которые так или иначе во всём этом варятся, и они говорят мне, что перестали искать, и считают меня в некотором роде идиотом, потому что я всё еще ищу. И хотя, безусловно, когда вы говорите о прекращении поиска или когда я читаю об этом в вашей книге, у меня возникает прекрасное чувство того, что вы имеете в виду, — большинство людей, с которыми я общался, просто решили перестать искать.

Это просто очередная роль.

Они ничего не нашли. Обычно из-за того, что какая-то фигура духовного авторитета убедила их в этом, они прекратили поиск. С моей точки зрения, они просто остались с пустыми руками. И на самом деле я им не очень-то верю.

Может быть, они прекратили поиск для того, чтобы что-то найти!

Да, здесь что-то не совсем так. И я, как ни странно, парадоксальным образом обнаружил, что в этих разговорах встаю на другую сторону и говорю: «Послушайте, если вы хотите прекратить поиск — это ваше дело. Но вы не нашли того, что искали».

На самом деле, в другом смысле, такого понятия как «не-ищущий» не существует. Каждый в мире ищет, и то, что они ищут в конечном счете, — это единство. То, что они ищут, — это возлюбленный; то, по чему они, как они знают, тоскуют. Но ищут они это разными путями: через кучу денег, множество подружек, того и сего... Каждый является ищущим, и то, что они ищут, — это отсутствие.

Всё то время, пока есть «я», присутствует чувство беспокойства.

Тони, я предполагаю, что когда вам был 21 год и вы шли через парк, — было ли это тогда полностью воплощено?

Нет, нет. Потребовались годы, чтобы воплощение произошло! Но всё это может случиться и за один раз. Есть люди, для которых всё заканчивается за одно «видение», особенно в это кажущееся время.

Мы говорили об учителях раньше, и вы сказали, что с некоторыми из них произошло пробуждение, которое невероятно освобождает, и, что более важно, они начинают оказывать невероятное влияние на окружающих — именно поэтому они начинают учить. И с точки зрения ищущего, который приходит (как я к Эндрю Коэну все те годы назад), столкнуться с кем-то подобным... та степень различия, которой нужно было бы обладать, чтобы не быть втянутым в такого рода... Оглядываясь назад, это было бы невозможно.

Это было абсолютно божественно. Это было именно то, что должно было произойти — даже если это означает, что из этого рождается путаница. Если путаница должна выйти наружу, она выходит, а за ней следует ясность. Это всё божественно, всё это — Единое.

И конечно, больше всего ум привлекает идея «делания». Поэтому если вы встречаете тех людей, которые находятся в этом «промежуточном доме» с такой энергией и учат вас что-то делать, — это гораздо более привлекательное послание, чем это. Это (моё) послание — не привлекательно. Вот почему у таких людей, как Экхарт Толле, такая огромная аудитория. Его изначальное послание на самом деле очень простое, но это всё еще учение о чем-то, что вы якобы можете сделать.

Я думаю, еще одна вещь, которая кажется присущей всему этому, заключается в том, что в отношениях между кем-то вроде меня и кем-то вроде Эндрю Коэна (я просто использую нас как примеры), присутствует целая история о превосходстве и неполноценности. Недавно — вероятно, благодаря встрече с вами — я начал осознавать свои собственные причины и мотивы, по которым я вообще во всё это ввязался. И мне не нравится часть из них, потому что я думаю, что это завязано на желании быть выше того, какой ты есть и какие другие люди. Впадаешь во всю эту игру: кто более просветлен, чем другой.

Это так мощно. «Каким-то образом я особенный, и мне действительно стоит пойти к самому особенному гуру из всех, самому важному, потому что именно таким я хочу быть». Конечно, другая игра заключается в том, что ваш мастер настолько особенный, что вы никогда не сможете стать таким, как он или она, — и, следовательно, вы можете оставаться учеником и таким образом избегать пробуждения.

И даже внутри структуры одного учителя есть ученики более «особенные», чем другие; есть комплексы неполноценности, комплексы превосходства... Это бардак. Но я думаю, что недавно начал осознавать: частью движущей силы моего собственного поиска, который продолжается с юности, определенно было желание стать «высшим существом».

О да, в этом нет никаких сомнений — привлекательность вступления в «Клуб Просветленных».

И стать учителем или гуру. В умах многих людей — включая мой собственный, возможно, до недавнего времени — «быть просветленным» и «быть гуру» были синонимами. Я думаю, что на самом деле некоторые люди больше всего хотят именно быть гуру — этого обожания...

Так что главной темой для меня была идея получить что-то от того, у кого это «что-то» уже есть. Но встретив вас, я ни разу не почувствовал ничего подобного. Вы никогда не внушали никому, что это так.

Суть пробуждения не в том, чтобы что-то «получить». Мы растем с желанием получать вещи; ум всегда хочет обладать. Это бездонная яма. Когда мы слышим о просветлении, мы думаем, что это то, что можно приобрести. Но просветление или пробуждение — это не обретение чего-либо; на самом деле это потеря всего.

Это очень запутывает — тонкость некоторых моментов. Ведь некоторые из тех учителей, о которых мы говорили, будут рассуждать с большой ясностью на те же темы, о которых говорим мы, и в том же ключе, что и вы.

Да, я знаю.

И для обычного человека не потеряться во всём этом... Это можно назвать невозможным; я думаю, это практически так и есть.

Вам и не нужно (не теряться).

Кроме того, вы обнаружите, что вещи, которые говорю я, говорили и другие. Так что всё не так просто: «Теперь я знаю, потому что Тони Парсонс расскажет мне то, чего никогда не говорил Эндрю Коэн».

О да, безусловно. Есть довольно много тех, кто временами говорит в недуалистической манере.

Эндрю Коэн скажет вам, например, что вы не получаете просветление. Он скажет, например, что вы теряете всё — вы ничего не приобретаете; это не вы — «вас» нет, и всё в таком духе. Всё это тоже есть в его учении.

Да, и это довольно распространенное явление — слышать, как так называемые «учителя» используют недуалистический язык, а затем прямо противоречат истинному смыслу недуализма, рекомендуя процессы и практики предполагаемым индивидуумам. Многие высокопочитаемые гуру и учителя, как в прошлом, так и в настоящем, классифицируются так называемыми экспертами и широкой публикой как провозвестники традиции адвайта-веданты, хотя в действительности их учение дуалистично. Такого рода противоречие либо коренится в глубоком неведении о природе освобождения, либо исходит из потребности удовлетворить личную программу.

Могу я прояснить кое-что из ваших слов? Похоже, некоторые люди, которые приходят к вам, становятся такими же, как вы.

Ну, существует только единство, но, выражаясь простым языком — да, они пробудились.

Значит, это работает?

Можно и так сказать. На последнем ретрите было несколько человек, и двоих из них я пригласил выйти и поговорить. Один из них и так это делает; другой не то чтобы «транслятор» в этом смысле, но он начинает им быть. Натан Гилл — еще один пример; он проводит свои встречи в Лондоне. Ян Кершот в Бельгии... И есть еще немало людей, которые не являются спикерами — очевидно, не каждый бросится это транслировать, — но есть пребывание как единство.

Значит, они нашли то, что искали. Если честно, если то, что вы говорите, — правда (а я вам верю), то это уникально, насколько мне известно.

Я не думаю, что это обязательно уникально — я полагаю, что это случается и в других местах.

Я не знаю больше ни об одном таком месте.

О да, это случается. Сейчас это происходит всё чаще и чаще.

Одна вещь, которую я заметил у некоторых учителей и гуру, включая тех, которыми я восхищаюсь... Мне кажется, по пути были допущены ужасные промахи, когда других людей отправляли учить. Были сделаны ошибки.

Заметьте, всё это божественно.

Да, но мы должны об этом поговорить! Так вот, я дошел до того момента — за годы моих столкновений с Эндрю Коэном как с гуру — что я вообще завязал с гуру. Помимо того, что у меня был ужасно травматичный опыт с одним из них, а потом я прочитал кучу книг о травматичном опыте других людей, я пришел к выводу, что это не работает.

Ну конечно, нет. Это и здесь не работает.

Что вы имеете в виду?

Ну, нет ничего, что могло бы «работать». Всё, что здесь происходит, — это возможность того, что вы можете потерять всё.

Лондон сентябрь 2001

Итак, в этом кажущемся мире, в котором мы живем — только *кажущемся*, — в этом проявлении мира наступило удивительное время, потому что происходят коренные перемены. И отчасти это связано с демонтажем, разрушением идеи о том, что гуру или духовный учитель — это некто особенный.

Всё еще существуют так называемые гуру или духовные учителя, которые хотят, чтобы эта идея продолжала поддерживаться. Есть даже совсем молодые люди, которые начинают учить, занимая позицию «особенного»; они создают ашрамы, становятся исключительными и неприкасаемыми. Вы не можете просто позвонить им и поболтать о погоде. Они как бы «там», на той стороне. И когда вы рядом с ними, возникает чувство, что к ним невозможно подступиться.

Это продолжалось тысячи лет, на самом деле, и даже до недавнего времени сохранялось это ощущение: они — «там», а я — «здесь»; я смотрю на них, сижу и думаю, какие они удивительные и как я никогда — *никогда* — не стану таким.

Это наше собственное творение. Именно так единство играло в это до недавних пор. Игра заключалась в том, чтобы люди верили, что они никогда не смогут стать похожими на ту фигуру, которую они считают пробужденной.

Но происходят коренные перемены; всё меняется. Появились люди, говорящие о пробуждении, которые обычны, которые не пытаются ничего продать, которые просто друзья. В этом всём рождается дружба, и это потому, что где-то внутри люди, приходящие послушать эти чудесные новости, начинают видеть, что это их собственное послание; оно принадлежит им. Они начинают видеть, что им не нужен гуру, не нужен духовный учитель. В осознании людей, в их понимании происходит открытие, где они начинают видеть... и готовы видеть... и готовы открыться возможности того, что им никто и ничто не нужно.

Потому что это так. Никому никогда не нужно приходить сюда снова — на самом деле. Вам не нужно приходить к кому-либо, чтобы услышать, что вы — божественное выражение прямо сейчас, такие, какие вы есть. Просто такие, как есть, — это и есть божественное выражение. Его не нужно менять, оно не должно становиться лучше, хуже или другим — оно именно такое, как вы. Это проявляющийся свет. Это единство, являющееся вами, живущее через вас.

Так что забудьте о неврозе, который, как вам кажется, у вас есть; забудьте о чувстве неполноценности. Я не более «полноценен», чем вы. Я ничем не отличаюсь от вас. Единственная разница в том, что есть видение того, что нечего спрашивать. Есть видение того, что здесь нет отдельного «меня» и что идти некуда. Есть видение того, что «это оно и есть».

И всё больше людей начинают открываться этому, видеть это. Всё больше людей приходят к пониманию, что они — в том виде, как есть, — и есть божественное выражение.

И в этом пробуждении нет ничего особенного или исключительного... это естественный путь.

Тони Парсонсу нужно оплачивать счета, и Тони Парсонс может злиться. Тони Парсонс может делать что угодно и чувствовать всё то же самое, что чувствует любой другой в этом зале. Гнев возникает. Скука возникает. Жадность возникает. Это нормально! Это игра. Это фильм, который идет; это драма, которая разыгрывается. Просто видится, что то, что происходит, не происходит с «кем-то».

Но для этого (указывает на себя) больше нет поиска чего-либо еще. Есть тотальное принятие и «влюбленность» в просто-вот-это-как-оно-есть, знание того, что идти больше некуда. Нет нужды идти куда-то еще, и не за чем гнаться. Жизнь — это просто жизнь.

Ничто не должно становиться чем-то другим. Никто в этом зале не должен становиться каким-то иным, не должен становиться «более совершенным». Никто не должен успокаивать свой ум, никто не должен отбрасывать желания, никто не должен убивать свое эго. Что не так с эго? Это часть драмы. Это абсолют в процессе «эго-ирования». Как единство может стать «больше» или «лучше»?

Всё это — лишь видение. Это видение, которое находится за пределами того, как вы смотрите на меня. Всё это — ощущение того, что наблюдает за тем, как вы смотрите на меня... в этом. В этом есть то, что знает, что происходит. Всю вашу жизнь всегда было то, что знает, что происходит, что видит происходящее. И это всегда там. Вы знаете, что оно там; вы знаете, что есть нечто, наблюдающее за тем, как вы сидите здесь и смотрите на меня. Это то, что вы есть — это то, что есть — это всё, что есть — это бытие.

Так что оно не где-то в другом месте. В конце дня, через три часа, вы не станете ни на йоту ближе к этому, потому что всегда есть только «это». И когда вы пойдете сегодня домой и будете медитировать три часа, вы тоже не станете ближе, потому что всё равно будет наблюдатель, наблюдающий за тем, как вы пытаетесь медитировать, чтобы найти того, кто наблюдает за тем, как вы пытаетесь медитировать, чтобы найти... Серьезно. Весь мир находится в медитации. Никто не находится ближе или дальше от своей изначальной природы.

И коренная перемена — это отбрасывание идеи, отбрасывание проекции, отбрасывание, в некотором смысле, побега — когда люди идут смотреть на очень «особенных» персон, которые носят чудесные одежды, говорят очень тихо и мягко, слушают вегетарианскую музыку, подъезжают на больших машинах и окружены свитой. Идти к ним — значит избегать того, чем вы являетесь, потому что ум скажет: «Я никогда не смогу быть таким, поэтому я буду продолжать приходить, говорить об этом и слушать этого чудесного человека, чтобы мне никогда не пришлось отпускать это маленькое "я", которое ходит и смотрит на этих чудесных людей. Мне никогда не придется отпускать это маленькое "я" и открывать свою изначальную природу». Они становятся вечными учениками.

В каком-то смысле, когда мы идем к этим «особенным» людям, мы всё еще избегаем, мы всё еще ищущие. Эти особенные люди превращают нас в ищущих еще больше; вся их энергия направлена на то, чтобы плодить всё больше и больше ищущих.

Я говорю вам: искать нечего, и вы не найдете этого через «это» (указывает на себя) — оно уже там, искать нечего.

Это послание трудно принять. Для некоторых людей довольно трудно отказаться от поиска, потому что на самом деле это очень приятное занятие. В каком-то смысле это самое достойное, самое благородное занятие из всех.

Но я говорю вам: если вы действительно хотите найти — найдите это в «этом». Никакое количество медитации, никакое успокоение ума, никакая дисциплина не смогут приблизить вас к тому, что вы есть, ни на локоть, потому что это просто подкрепляет идею поиска. Это подкрепляет идею того, что есть «я», которое может найти что-то «там». Но в любом случае, идти некуда.

Сдайтесь. Просто сдайтесь и покойтесь в том, что уже есть. Это видение этого; это всегда было «это», как оно есть. Это очень просто, очень обыденно — и это великолепно.

Другая вещь, которая происходит сейчас, — кажется, что само «событие» уже не важно. Тридцать, сорок, пятьдесят лет назад, когда случалось пробуждение, это было событием. А до того, на протяжении тысяч лет, это было событием, о котором объявляли, и оно поражало участника мощным взрывом — мощным взрывом пробуждения. Но то, что происходит сейчас, — люди становятся настолько осознанными и понимающими природу этого, что взрыву больше не нужно случаться. Больше нет этой внезапной перемены одного на другое.

Люди уже открыты этому. И некоторые просто осознают, что пробуждение уже взяло верх, и в этом есть свобода. Во сне тоже, когда мы спим ночью... Как только происходит открытие этому обнаружению, тогда во сне, в глубоком сне, где никого нет, — «это» берет верх, и это тело/ум просыпается, чтобы увидеть, что уже есть только свет, только пробуждение, только реализация.

Так что не ищите «события»; забудьте о том, что «это случится завтра днем как грандиозное событие, которое я запомню». Просто забудьте об этом; вам это больше не нужно.

Возможно, для кого-то это и случится, но для большинства людей сейчас это просто переход в это видение, ясное видение того, что всё, что есть, — это «это».

Кто же тогда просыпается?

Никто не просыпается. Пробуждение на самом деле не является чем-то, что происходит с кем-то; ясное видение становится очевидным, когда «никого» нет. Пробуждение — это отпадение чувства, что кто-то есть. Иллюзия отдельной сущности отпадает, и тогда остается то, что уже есть, — свет. Тогда видится — *никем* — что нет никого и ничего, что нужно было в освобождении.

И это то же самое, что «видение»? Просто видение? Тот, кто думает, что он видит, отпадает, и остается просто видение?

Остается просто видение.

Часто говорят, что за всем стоит некий видящий, по крайней мере, люди привыкли так это воспринимать. Но это всё еще поддерживает идею о том, что там что-то есть. Однако иногда, с чуть большей ясностью, это описывают так: «Есть только видение». Нет видящего, есть только видение.

Именно. Или бытие — есть только видение или бытие. Это всё, что есть.

Без видящего.

Да. Есть только свет, есть только ни-что. Можно сказать, есть только спагетти, на самом деле... Эти слова, эти книги, та кассета... В этой комнате происходит что-то другое, но слова бесконечно далеки от этого. Сюда могут приходить люди с идеями о том, кто они такие и что такое просветление, и возможно, что ясность сметет эти идеи. Но это всего лишь понимание, а понимание — это ничто. Пробуждение тотально за пределами понимания. Это касается детей. То, о чем мы здесь говорим, — это чудо всего этого. Мы задвинули его на полку и достали оттуда другую вещь под названием «взрослость». Это нормально, именно так всё и должно быть. Но в какой-то момент у многих людей хватает смелости снова снять с полки ту, другую вещь — детство, чудо — и оставить идею взрослости.

Что такое это «чудо» как противоположность «взрослости»?

В данном контексте взрослость — это идея о ком-то весьма важном, кто заморожен мыслью, будто у него есть жизнь, которую он может менять по своему выбору, делая её лучше или хуже. Идея отдельной индивидуальности — вот что для меня значит взрослость. Детство же — это детскость, которая и есть чудо «этого». Это чудесно — вы сидите на чуде, вы пьете и вдыхаете чудо. Это всё, что происходит. Это всё, что происходит всегда. Это происходит постоянно — возлюбленный никогда не покидал вас, потому что вы и есть возлюбленный. И всё в вас — это возлюбленный. Единственная трудность в том, что вы так не думаете.

Кое-что вспомнилось мне при чтении «Как оно есть» — там был момент, когда кто-то вас о чем-то спрашивает, а вы бросаете джемпер и говорите: «Это оно». Это напомнило мне историю о том, как Будда сидел с монахами и просто поднимал цветок. И один из них «поймал» это и просто ответил улыбкой. Кажется, это одно и то же — всё сводится к этому.

Абсолютно. И цветок — это одно, но собачье дерьмо — то же самое. Видите ли, суть в том, что всё исходит из источника, всё исходит из того, чем вы являетесь, всё исходит из безусловной любви. Так что эта стена — это возлюбленный в форме «стены». Кажется, что это стена — часть истории о строительстве домов для людей; это видимость. Но это просто возлюбленный, любимый, в форме стены. Всё это время вы сидите на приглашении, смотрите на него, пьете его, курите его и едете в нем.

Вы смотрите телевизор?

Да, конечно. Но нет никого, кто смотрит телевизор — телевизор «смотрится». Идея о том, что нужно как-то по-особому себя вести, — просто чушь. Идея, что нужно вести себя определенным образом, чтобы чего-то достичь... достигать нечего. Идея, учения, которые говорят, что нужно быть честным, абсолютно честным со всеми; что нужно серьезно относиться к просветлению... Это так нелепо, потому что (персонального) просветления не существует.

Могу я спросить, есть ли какой-то магический ключ к пробуждению?

Нет, его нет — есть только видение того, что «это оно и есть». Магический ключ в каком-то смысле — это отпадение идеи, что есть кто-то, кто может найти этот ключ, и что вообще есть какой-то ключ, который нужно искать. Вы и есть «это».

То есть это возвращение к простому отказу от идентичности.

Если это возможно, то да. Но вы не можете отказаться от своей идентичности.

Убрать всё лишнее с пути...

Вы не можете этого сделать. Вы не можете отбросить свою идентичность.

Я как раз это и обнаруживаю!

Тот, кто «намеревается», не может вознамериться не иметь намерений. То, о чем мы здесь говорим, — это приход к осознанию беспомощности. Не к тому, что вы беспомощны, потому что там никого нет. Разве это не чудесно? Вы ничего не можете сделать, вы никогда ничего не делали. Есть просто «это». Увидьте, что всё, что происходит прямо сейчас, просто случается, и нет никого, с кем бы это случилось. Просто позвольте этому быть. Просто оставьте этого парня или эту женщину, которые бегали кругом, сидели у вас на плече и указывали, как вам делать дела. Просто оставьте это, сидите и чувствуйте себя как «ничто». Просто чувствуйте себя ничем. Нет ничего. (Кто-то кашляет) Есть только кашель. Это настолько непосредственно, это ближе к каждому из вас, чем вы сами. Вы сидите и смотрите на это — пусть будет просто видение. Никто не смотрит — пусть будет просто видение.

Я знаю, вы говорили, что личности нет, но есть ли что-то, что определяет: пора ли конкретному человеку проснуться?

Нет, нет времени и нет никого, кто мог бы проснуться. Вы уже «это». Просто вы думаете, что находитесь внутри жизни, которая продлится 75 лет, и гадаете: «Проснусь ли я 4 ноября?»

Да, «сколько еще времени это у меня займет?» (смех).

Нет, это не случается, это не происходит, это никогда не произойдет — всё уже и так «это».

Значит, идеи кармы и реинкарнации — это просто выдумка?

Да, это часть видимости. В этом нет никакого смысла.

То есть на самом деле этого не существует? Не то чтобы оно существовало на другом уровне или вне нашей зоны осознания — его просто нет?

Это всё просто видимость. Еще один способ подкрепить иллюзию того, что существует некий путь. Вся эта внешняя кажимость нужна лишь для того, чтобы поддержать идею, будто что-то происходит. Карма, судьба и реинкарнация — лишь части иллюзорной мысли о том, что есть кто-то, кто может действовать и должен за это расплачиваться. Там никого нет. Так что, если посмотреть с совершенно другой стороны — раз никого нет, то не может быть и ничего похожего на карму. Кроме как в уме. Кто будет реинкарнировать? И нет нужды в реинкарнации, потому что когда это кажущееся тело-ум умирает, остается просто беспричинная радость. Это то, что вы есть. Вы — та самая радость, которая перелилась в «это».

Тони, когда вы говорите, я иногда чувствую невероятное облегчение, огромное облегчение, но тут же, следом, приходит страх и эти «да, но...».

Да, я как раз рассказывал об имейле от женщины из Америки. Она написала, что прочла книгу и была очень зла на меня за то, что я дал ей столько свободы, тотальную свободу: «Да как вы смеете?»

Я этого не говорю.

Нет, но она также добавила: «Разве это не глупо с моей стороны — говорить такое?» Не я дал ей свободу — она её увидела. Я никому ничего не даю. Здесь нет никого, кто мог бы дать что-то кому-то «там»; и там нет никого, кому нужно было бы что-то давать.

Когда я чувствую страх — а я за последние десять минут, сидя здесь, почувствовал и облегчение, и страх, — возникает ощущение беспомощности от осознания того, что я ничего не могу сделать, чтобы остановить этот страх, который входит и мешает всему этому...

Но страх — это и есть возлюбленный.

Тоже?

Безусловно. Нет ничего, что не было бы возлюбленным. Это абсолютно нормально — чувствовать что угодно, на самом деле. Всё есть возлюбленный. Ничто не отвергнуто.

Разве у нас нет ответственности перед той частью себя, которая могла бы сказать: «Да кому какое дело?» — и быть жестокой по отношению к другим людям?

Нет, вовсе нет. Жестокость — это возлюбленный в форме жестокости. Жестокость, геноцид, решение не кормить кота в тот вечер, просмотр сериалов — всё это божественное выражение. В этом нет смысла, и это никуда не ведет. Это бесцельная видимость. У кого

есть ответственность? Кто там есть? Даже у Бога нет никакой ответственности, потому что Бог никуда не идет. Богу не нужно никуда идти, потому что Бог и есть «это».

Вы бы сказали, что желание «вернуться домой» отрицается, если мы уже там?

Абсолютно. Поиск — это постоянное отрицание дома. Это самый эффективный способ не заметить, что дом уже здесь; я уже «это». «Нет, не может быть — это должно быть где-то там. Мне нужно почистить чакры. Я должен пойти к какому-нибудь мастеру. Я должен успокоить ум. Я должен уничтожить эго». Это всё чушь; это всё равно что говорить: «Это не оно».

А что за импульс заставляет хотеть что-то делать? «Я хочу пойти туда, хочу пойти сюда» — что это за импульс? Я ловлю себя на том, что анализирую это, говорю: «О, это просто ум хочет того и сего».

Если вы доведете любую деятельность до конца, вы обнаружите, что пытаетесь вернуться домой. Любая мотивация — будь она кажущейся негативной или позитивной — даже мотивация жертвы состоит в том, чтобы обнаружить, что она и есть беспричинная радость. Всякая мотивация — только ради этого.

Так есть ли смысл в том, чтобы наблюдать за этим желанием — не потакать ему, а просто наблюдать?

Наблюдать за чем?

Наблюдать за желанием.

Речь не о наблюдении, а о видении. Это вопрос терминологии. Для меня наблюдение — это персональное действие ума, который смотрит на что-то и судит о ценности этого. Видение — это просто видение того, что есть, и это может быть желанием, тоской по чему угодно, импульсом. Вы можете видеть импульс сделать что угодно; его можно просто видеть. Всё видится. Но если вы также поразмышляете над тем, что стоит за этим импульсом, вы обнаружите, что это жажда быть тем, чем вы уже являетесь.

Вы сказали, что это приглашение. Что позволяет принять это приглашение?

Отпадение иллюзии «меня». Тогда обнаруживается, что никакого приглашения нет. Приглашение существует лишь до тех пор, пока есть ощущение, что существует некто отдельный, кому нужно взять карточку. Как только карточка взята, она исчезает, и не остается ничего. И это и есть отпадение иллюзии, что есть кто-то, кому нужно взять карточку. Но вы ничего не можете с этим поделать; вы не можете взять карточку. Но вы это уже знаете. В этой комнате происходит столько всего, что это больше не имеет значения. Что-то внутри слышит это, что-то знает это. Как только это приоткрывается хотя бы на мгновение — ваша голова уже в пасти тигра. Всё.

Тони, когда вы говорите о «присутствии», это тоже иллюзия? Присутствия нет?

Ну, есть только ни-что, из которого всё возникает. Когда нет никого и есть только присутствие, тогда вы сможете прийти и сказать мне, что оно точно не было иллюзорным. Беспричинная радость — единственная вещь, которая не иллюзорна. Это единственная

константа. Осознанность — единственная константа, присутствие — единственная константа. Всё остальное возникает из этого. Без присутствия ничего не может быть.

А как насчет «узнавания»? Мне пришло в голову слово «узнавание» — вы узнаете присутствие.

Да, вы вспоминаете, происходит узнавание того, чем вы уже являетесь. Вот и всё. Оно прямо сейчас у вас за спиной — оно просто там, наблюдает за тем, как вы смотрите на меня. Вы и есть тот, кто видит это, глядя на «это». Это тишина, это неподвижность, это ни-что. Оно не узнаваемо в привычном смысле; вы не можете дать ему имя. Оно просто есть. И за первичным узнаванием следует слияние, и больше нет «этого» и «того».

Тони, каков механизм, заслоняющий видение? Несколько недель назад я проснулся, наполовину в дреме, наполовину в реальности, за окном пели птицы... Вот только они были не за окном; они определенно пели внутри меня. И всё с того момента — простыни на коже, запахи, лай собаки, что угодно — всё исходило изнутри меня. Определенно не из какого-то места; это было из самого центра. А потом, кажется, включился ум: «Ого, это реально круто! Вот о чем он толкует в тех книгах и на встречах».

Механизм в том, что единство использует ум, чтобы прокручивать сон заново, чтобы сделать сон реальностью — сон о том, что «Ого! Это происходит с Джонатаном», если угодно. «Последние пять минут Джонатана здесь не было. Разве это не чудесно? Так, а что мы делали? Что ты сделал, Джонатан?» Ум возвращается в сон, в игру под названием «Существует время, это случилось с Джонатаном, значит, он куда-то продвигается». Так уж вышло, когда этого тела-ума больше не было во время прогулки по парку и осталось лишь единство, в то же время нахлынула и масса ясности. Так бывает у многих. Всё просто зависит от того, в каком вы состоянии и что происходит.

Значит, для ясности нет причины.

Нет, за исключением того, что в конечном счете мы все это знаем, мы все знаем, что это нормально — когда ясность влетает и вылетает обратно. Всё это божественная игра — вдох, выдох... В каком-то смысле за твоим вопросом стоит мысль: «Есть ли что-то неправильное в том, что приходит ум и говорит то, что говорит?» В этом нет никакого настоящего смысла, потому что это сознание играет в «приходящий ум», который говорит Джонатану: «Пять минут назад ты просто Был».

Становится ли вероятность такого включения ума меньше с каждым разом?

Чем больше ясности в том, что всё есть божественное выражение, тем меньше «накала» вокруг идеи, что одно состояние лучше другого. Нет состояния лучше, чем другое, потому что всё это — игра.

Так это было «состояние» для Джонатана?

Ну нет, вообще-то — Бытийность не является состоянием. Ум думает, что это состояние, и поэтому считает, что состояние бытийности лучше, чем состояние не-бытия. Это чушь — всё едино.

Так ясность улучшается? Если случаются проблески, проявляет ли ясность себя чуть больше с каждым разом?

Может, да.

Вы бы сказали, что существуют разные уровни осознанности?

Нет.

Ну, если это не так... На Земле шесть миллиардов человек, и все они осознанны.

Нет, у нас нет шести миллиардов людей — у нас есть шесть миллиардов кажущихся людей.

Ладно, кажущихся людей, и все они кажутся осознанными...

Нет. Есть осознанность, и есть якобы шесть миллиардов людей в мире, многие из которых думают, что они люди, и осознанность заслонена этим чувством «меня». Тем не менее, каждый есть Бытие, но думает, что он «я-кает».

Хорошо, осознанность есть, но нет общего уровня ясности, который привел бы к освобождению. Почему?

Но он есть, потому что этих кажущихся людей всё равно не существует. Они — иллюзорная видимость в теле-уме, и когда оно умирает, осознанность или беспричинная радость просто остается. Так что каждый пробужден. Те люди, которые, как вы думаете, не достигают просветления, уже являются им, и когда тело-ум умирает, это просто конец иллюзии, и остается радость.

Вы говорите, что когда тело-ум умирает, остается радость, но это всего лишь концепция. Никто из нас не знает, что происходит, когда мы умираем.

Я знаю, потому что я уже «это». И вы тоже. Только ум думает, что он не знает.

Я клоню к тому, что для того, чтобы осознанность достигла уровня ясности, ведущего к освобождению, осознанность должна быть очень, очень глубокой.

Осознанность просто есть, и вы — это она. Это не имеет никакого отношения к большой глубине, великим жертвам или выдающемуся интеллекту. Вы уже «это».

Теоретически да, но...

Нет, вы уже «это». Вы знаете, что вы — тот, кто видит, что вы и есть беспричинная радость.

Ну, в данный момент я этого не чувствую!

Всё в порядке! Это единство в форме мысли, что оно не знает, что оно и есть беспричинная радость — добро пожаловать в клуб.

Тони, традиционные учителя говорят нам, что один из барьеров на пути к осознанности — это неуправляемый ум, уходящий в прошлое и будущее. Экхарт Толле, например. Я думаю, это опыт большинства людей, но вы об этом не говорите. И когда вы говорите «ум», вы имеете в виду мышление? Именно мышление является барьером, потому что оно не принимает то, что есть?

Нет никакого барьера. Ум — это всего лишь совокупность мыслей, и мысли не являются барьером. Ничто не является барьером — за исключением идеи о том, что барьер существует. И даже эта идея — приглашение.

Когда мысли живут событиями двадцатилетней давности или тем, что может случиться через десять лет, разве они не барьер?

Нет, это просто мысли о том, что может произойти через десять лет.

Они не уводят человека из настоящего?

Они — просто мысли. Вас невозможно «увести» из «этого» — вы и есть «это», и то, что возникает в «этом», — это мысль о том, что произойдет через десять лет.

Это действительно сильно отличается от того, что говорят другие учителя.

Это совершенно другое. Давайте проясним: подобного рода учения исходят из ложного понимания, будто существует некто, кто думает, и что мышление уводит этого «кого-то» от того, чем он является. Там никого нет, и также нет никого, кто мог бы выбирать — думать ему или не думать. Там просто никого нет; есть только осознанность. И в этой осознанности может возникнуть что угодно, включая мысль о том, что произойдет через десять лет.

Беда с умом в том, что он очень коварен, и «ум гуру» убедит людей — а это завораживающая идея — будто мысли подобны дьяволу. Но мысли — это единство в форме мысли-вания.

Интересно, ведь кажется, что Экхарт Толле проснулся потому, что чуть не сошел с ума, — но затем в своей книге он дает описание того, как вы можете проснуться, и это описание не имеет с его опытом ничего общего. Он дает метод — метод ощущения внутреннего тела.

Это дуалистическое учение. Это учение об идее, что существует кто-то, кто может что-то предпринять по поводу того, что его здесь «нет».

В осознанности нет «я осознаю».

Нет, есть просто осознанность.

Ранее вы говорили об уникальном индивиде. Как вы примиряете это с тем, что «там никого нет»?

Уникальный индивид — это видимость; существует видимость уникального индивида. И это очень мощно — знаете, вон та стена — это ваша стена. Но всё, что происходит во всей этой видимости, — лишь приглашение. Так что уникальный индивид, с его кажущимися тридцатью пятью годами уникальной жизни в таком-то и таком-то стиле (указывает на людей в зале), на самом деле является лишь возлюбленным, живущим в приглашении обнаружить, что он и есть возлюбленный, пребывающий в чувстве разделенности. Все эти различные кажущиеся ситуации на самом деле являются лишь единичными проявлениями, и все они — приглашение.

Понимаете, в каком-то смысле это очень сильно, потому что всё это ощущение себя уникальным индивидом — или тем, что кажется уникальным индивидом — продолжает укреплять гипнотический сон о том, что у всех нас есть отдельные жизни, которые мы ведем и которые имеют смысл. И поэтому мы продолжаем искать этот смысл: «Я найду смысл

своей жизни». И приглашение, скрытое в этом, состоит в том, чтобы продолжать искать этот смысл до тех пор, пока мы не сдадимся.

И тогда, когда происходит эта сдача, появляется возможность того, что идея о существовании кого-то «там» также будет оставлена. Это великий и чудесный парадокс...

Амстердам Апрель 2002

У меня есть старый друг — мы дружили с самой школы, уже много лет, фактически всю жизнь. Между нами всегда была тесная связь, даже если мы не виделись по нескольку лет. Это была та самая дружба, в которой нет скрытых мотивов. Мы могли говорить друг с другом о том, чем не обязательно стали бы делиться с другими. Совсем недавно он умер.

Однажды днем, за несколько недель до смерти, я зашел его проводить. Мы сидели и пили чай, и я видел, что с этим парнем что-то происходит. Он был в такой ярости. Вообще он был очень милым и жизнерадостным человеком, но в тот день он был зол. На той нашей последней встрече он где-то внутри знал, что умрет. Ему об этом еще не сказали, но он чувствовал. Ему нужно было выразить гнев и обиду, и он это сделал.

Я вернулся к Клэр и сказал ей: «Что с ним творится?» Через месяц он умер.

Он знал многих знаменитых людей, и на поминальной службе многие произносили речи о нем. В итоге мой друг предстал святым, абсолютным святым, без малейшего следа гнева или осуждения в адрес кого-либо.

Я рассказываю вам всё это только для того, чтобы проиллюстрировать, как сильно мы всегда хотим создавать героев. Ум обожает идею героев. Люди в зале хотели превратить этого человека в святого, который всех любил и всегда был прощающим и заботливым.

Вчера вечером мы говорили о Рамане Махарши, Нисаргадатте и всех этих прекрасных людях, потому что в поиске просветления ум тоже создает героев. И удивительно хитрая штука в создании героев заключается в том, что вы всегда можете быть уверены: вам никогда не стать такими, как они. Люди, создающие героев, продолжают жить в этом ментальном круговороте: «Этот человек действительно поразителен! Я никогда не смогу быть таким. А значит, мне на самом деле и не нужно становиться пробужденным».

Создание героев — это один из способов, которым ум избегает пробуждения. Всегда будут фигуры великих духовных героев. Парень, который решает учить и стать мастером, начинает говорить с несколькими людьми, которые затем превращают его в героя. Они рассказывают другим об этом великом герое, и те тоже приходят... И каждый проецирует что-то на другого. Ученики выдумывают этого учителя, и, делая это, они выдумывают и свою собственную позицию. Терминология, которую они используют, поразительна. Люди приходят ко мне и говорят: «Я только что был у великого мастера».

Мастер/ученик — это целое мировоззрение. Мы продолжаем подкреплять идею «я внизу / ты наверху». По большому счету, с моей точки зрения, всё это — об избегании. Нам нужен папочка или мамочка, которые сделают это за нас, потому что мы не верим, что можем сделать это сами. (Конечно, другая проблема в том, что мы думаем, будто вообще можно что-то *сделать*...) Это всё игра ума — ум создает фигуру, которой мы затем становимся преданы и у ног которой сидим в ожидании, когда же появится пробуждение.

Коренная перемена, которую я вижу сейчас, заключается в том, что некоторые люди, транслирующие это, делают это просто как друзья. Это обычные люди, которые являются друзьями. На них гораздо труднее спроецировать этот героизм... Есть мой друг, который транслирует это, Натан Гилл, он садовник. Он очень обычный, у него акцент кокни, он пьет чай или обедает с людьми, которые приходят к нему... В этом нет никакой исключительности. Это просто о дружбе.

И еще одна вещь, которую, как мне кажется, люди начинают осознавать: у человека, который транслирует это, нет ничего такого, чего бы не было у них самих.

Здесь нет никого, у кого было бы чего-то «больше». На самом деле, суть как раз в том, чтобы не иметь ничего. Многие люди, приходящие на эти встречи, богаты — богаты концепциями. Пробуждение — это состояние, когда у тебя нет ничего.

Вы предполагаете, что существует способ избежать пробуждения. Но если нет способа заставить пробуждение случиться, то наверняка не может быть и способа его избежать?

Нет, абсолютно. Нет никого, кто избегает, но я заметил, что само «избегание» возникает. Я ни на мгновение не предполагаю, что кто-то может что-то с этим поделать, потому что весь смысл того, что здесь говорится, в том, что выбора нет, и нет никого.

Существуют ли просто различия в уровнях передачи состояния пробужденности, или же существуют разные уровни самого просветления?

Нет, уровней просветления не существует. Есть просто видение и не-видение. Есть абсолютное единство (unicity) или есть кажущаяся разделенность.

Значит, в этом просветленном состоянии мы не сопротивляемся ничему возникающему — неврозам, предпочтениям, гневу — и мы просто сидим и наблюдаем, как происходит то, и это, и вот это...

Нет, ничего подобного. Прежде всего, это не состояние. Нет никого, кто наблюдает или не наблюдает, и нет никого, кто принимает или не принимает. Просто есть то, что возникает. И в этом «том-что-возникает» может быть гнев, сопротивление или что угодно еще, но здесь больше нет никого. Я есть «это», и в «этом» могут возникать сопротивление, гнев, эго, всё что угодно. Это то, что возникает, и это празднуется. Нет никого, кто бы что-то делал.

Но поначалу, как вы сказали ранее, присутствует некое наблюдение за этим.

Поначалу, да, всё еще кажется, что происходит этот танец «вход-выход», и что-то случается здесь, а что-то там. Или что-то случается здесь, а там не случается ничего. И всё, что происходит, — это смена баланса, и бытие видимым образом берет верх над «я-каньем».

Просто ранее вы говорили об «укоренении» в этом, и я подумал, что если и можно что-то сделать вообще... Я нашел действительно полезным направлять внимание на осознанность, а не на вымыслы ума.

Это нормально. Так обстоят дела для этого конкретного тела-ума. Однако это не общая рекомендация — это просто то, как это происходит для данного тела-ума (хотя нет никого, кто бы это выбирал). Для этого тела-ума может возникнуть медитация в той или иной форме. Но это не значит: «Давайте все медитировать». Просто в твоём случае это работает так; так происходит открытие. Некоторым людям я говорю: «Станьте очень сокровенно-близкими с

этим». Для кого-то это отзывается, и они действительно открываются близости с бытием или с «этим». Для других это просто не резонирует.

В этом осознании рождается одна милая метафора: в некотором смысле вы — своего рода «заклинатель лошадей». Ум постоянно шепчет: «Это я, я приведу тебя куда-то. Сейчас мы затеем какой-нибудь большой проект...» Этот шепот не прекращается. И тут мы встречаем заклинателя лошадей в форме Тони Парсонса, который шепчет в ответ, постоянно говоря: «Этот шепот — это...» И тут я застрял!

На самом деле, это не «в ответ» — это за пределами любого «в ответ». Этот шепот уходит в бездонную яму.

Ну да, конечно — вы заталкиваете этот шепот в большую яму.

Нет, я не заталкиваю. Я ничего не делаю. Здесь нет никого, кто бы что-то делал. Здесь нет никакой программы, абсолютно никакой. Здесь нет ничего.

Когда вы сказали, что эволюции не существует, — имели ли вы в виду, что эволюции нет в контексте этой «комнаты проявлений»?

Эволюция лишь кажется существующей — это просто еще одно проявление. Она нужна для того, чтобы убедить вас, будто всё куда-то движется. А если всё куда-то движется, значит, и вы можете куда-то прийти. «Давай, — говорит ум, — я отведу тебя туда. То, о чем говорит этот парень, Тони Парсонс, — это очень хорошо. Если мы объединимся, ты и я, я приведу тебя туда — на следующей неделе... Или, может быть, в следующем году».

Мировая эволюция — это чудесная пьеса, призванная убедить нас в наличии пути. Но его нет. Это пьеса, это фильм, фильм под названием «Мир». Кажется, будто фильм куда-то движется. Вы находитесь в фильме, вы — главный герой, а все мы — персонажи, поддерживающие эту кинозвезду. Так это представляется.

И если остановить фильм, то останется просто «одно за другим».

Останется просто «одно».

Можно ли сказать, что мы — экран, на который проецируется фильм?

Вы — свет, который позволяет фильму быть. И если вы посмотрите на всё это с другой точки зрения, вы начнете открываться возможности отбросить идею пути к чему-то, куда вы никогда не доберетесь. Вы никогда туда не доберетесь — вы уже там. И поэтому, в некотором смысле, фильм священен. Он говорит вам, что вы и есть «это». Я хочу избавить вас от идеи — вернее, не я, но нечто хочет избавить вас от идеи, что вы находитесь в пути.

Когда есть просто присутствие, всякий смысл заканчивается. Смысл всегда привязан к истории: «Мы куда-то идем».

Вы говорили на своей кассете о признании того, что жизнь — это глубокое разочарование, и тогда можно расслабиться, потому что вы больше не будете пытаться заставить вещи работать. Но жизнь не всегда является глубоким разочарованием.

О нет, нет, нет.

Вы имели в виду, что в конечном счете всё всегда обернется разочарованием, так что не стоит и утруждаться?

О нет, тот, кто всё еще думает, что живет в фильме, обычно верит — чаще всего, но не всегда, — что в конце концов всё наладится.

Но это не мешает полноценно участвовать в жизни.

После пробуждения вы впервые по-настоящему участвуете; до этого вы всегда пытаетесь куда-то добраться. Вы в деле, вы в сделке. Ищущие всегда в сделке — нашедшие бросают торговлю. Нашедшие отказываются от сделок, отдают всё ради «этого». А «всё» — это путешествие во времени, идея о том, что вы можете получить это на следующей неделе...

Просто сдайтесь — «это» оно и есть. Разве это не чудесно — бросить этот мучительный, чертов путь и ту цель, которую, по словам ваших мамы и папы, вы должны были достичь? Просто забудьте об этом. Вы уже там.

Это просто признание данного факта.

И для ума это пугающе. Мы говорим о неведомом. «О чем толкует этот парень, призывая бросить всё? У меня дом, жена и три любовницы — неужели я должен от всего этого отказаться?» Это пугает. «Что он говорит? Стоп! Это всё, что есть? Это оно?»

«Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Богатство здесь не имеет отношения к деньгам — оно имеет отношение к концепциям. Всё, от чего вы отказываетесь, — это идея «меня». И это может казаться «всем».

И эти концепции, кажется, обещают мне безопасность; без них я чувствую себя довольно незащищенным.

О, весьма! Заметьте, на самом деле вы никогда не были в безопасности, но вы думали, что это так. Отпустите это — и вы отпустите всё. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Души не существует, но здесь речь идет о полной и абсолютной нищете.

Царство Небесное подобно жемчужине в поле, ради которой фермер отдает всё. Мы должны отдать абсолютно всё ради этого — всё. Но мы не можем этого сделать! И в этом — облегчение, не так ли! Но где-то внутри мы это знаем, и когда этому открываешься, тогда это может случиться.

Для ума это действительно страшно, потому что всё отпадает. Всё, чем вы себя считаете, отпадает — время, сделки... всё рушится. Остается только это. Так что вы остаетесь абсолютно ни с чем. И у вас есть абсолютно всё. Потому что вы и есть абсолютно всё. Это очень просто!

Эта система гораздо больше расслабляет — стремиться к обычному, а не к чему-то удивительному.

Вы описываете то, как это ощущается для вас. И я чувствую то же самое — я обожаю эту обычность. Она очень мягкая. И в то же время в ней есть некое величие... Клэр описывает это как «тихое вау». На самом деле бояться нечего — там действительно ничего нет, и вы не могли бы находиться в более безопасном месте. Это единственная существующая безопасность. Присутствие — единственная надежная константа.

Куда бы я ни посмотрел, всё соотносится с вопросом «Что я могу из этого извлечь?» или с «собой», который чего-то хочет. Поэтому я никогда не вижу подлинную суть того, что есть.

Нет, конечно, потому что вы живете в режиме «сделки», вы живете в бизнесе, поэтому всё, что вы видите, — это бизнес.

Имеет ли значение, кажется ли вам, что вы хотите этого или нет?

Нет, вовсе нет. Давайте проясним — это не имеет к вам никакого отношения. Это не имеет отношения к тому, какими вы «должны» быть — хотите ли вы этого, не хотите ли... Есть люди, которые учат, что пока вы не станете абсолютно серьезными, глубоко серьезными и искренними в этом вопросе, ничего не произойдет. Другие говорят: если вы честны внутри, если у вас есть искренняя жажда отдать всё ради этого, оно случится... Это всё тот же список, привычная игра ума. «Ты должен быть таким-то, чтобы получить результаты экзамена». Все эти учения исходят прямо из «ума гуру», который укоренен в глубоком и стойком невежестве относительно природы абсолюта. Это — божественное выражение. То, что есть прямо в этот момент — это оно и есть. Просто сидите и будьте жизнью.

Просто когда я пришел сюда, у меня возникла реакция, что я этого не хочу.

Что ж, скажу вам нечто удивительное — «не хотеть этого» означает быть очень близко. Правда! Кто-то скажет, что вы не получите этого, пока не возжаждете, а кто-то другой, в Бомбее, скажет: «Если вам плевать и вы забросили саму идею об этом, тогда оно доступно». Так кому верить? Ум может сойти с ума от всего этого, просчитывая разные возможности. Всё, что происходит здесь прямо сейчас, — это то, что вы сидите на стуле. Это всё, что есть. Это только «это». Это предельно просто.

Есть ли какая-то польза в том, чтобы знать это?

В наличии некоторой ясности есть польза, да. Хорошо иметь ясность в этом вопросе. Если есть ясность, тогда всё остальное отпадает, позволяя быть только «этому». Так что можно сказать — да, польза есть, но это польза для «никого».

Мне кажется, одна из трудностей в этом ощущении «просто происходящих вещей» — это чувство личности. Сложнее всего позволить «просто случаться» тому человеку, которым вы себя считаете. Мы так привыкли к этой личности, которую носим с собой, — мы думаем, что он реален. И когда мы сталкиваемся с возможностью того, что этот персонаж — всего лишь еще одна происходящая вещь, это может быть трудно.

Многие говорят мне: «Ну, я всё еще здесь — всё еще есть "я"». Существует персонаж; существует, если хотите, личность. Слова коварны — для некоторых слово «личность» всё еще кажется связанным с эго. Но личность есть — у Тони Парсонса есть определенные характеристики, он ведет себя определенным образом. Это совершенно нормально, это просто еще одна вещь, которая видимым образом происходит; нет сомнений в том, что «Тони Парсонс» происходит. Но так же происходит и проезжающая мимо машина, и

солнечный свет. Эти вещи тоже просто случаются, и нет никого, с кем бы они случались. Всё так просто. Конечно, всё это — видимость.

Так что позвольте себе немного побыть в этом замешательстве; пусть это будет тем, что просто должно проявиться. Продолжайте чувствовать, что любые ощущения в теле или любые возникающие мысли — это абсолютно нормально. В мышлении нет ничего плохого. Нет ничего плохого в мыслях о времени, в планировании, в беспокойстве, в чувстве страха — в любых чувствах. Просто попробуйте позволить этому быть самому по себе, как чему-то, что просто случается, без всякого осуждения, без попыток найти в этом хоть какой-то смысл. Просто забудьте о поиске смысла и позвольте происходящему просто быть — чувствам, мыслям... Даже отталкивание или сопротивление происходящему — это снова лишь то, что просто происходит.

Я уверен, что многие здесь чувствуют присутствие. Для многих людей, чем больше они находятся в такого рода открытости, тем сильнее ощущается присутствие, и это очень сладостно. Люди часто говорят мне: «Но потом оно уходит, потому что я сжимаюсь (контрактирую)». На самом деле оно не уходит — просто возникает чувство сжатия. Присутствие — это всё, что есть, и чувство сжатия, чувство «меня» возникает в присутствии.

Замечательно, когда можешь наслаждаться своей личностью, но когда не наслаждаешься — это не так уж замечательно!

Я знаю, но что именно «не наслаждается»? Не наслаждается эго, которое хочет что-то получить — например, стать «чистым» Тони Парсонсом, упаси Боже! Эго думает, что персонаж, личность, должна стать достойной. И безумие в том, что она никогда не станет достойной, потому что ей *не нужно* быть достойной — она уже божественна.

В присутствии то, чем вы являетесь, божественно — включая всё то, что ум считает невротичным или недостойным. Эти вещи божественны. Все эти «корявые части» божественны и могут оставаться там вечно. Просто так случается, что как только происходит открытие тому, чем вы являетесь, эти невротичные вещи имеют тенденцию засыпать, угасать. У них больше нет той власти, что была раньше. Однако это второстепенное следствие. Но то, что мы обсуждаем, не имеет отношения к тому, чтобы стать кем-то или быть достойным. То, чем вы являетесь прямо сейчас, совершенно уместно... божественная игра.

И как я уже говорил, еще одна вещь, которая проявляется: как только ваше «я» охватывается тем, чем вы являетесь, тогда, конечно, происходит принятие и того, чем кажутся другие люди. Когда Христос пришел на землю, он сказал: «Я отменяю Десять заповедей и даю вам две — возлюби Бога и возлюби ближнего своего». Что ж, в те времена ему приходилось говорить именно так. На самом деле он имел в виду: «Увидьте, что есть только единство, и тогда всё остальное последует из этого» — включая любовь к «этому», что есть любовь к «тому», любовь к ближнему как к самому себе. Потому что в конечном счете, когда я вижу Билла, я вижу себя. Всё, что вы видите, — это вы сами. Но это следствие. Вы ничего не можете сделать; вы не можете заставить это случиться. Это просто естественно вытекает из ясного видения.

Я иногда говорю себе: «В тебе, должно быть, сидит какое-то очень упрямое чувство недостойности, раз ты не использовал данные тебе дары должным образом. Ты мог бы распорядиться ими гораздо лучше».

Всё, что видимым образом произошло в вашей жизни, абсолютно и совершенно уместно. Ни одна вещь не могла быть иной. Всё должно было быть именно так. Если, к примеру, в своей работе вы оглядываетесь назад и говорите: «С тем человеком я мог бы справиться лучше», на самом деле тому человеку нужно было именно то, что произошло — а не что-то другое, что уму казалось «лучшим», — как абсолютное приглашение для него. Приглашение присутствует и воссоздается всё время, и когда кажется, будто кто-то ведет себя плохо по отношению к другому или мог бы поступить с ним «лучше», на самом деле то, что произошло в тот момент, было полностью уместным.

Чувство недостойнства — это то, с чем мы растем, это часть драмы. Большинство из нас растёт с чувством неспособности справиться с миром и ощущением собственной неполноценности по сравнению с идеальными образами, которые мы проецируем. Даже в обычном мире у нас есть все эти образы других людей, которые кажутся лучше нас. И когда мы сталкиваемся с чем-то подобным, мы, конечно, чувствуем себя еще более недостойными. Мы смотрим на людей вроде Раманы Махарши и говорим: «Ну, я никогда не смогу быть таким». Это всё способы избегания подлинной реальности, которая заключается в том, что то, чем мы являемся, находится за пределами того, кем мы себя считаем (или не считаем). Нет необходимости становиться более умным, более чувствительным... То, чем вы являетесь, — это единое, абсолют, присутствие, непорочное зачатие.

Вы только что сказали, что всё совершенно уместно, но для кого?

Ни для кого. Это не является «уместным» для ума — ум никогда не найдет ничего совершенно уместного. Потому что ум всегда пытается куда-то добраться; всегда есть место, куда ум хочет попасть. Он живет в разделении, он живет во времени. Поэтому в мире мы видим то, что кажется разделением, и живем в этом разделении на «достойное» и «недостойное», «хорошее» и «плохое». Это непорочное зачатие, являющееся как «непорочное заблуждение». Но что касается присутствия — всё есть то, что оно есть. Это уместно по отношению к тому, что вы есть, а не к тому, кто вы есть или кем вы себя считаете. Потому что в конечном счете, понимаете, ничто никуда не движется. Ничто никогда никуда не уходило и ничто не движется никуда сейчас. Есть просто «это». Так что ничего не должно быть иным или становиться чем-то другим. Никто не должен быть иным или становиться кем-то. Это оно.

Можно задать вопрос о процессе мышления? Сегодня утром и особенно вчера вечером в постели я обнаружил, что мой ум полностью парализовало попытками всё это осмыслить. Вчера вечером он просто окончательно встал.

В этом и была задумка! Всё это — об обездвигивании ума, об отстранении его в сторону. То, что мы здесь делаем, — это отодвигаем ум в сторону, чтобы он мог просто выполнять свою естественную функцию — например, вычислять лучший способ долететь до Америки. Здесь мы ставим ум на его естественное место. И это кажется немного пугающим или тревожным, потому что ум не может никуда продвинуться. В этом вопросе ум никогда никуда не придет. Он будет просто функционировать естественным образом. Я думаю, когда ум смотрит на эту предельную простоту, он натывается на кирпичную стену, и это вызывает чувство дискомфорта. В каком-то смысле ум здесь всё время бьется об эту стену. Ум продолжает думать: «Да, но как насчет?..» — и снова налетает на кирпичную стену.

Нам не за что зацепиться.

Нет, не за что.

Это и есть самая некомфортная часть. Обычно я привык думать логически: если я сделаю это, то произойдет то; а если сделаю то — произойдет другое. Но здесь всё не так.

Нет, здесь нет результата.

И можно даже думать о том, чтобы не думать об этом, и в обратную сторону происходит то же самое. Просто не за что ухватиться.

Нет, результата нет. Здесь никогда не будет продолжения. Это ни о чем. И на самом деле, пока это происходит, внезапно может случиться «просто это» — сидение на стуле. Для многих людей это горы слов и ментального мусора — просто отбросьте это, и всё, что останется, — это сидение на стуле. Вот и вы — есть только «это». Просто покойтесь в этом. Забудьте все слова и логику. Продолжайте возвращаться к этому. Всё, что происходит, — это возлюбленный просто говорит: «Вернись». Вот о чем всё это — «Просто вернись, вернись». «О да, но как насчет?..» — «Да, хорошо — вернись, вернись». Это просто возвращение домой.

Когда я нахожусь с кем-то очень застенчивым, например, и спрашиваю себя: «В чем разница между ним и мной?», я понимаю, что разницы на самом деле нет — кроме того, что он думает, будто он должен быть застенчивым; есть что-то опасное в том, чтобы не быть застенчивым. Я вижу, что разницы в каком-то смысле нет — это просто идея. Если я перенесу это на пробуждение — это, вероятно, тоже просто идея, которая ему препятствует.

О, абсолютно. Это мысль о «я», играющая в определенную игру, чтобы защитить себя.

Но я всё равно не вижу, что это всего лишь идея.

Идея о том, что вы личность, была принята вами еще в детстве, и с тех пор вы продолжали укреплять её, пока не стали относиться к ней по-настоящему серьезно. Вы всерьез восприняли ту изначальную мысль, что вы отдельны и индивидуальны. Вы потратили годы, выстраивая очень сильную веру в свое существование. В этого человека, которым вы себя считаете, вложены огромные инвестиции; вы думаете, что это и есть реальность. Вы всерьез воспринимаете идею личности и годами поддерживали и создавали жизнь, которая обслуживает этого человека. (На самом деле нет, но именно так всё выглядело.) Годами вы защищали этого человека и пытались удовлетворить его нужды.

И живет вера в то, что если этого человека не будет, то это конец всему. Великий страх в том, что если личности не станет, всё закончится. И другой страх, возникающий, я думаю, у некоторых людей, — что если этой личности не будет, они лишатся рассудка и потеряют равновесие. Безусловно, для большинства это потеря того, что в некотором смысле дороже всего — чувства «меня».

Пробуждение не сводится к вам — есть просто свет. Кажущаяся тьма, которая накладывается на свет, — это идея о существовании личности, которая укреплялась в течение того, что кажется годами. Но это чувство присутствия личности может отпасть мгновенно. Это и так происходит каждую ночь, но это может отпасть и в ваш сознательный день просто так — потому что это всего лишь идея. И это и есть пробуждение — осознание того, что пробуждаться некому. Освобождение возникает тогда, когда обнаруживается, что освободить некому.

Мне трудно представить это «никого».

Вы и не можете. Вы, будучи «кем-то» (якобы), не можете представить «никого» — это невозможно. Единственное, что я в конечном счете когда-либо говорю (помимо «Всё, что есть, — это это»), это: «Попробуйте каким-то образом быть открытыми возможности и ощущению того, что всё движущееся — это просто движение». Иначе говоря, всё происходящее просто происходит, и оно не происходит с кем-то. Это предельно, предельно просто. Другими словами, вместо того чтобы там была личность, пусть там не будет ничего, кроме того, что есть.

Есть просто активность, и вы связываете её с человеком по имени Билл или как-то еще. Но на самом деле есть только активность. И я никак не могу заставить кого-то это увидеть, и вы никак не можете заставить это случиться. Но это случается — это случается здесь и случается в других местах. Теперь вы попались — вы пропали. Вам не стоило сюда приходить! Я могу сказать вам, что это произойдет. И это может произойти через пять минут, если говорить в терминах того, как ум воспринимает время. Нет сомнений, что это может случиться, потому что это случается всё время — отпадение чувства того, что кто-то есть. Это заразно.

Вам не нужно в это верить, вам даже не нужно это понимать. Это так просто, что не нуждается в понимании. Просто увидите, что есть активность. Пусть будет видение активности. Все в этой комнате на самом деле делают это — единственное, что происходит в этой комнате, это видение активности. Но каким-то образом живет идея, что есть «вы», видящий это, и «вы» это делаете, или это делается с «вами».

Большинство людей думают, что речь идет о чем-то особенном. Многие думают, что могут прийти на такую встречу и найти что-то особенное, что выделит их из толпы. Люди будут подходить к ним и говорить: «Я слышал, вы просветлены. Не могли бы вы заглянуть к моим друзьям?» И вы идете к друзьям, а в следующий раз там еще больше друзей, людей становится так много, что им вас плохо видно, и вы говорите другу: «Давай найдем зал побольше». Вы идете туда, и там уже шестьдесят пять человек. И им всё еще трудновато вас видеть, поэтому вы строите платформу... Это игра в просветление.

Два католических священника молились у алтаря, когда вдруг один из них вскочил и страстно воскликнул: «О Господи, я ничто по сравнению с Твоей славой! Видишь, я — ничто!» Другой священник, вдохновившись, тоже вскочил с места, восклицая: «Я ничто! Я — ничто!» Уборщик, подметавший пол в конце церкви, был так тронут этой сценой, что тоже начал кричать: «Я ничто, Господи! Я ничто!» Тогда один священник повернулся к другому и шепнул: «И кто он такой, по-вашему, чтобы претендовать на то, что он — ничто?»

**Амстердам
июль 2002**

Люди приходят сюда с мыслью, что если они будут слушать слова, если им удастся понять природу того, чем они являются, то они смогут в это «провалиться». Но это так не работает, потому что природа того, чем мы являемся, находится совершенно за пределами понимания. На самом деле, именно понимание отпадает до того, как случается ясное видение. Ясное видение не имеет ничего общего с пониманием.

Единственное, что здесь может произойти в плане понимания, — это отпадение ваших идей о просветлении, о том, кем вы себя считаете. Идеи могут уйти, и вы можете остаться без идей, ни с чем. И когда вы остаетесь ни с чем, проявляется «это». Проявляется приглашение.

Все сенсорные сообщения, которые вы получаете — прикосновения, запахи, зрение, — всё это возлюбленный, приглашающий вас увидеть, что существует только единство.

Это предельно просто и абсолютно непосредственно. Вы сидите в том, чем вы являетесь. На самом деле, вы и есть то, что есть.

И это не имеет никакого отношения к тому, кем вы себя считаете. Вы — просто персонаж в пьесе. Пьеса не изменится — ничего не станет лучше или хуже, — но проявляется тот, кто видит. Ясное видение — это просто видение без кого-либо «там».

Всё то время, пока мы смотрим с точки зрения отдельного существа, мы не видим того, что есть на самом деле; мы смотрим сквозь завесу. Мы всё еще пытаемся что-то извлечь из того, что видим, — мы смотрим и слушаем, чтобы получить что-то взамен. В ясном видении нет никого, кто бы чего-то хотел, и поэтому видимое и есть реальность. Реальность такова: есть только единство.

Вы не можете отбросить «себя». Там никого нет — никогда не было никого, кто мог бы что-то отбросить или выбрать, так что ничего нельзя сделать. Но есть что-то прямо за вами, смотрящее на то, как вы сидите здесь и смотрите на меня. Видимое — это персонаж, которому никогда не нужно было становиться чем-то лучшим, который полностью и абсолютно совершенен в этой пьесе. Ему не нужно меняться, чтобы эта ясность случилась; он и не может измениться. Не стоит вопрос о том, что вы должны измениться, чтобы произошло освобождение. Освобождение не имеет к вам никакого отношения.

Каждый человек в мире, для которого не произошло пробуждения, чувствует себя отчужденным. Идет ли война или вы живете в прекрасном пентхаусе в Нью-Йорке... пока есть чувство разделенности, чего-то не хватает. После пробуждения эта кажущаяся история жизни всё еще продолжается, но идентификация с ней полностью утрачена.

То есть, по сути, мы зрители в нашей собственной мыльной опере?

Да, в каком-то смысле, за исключением того, что всё уходит даже дальше. Здесь больше нет зрителя мыльной оперы под названием «Тони Парсонс». Есть только единство, и Тони Парсонс возникает в нем. Так же, как этот стакан. Сначала, когда люди открываются этому, может возникнуть чувство наблюдателя за драмой. Оно отпадает.

Тони, может ли быть полное осознание не-знания, когда всё еще присутствует вера в «меня»?

Нет. Всякая вера отпадает. Вера привязана к «мне».

Значит, состояние не-знания несовместимо с «я»?

Несовместимо. Но трудность в том, что ум попадает в ловушку, думая в терминах постоянства, в котором существует пробуждение и где больше нет никакого «я-канья». Ум хочет думать, что после пробуждения возникновение чувства «я» невозможно. Но реальность не такова. Единство не имеет ничего общего со временем. Если есть идея, что «я» никогда не должно возникнуть снова, — это еще одно заточение: заточение в идее не-возникновения «я».

Еще одна трудность с умом заключается в том, что он склонен персонализировать пробуждение. Единство не имеет отношения к кому-либо и полностью охватывает всё, что проявляется, включая эго и веру.

И знание?

И знание. Освобождение ничего не отрицает. Знание и эго — это единство в форме «знания» и «эго-ирования». Всё это — происходящий танец. Это всё Единое, играющее в игру «двоих».

Что если персонаж в этом единстве несчастлив? Полезна ли терапия?

В этом сложность слов. Больше нет персонажа, который был бы несчастлив — есть просто единство, и в единстве может возникать несчастье. Но больше нет никакой идентификации с человеком, который несчастен, так что нет причин пытаться это изменить. Больше не стоит вопрос о необходимости что-то менять, но, конечно, кажущееся изменение может возникнуть.

Так что же делать с болью?

Просто видите, что возникает боль. Но не для кого-то — пробуждение есть отпадение того, кто чем-либо владеет. Это просто видение происходящей жизни — включая боль, радость... что угодно. То, что я есть, охватывает это без какого-либо чувства, что это нужно изменить.

То есть всё, что вы можете сказать, — это «чувствуй боль»?

Нет, как только вы это говорите, вы возвращаетесь к идее, что есть человек, который может её чувствовать. Как ни странно, мы живем в раю, но это не та картина рая, которую рисует ум. Это полная свобода и принятие всего, что есть, без малейшего чувства необходимости это менять.

Никто здесь (указывает на себя) ничего не охватывает. Единство ничего не охватывает, потому что единству это не нужно. Единство — это всё. Единство — это всё, что есть. И во всем, что есть, может возникнуть головная боль. Но единство не говорит: «О, возникла головная боль — я её охвачу!» Единство — это «головная-боль-ение».

Освобождение не является освобождением, если оно не может охватить и принять не-освобождение. Концепция, которую мы имеем о просветлении, — это просто еще одна тюрьма, выстроенная умом.

Но разве не возможно, что некоторым людям нужно «почистить» свою личность?

Ум бы так и подумал, да.

Я чувствую, что во мне есть вещи, на которые мне нужно посмотреть, иначе я даже не узнаю об их существовании, а они будут продолжать оказывать влияние. Я чувствую себя лучше и свободнее, когда уделяю внимание определенным частям «себя».

Абсолютно нормально смотреть на свою жизнь и чувствовать себя лучше по этому поводу. Но всё, к чему вы придете, — это кто-то, кто чувствует себя лучше в своей жизни, потому что он на нее посмотрел. Это не имеет никакого отношения или значимости к единству.

У меня такое чувство, что, делая это, были сделаны какие-то шаги.

Шаги могут быть сделаны, но не существует шага, который можно было бы сделать к тому, что уже есть. Оно не «где-то там» — есть только единство. Вы не можете подкрасться к тому, что уже есть.

Как вы узнаете, что вы пробуждены?

Никак.

Но вы говорите, что вы в единстве...

Нет, я не в единстве — есть единство.

Вы не знаете, что такое просветление?

Я не смог бы облечь это в слова. Нет никакой нужды в том, чтобы кто-то знал, что такое единство, потому что единство — это естественное состояние. Единство — это всё, что есть. Это всё равно что сказать: «Значит, вы не знаете, когда светит солнце».

Почему Тони Парсонс хочет всё это говорить?

Тони Парсонс не хочет всё это говорить. Каким-то образом Единое — которое играет в игру «двоих» — играет в игру повторного открытия; это и есть драма. Драма в том, что есть только единство, проявляющееся как двойственность. Оно думает, что потеряло себя, и хочет снова себя найти, поэтому оно идет повидать Тони Парсонса. Коммуникация случается, приглашение видится, и тогда единство снова на месте.

Значит, вы хотите, чтобы мы это увидели?

Нет.

Почему вы это транслируете?

Я не транслирую. Коммуникация происходит.

Находиться здесь и сейчас, и то, что вы сказали вначале о приглашении, приходящем через чувства, — разве это не одно и то же?

Кажется, что да. Но всё учение о «здесь и сейчас» передается кажущемуся человеку, у которого есть выбор. Учение об отбрасывании мыслей и видении мысли как болезни — всё это основано на ошибочной предпосылке, что есть кто-то, кто может выбирать. Такого нет — нет никого.

Идея о том, что мы всё время живем в тотальной благодати или тотальном приглашении, превосходит идею о том, что кто-то может что-то с этим сделать. Я ни на мгновение не предлагал вам уходить в свое тело и чувствовать свои ощущения или пытаться через осязание стать сокровенно-близким с чем-то, потому что здесь нет никого, кто мог бы это сделать. Но каким-то очень прямым образом мудрость, которая там есть, знает это. Происходит то, что накладывающийся на это ум отпадает, и остается просто чувство «естественности».

Слух, обоняние и всё прочее находится в «сейчас».

Насколько я понимаю, такой вещи, как «сейчас», не существует. «Сейчас» подразумевает, что есть «тогда» — вы снова во времени. «Сейчас» — это данный момент, но момента не

существует. Есть только «это». Оно вне времени. Оно не сейчас и оно не тогда. Между этими двумя концепциями — бездна.

Люди, принимающие эту идею пребывания в «сейчас», слышат это послание и носятся вокруг, «пребывая в сейчас» как минимум три дня, а потом всё разваливается. Есть прекрасная карикатура, где девушка смотрит в зеркало и говорит: «Ну что ж, завтра утром я снова начну быть здесь и сейчас». Это очередная формула.

Значит, всё, что можно сделать, — это проснуться от этого и не вкладываться в это?

Ну, это еще один вид «делания». Там нет никого, кто мог бы это выбрать. Если вы продолжаете слышать, что там никого нет и ничего нельзя сделать, тогда может начать происходить что-то другое. Последний кусочек пазла может внезапно встать на место.

Верно ли, что когда вы ничего не делаете, жизнь ведет вас к пробуждению?

Она не ведет вас к пробуждению — невозможно быть ведомым к тому, что уже есть.

Но если вы этого не видите и больше ничего не делаете — тогда что?

Ну, что вполне может произойти, так это то, что вы достигнете места под названием «ничто»; вы останетесь ни с чем. Очень опасно слушать это, потому что то, к чему вас ведут, — это ничто. Делать нечего, идти некуда. Когда есть ничто, возможно, «это» видится.

Раньше я был тем, кто действительно гнался за всевозможными вещами, но теперь этого больше не происходит, и иногда я впадаю в отчаяние от скуки. Это ужасно.

У некоторых людей в процессе пробуждения могут быть периоды «плоскости», сухости.

Я до этого момента не понимал, что скука может быть в каком-то смысле плюсом.

Ну, в некотором роде пустыня — или случающаяся скука — это знак того, что происходит сдача.

Я знаю это единство — оно случилось двадцать лет назад и снова пять лет назад на целую неделю.

Оно никогда не переставало случаться — это единственная вещь, которая есть. Но чувство «меня» проявляется снова, и проблема в том, что мы думаем, будто возвращение «меня» — это как-то неправильно. На самом деле возникновение «меня» абсолютно совершенно — «я» должно вернуться. Это всё часть процесса видения того, что приходящее «я» — это просто то, что возникает. Это не значит, что пришедшее «я» вытолкнуло единство — на самом деле произошло то, что Единое вернулось в форме «меня». «Я» — это единство в форме «я-канья». Ум всегда делит всё надвое. «Я мельком увидел единство, а потом вернулось эго» — как будто это две разные вещи.

Можете ли вы сказать что-нибудь о выборе? На днях я внезапно решил зайти в столовую, а там загорелась занавеска, и кошка была в комнате и могла погибнуть. О чем всё это?

Выбор — это видимость. Порой это может быть очень убедительным — будто есть что-то, что направляет вас к действию, например, исправить то, что в комнате было не так. Но что на самом деле было не так в комнате? Где это «правильно» или «неправильно»? Это всё в уме — эта идея, что что-то было не так, и вас направили это исправить. Если бы вы остались в другой комнате, это всё равно было бы просто тем, что возникает. Загоревшиеся занавески... погившая кошка... это то, что есть.

Но вся эта тема с выбором очень мощная, и мы постоянно живем в этом ощущении, что мы делаем выбор и что он к чему-то ведет. В каком-то смысле мы всё время избегаем своей собственной природы. Мы всё время выдумываем это маленькое «я», которое живет в этой штуке под названием «жизнь», только для того, чтобы избежать открытия того, что мы и есть Единое. Открытие того, что есть только единство, очень пугающе для «меня». «Я» не хочет этого — оно хочет сохранить свою кошку живой и хочет быть просветленным, что в его понимании означает «всё в порядке». Ум не хочет открытия единства — это действительно страшно.

Я всё еще в замешательстве по поводу выбора. Когда персонаж Тони Парсонс принимает аспирин, потому что у него болит голова, — это не выбор, а просто нечто происходящее?

Никто никогда ничего не выбирает. Если вы действительно посмотрите на то, что, как вы думаете, вы выбрали вчера вечером или сегодня утром, вы обнаружите, что не выбирали этого. Это было видимым образом выбрано через вас. Там нет никого, кто выбирает. Это всё лишь видимость выбора.

Значит, мы не можем не быть здесь?

Нет. В конечном счете выбора нет ни на каком уровне. Нет Бога, который выбирает, нет Бога, который направляет вас — ничто вас не направляет. Ничто не выбрано. Есть только «это».

То есть если в Тони Парсонсе всё еще всё возникает, включает ли это также отрицание единства?

Это может возникнуть. Сейчас этому было бы очень трудно возникнуть, потому что источник всего не может быть отрицаем. Это не имеет ничего общего с верой или сомнением — есть просто единство.

Интуиция исходит из ума?

Нет, я думаю, она исходит из мудрости, которая там есть. И я думаю, это имеет большое отношение к интуиции. Вы никогда не поймете её и не вычислите — это прыжок, внезапный прыжок.

Разве не важно вести хорошую жизнь?

О Боже, нет! Вся эта идея о «хорошей жизни» — просто обусловленная идея ума. Если вы посмотрите на разные способы, которые люди рекомендуют для «хорошей жизни», они очень противоречивы. Для кого-то «вести хорошую жизнь» — это направить самолет в здание Всемирного торгового центра. Это невежество, это просто ум.

Вся эта видимость — лишь отражение тоски по поиску той любви, которая полностью за пределами концепций добра или зла. Идея добра или зла — лишь отражение истинной

природы вещей. Истинная природа единства в том, что оно есть безусловная любовь. Это абсолютно непоколебимая любовь без какого-либо чувства чего-либо еще. Наше представление о добре и зле — просто очень бледное отражение этого.

То есть неважно, как вы реагируете на своих детей, например?

Ничего не важно. То, о чем мы здесь говорим, находится полностью за пределами индивидуума и любого представления о поведении — за пределами того, чтобы быть хорошим, за пределами серьезности в отношении просветления... всех тех вещей, которые некоторые люди называют такими важными. Все они заперты в идее, что существует кто-то «там», кто является или не является каким-то определенным образом.

Всё, что я могу сказать: персонаж, который там есть, ведет себя так, как ведет себя этот персонаж. Это не обязательно означает избивание детей. Но если кто-то это делает, то это единство избивает единство. И вся эта видимость поддерживается в абсолютном балансе. Избивание детей здесь уравнивается тем, что детей не избивают там.

Является ли мудростью то, что вы знаете объект, потому что вы и есть этот объект?

Нет, это всего лишь очередная формула. Это полностью за пределами того, чтобы кто-то был объектом и, следовательно, знал его. Это вообще вне подобных идей.

Что же тогда мудрость?

Ну, мудрость — это самое близкое, к чему можно подойти в плане ясности, ясного видения. То, что происходит здесь, — это ясное видение, общающееся с ясным видением, которое скрыто под обломками ума. Ясное видение под ними говорит: «Да!». Обломки ума говорят: «Нет!» или «Да, но...».

Так зачем же всё это шоу продолжается?

Это вечная драма, в которую играет Единое. Я — Единое, являющееся как «двое» — включая в это проявление чувство разделенности — для того, чтобы обнаружить, что я — Единое.

Мой ум хочет знать «почему».

Потому что это чудесно — обнаружить, что ты един после того, как какое-то время побыл «двоими». Пойдите, порепитесь головой о стену, а потом остановитесь. Серьезно. Всё так просто.

Зачем нам нужно биться головой?

Это весело — это игра, это пьеса. На самом деле вы ведь не бьетесь головой о стену постоянно. Вам вполне нравится быть «двоими», не так ли? Посмотрите, как сильно вам это нравится. Очевидно, что почти никто в этой комнате не хочет единства. Существует огромная привязанность и очарованность тем, чтобы быть «двоими», ищущими «одно». Это чудесно, это божественно, это великолепно — я обожаю это! Я хожу по Амстердаму и вижу людей, которые по-настоящему держатся за свою разделенность и свою идентичность. Они все разгуливают вокруг, изо всех сил стараясь быть отдельными индивидуумами. Это чрезвычайно увлекательно!

Ко мне пришли люди, потому что их сын принимал наркотики, и они хотели моей помощи. Из ваших слов следует, что сын, принимающий наркотики, — это просто нечто возникающее. Но это кажется слишком легким способом уйти от ответа.

Пока вы идентифицируете себя с ситуацией, всегда есть «я», которое пытается её изменить или изменить то, как вы о ней сообщаете. Здесь нет никакой скрытой программы — у меня нет никаких вложений во всё это. Здесь нет никого, у кого были бы интересы в этом деле, поэтому нет нужды идти на компромисс в том, что здесь говорится. И нет абсолютно никакого желания идти на компромисс ради того, чтобы как-то «помочь» людям или угодить им. Поскольку есть только единство, здесь нет никого, кто пытался бы сделать других людей «единицами» — потому что они уже едины. Здесь нет никого, кто пытался бы кому-то помочь. Помощь не нужна.

Величайшая любовь — это делиться ясностью и разоблачать замешательство. Но нет никого, кто этим делится, и нет никого, у кого был бы в этом личный интерес. Есть просто ясность, ясное видение. То, что я есть, видит возникающую видимость и знает, что она бессмысленна. Делиться этим — сострадание; угождать уму — манипуляция. Конечно, и то, и другое — просто то, что оно есть.

Изменилась ли сила (напористость) вашей трансляции? Стали ли вы нетерпимы к вопросам?

Не знаю насчет напористости, но за эти годы кажется, что коммуникация стала гораздо проще. Более прямой и простой. Но нетерпения нет, потому что нет никого, кто пытался бы куда-то прийти, и идти некуда. Каждый кажущийся вопрос и кажущийся ответ совершенно уникальны и новы... Это то, что есть.

Кажется, что именно процесс мышления создает это «я».

«Я» — это Единое в форме «я-канья». Всё есть только Единое — нет ничего, что им не являлось бы. Безусловно, процесс мышления — это инструмент, который очень эффективно используется для подкрепления чувства «я». Ум подобен призме, через которую сияет единый свет абсолюта, и это превращает один свет в радугу.

Говорят, что невнимательность порождает мышление, поэтому кажется, что если пытаться быть внимательным...

Так бы это увидел ум, но кто этот «кто-то», кто собирается выбрать «быть внимательным»? Никого нет. Невнимательность случается — невнимательность и есть Единое в форме невнимательности. Беда с умом в том, что он всегда возвращается к презумпции, будто есть кто-то, кто может выбрать способ быть «лучше», чем другой способ. Это полное невежество, и большая часть нашей обусловленности, большинство писаний и даже современных учений говорят именно с этой точки зрения.

Иногда, когда вы говорите, я начинаю очень решительно кивать. У меня есть глубокое недоверие к этому киванию. Не думаю, что оно идет от мудрости — кажется, это результат упорных усилий понять.

Кивание с идеей или надеждой, что понимание возникнет?

Да. Я не могу оставить эту тенденцию пытаться понять.

Это трудно, потому что идея понимания чего-либо очень заманчива. И еще она уводит вас от «этого» — наличие этой «чудесной задачи» понять природу того, чем я являюсь, уводит меня от просто «этого». «Я не хочу возвращаться к жизни — я хочу оставаться в школе понимания».

Вы придете к видению того, что транслируемое здесь находится за пределами вашего сердца и ума. Это приводит вас к пониманию того, что понимать нечего.

Разве нет способа использовать ум, чтобы пойти в другом направлении?

Нет, потому что ум может жить только во времени. Он отрицает существование вне-времени. Он борется против существования вне-времени, потому что во вне-времени — коим мы являемся по природе — он перестает восседать на троне и управлять всем подряд.

Откуда тогда берется импульс есть пищу, оставаться живым?

Это всё часть драмы. Драма вечна. Она поддерживается чувством, что есть кто-то, кто может заставить свою жизнь работать. Так драма продолжается, включая поиск еды, чтобы вы не умерли с голоду. Драма никогда не закончится. Башни-близнецы и Афганистан будут продолжаться вечно, просто под другими именами.

Когда вы занимаете такую позицию — например, по поводу 11 сентября — многие люди очень злятся.

Да, потому что это угроза. Большинство людей хотят, чтобы их жизнь была самой важной вещью в мире. Но у жизни нет цели. В этом её красота.

Говорят, что в Штатах каждый год убивают 50 000 человек.

Смерть — это праздник. Смерть — это гашение лампы, потому что настал рассвет. (Я где-то это прочитал — хорошо сказано, правда?) Физическая смерть — это видение того, что есть только единство, хотя это может произойти и до того, как умрет физическое тело.

Моему уму так скучно...

Он всегда ищет чего-то еще, не так ли? Это как нищий, который приходит к воротам великого императора с чашей и говорит слугам, что хочет, чтобы император попытался наполнить его чашу. Император в это время в саду и слышит нищего. Он подходит к нему и говорит: «Это смешно! Я так богат — я наполню её без проблем». Он велит одному из слуг принести драгоценности, но как только он кладет их в чашу, они исчезают. Он приносит еще драгоценностей и золота, он продолжает и продолжает, вливая свои богатства в чашу, но все они исчезают. В конце концов он остается ни с чем.

Он спрашивает нищего: «Как это происходит? Что это за чаша?» «Чаша, — отвечает нищий, — это ум».

Ум всегда ищет чего-то большего — «Что будет дальше?» Мы думаем, что можем получить то, чего жаждем, через ум. Поэтому ум постоянно подбрасывает всевозможные богатства, и

ни одно из них никогда не приносит удовлетворения. Когда вы идете слушать людей, обучающих тому, что называют природой просветления, те из них, кто учит какому-то процессу, всё еще исходят из ума. Это очень популярно.

Природа того, чем мы являемся, совершенно и абсолютно проста. Она здесь прямо сейчас. Это «это», видение «этого». Нет ничего сложного, нет ничего, что нужно было бы делать. Но ум хочет, чтобы процесс обнаружения нашей собственной природы был сложным — чтобы мы его не нашли. Ум хочет продолжать быть трудоустроенным. И это будет продолжаться вечно. Мы продолжаем наполнять чашу деятельностью нашего ума, и она никогда не будет наполнена. Откуда взялась идея о 27 уровнях просветления?

Безумие в том, что то, что мы ищем, находится прямо перед нами. То, что мы ищем, — это то, что прямо в «этом».

Так что же делать со скучающим умом?

Пусть будет видение скучающего ума. Кто на самом деле говорит мне, что уму скучно? Видящий. Так вернитесь к видящему и просто созерцайте всё, что возникает. Это не вы его видите — есть просто видение этого. Это так просто, так непосредственно... Вот и всё — вот о чем все религии и все писания — просто видеть «это».

Единственное, что неизменно, единственное, что никогда не уходит, — это «это». Вы можете выйти отсюда, пойти по дороге, и всё равно будет «это». Неважно, что вы делаете или куда идете, всегда будет «это». Вы никогда не сможете сбежать от возлюбленного, от абсолюта, от ни-чего. Вы никогда не сможете сбежать от Единого, потому что вы уже и есть Единое. Единое — это всё, что есть.

Весь смысл того, о чем мы здесь сегодня говорим, — в отказе от любой идеи, что где-то кто-то есть. Никого нет, поэтому делать нечего, и ничего нельзя сделать. Ищите «меня» — где это «я»? Нигде. Всё, что есть, — это «это». Всё, что есть, — это видение «этого». Что бы это ни было — ощущение тепла, звук, сидение на стуле, чувство гнева или разочарования — всё это просто ощущения. Там нет никакой фиксированной точки под названием «я» — есть просто события. Тот, кто это видит, и есть то, что есть.

Можно ли избежать Единого?

Единое видимым образом избегает Единого большую часть времени — хотя избегать, конечно, нечего.

Значит, можно и не избегать Единого?

Да, но ответ тот же — есть только Одно, и поэтому избегание — это тоже единство.

Как это работает?

Это парадоксальная тайна. В каком-то смысле мы вернулись к началу. Отказ от поиска единства не является «избеганием» единства. Но нет никого, кто мог бы это осуществить — это просто случается. Дело не в том, что «случается благодать», а в том, что всё, что есть, — это и есть благодать.

Неважно, если вы ничего из этого не понимаете — на самом деле, лучше не понимать. Что-то другое знает это; что-то другое открыто. В момент, когда тело умирает, и когда умирает ум, поддерживающий идею продолжения и разделенности, остается только свет. Остается

только видение любви — которая и есть всё, что есть. Всё это — просто любовь, являющаяся в этой драме как разделение. Когда драма видимым образом прекращается, всё, что остается, — это любовь. Но это любовь, которая за пределами человеческого сердца, за пределами любых наших представлений о любви.

Это то, что имел в виду Ошо, когда говорил: «Никогда не рождался, никогда не умирал»?

Да. Хороший способ увидеть это — представить свет в проекторе и вставленную в него пленку под названием «Тони Парсонс». Фильм прокручивается и в конце выпадает; и всё равно остается только свет. Именно свет позволяет фильму быть. Есть только свет. Можно пойти чуть дальше и сказать, что это не вы будете видеть свет, потому что есть только свет. Это не вы пробуждаетесь — это вы отпадаете, и остается свет. Это еще один способ попытаться объяснить необъяснимое.

Когда я был в рыбной лавке сегодня утром и покупал рыбу, было очень приятное чувство, что есть только «это». В каком-то смысле это очень успокаивало.

Когда есть только «это», в этом чувствуется некая сладость. Мы встаем на пути и хотим превратить это во что-то другое. И это тоже — «это». Ум принимает идею сделать это «лучше» или чем-то иным и вцепляется в неё, и вот мы снова в гонке. Это нормально, это божественно. Просто когда есть видение этого, происходит выход из кажущейся тюрьмы, и в этом чувствуется аромат свободы, сладость.

Значит, поиск истины — это немного похоже на занятия любовью в попытке найти девственность: на самом деле это её отрицание.

Да, поиск истины — это её отрицание. Поиск Единого — это постоянное отрицание осознания того, что Единое — это всё, что есть.

Когда нет «кого-то», есть ясное видение. Всё просто видится таким, какое оно есть. Пока есть ищущий, он смотрит на то, что считает объектами, чтобы что-то от них получить. Поэтому, когда он смотрит вовне, он смотрит «стрелами». Когда никого нет, то, что казалось внешним, вместо того чтобы быть «там», всплывает обратно в ничто. В поиске есть проекция наружу. Когда ищущего нет, всё видится всплывающим внутрь и принимается в точности таким, как есть. Оно есть то, что оно есть, и оно полностью принимается — никем.

В конечном счете исчезает ощущение индивидуума, в которого «всплывают» вещи; нет идеи о том, что что-то видится. Всё возникает в любви. Всё и есть любовь. Когда никого нет, есть просто эта единственность. Не стоит вопроса о том, что что-то должно измениться или стать лучше или хуже — всё просто есть то, что оно есть.

Вот что я имею в виду, когда использую слово «возлюбленный». Видимое видится просто как возникающий возлюбленный. Именно здесь единство видится — никем. Это естественное состояние, по которому мы все тоскуем. И на самом деле это состояние, которое уже здесь. Мы думаем, что это не так. Мы ожидаем, что в том, что «там», вовне, для нас будет какая-то цена, какой-то дар. Пока мы ищем это, мы не видим того, что уже здесь. Пробуждение — это просто прекращение поиска чего-либо. Это отпадение того, кто ищет. Вот и всё.

И как только это принятие случается, появляется также принятие персонажа, героя пьесы, этого «меня». Есть принятие этого организма тела-ума, который расхаживает по этой сцене. Он просто видится и вбирается в себя, в любви. Как только есть принятие этого персонажа, появляется принятие и всех остальных кажущихся персонажей. Видится, что всё это — просто проявление Единого.

Это и есть то, чем на самом деле является безусловная любовь. Безусловная любовь рождается из отсутствия «кого-то». Она рождается из ниоткуда. Пока там кто-то есть, существует идея о том, как мы должны любить; есть техника любви к людям, их прощения и попыток их понять. Это попытка ума дотянуться до какой-то любви, которая за пределами идеи о технике любви. Так что пробуждение — это просто ясное видение, видение того, что есть.

Каким-то образом то, что происходит здесь, — это общение с ясным видением, с мудростью, которая есть во всех нас. Когда абсолютная ясность слышится абсолютной ясностью, которая скрыта под замешательством, абсолютная ясность может взять верх; замешательство может отпасть. Идея о том, что можно что-то сделать для отбрасывания «меня», отпадает, и вместе с ней отпадает и само «я»...

Сегодня утром у меня был чудесный опыт — произошло внезапное принятие самого «я-канья». Было настоящее принятие того, что «я-канье» и двойственность накладываются на изначальное единство. Возникло чувство: «Я "я-кал" всю свою жизнь, так с какой стати мне меняться? Это привычка, как курение. Пусть двойственность преобладает, если хочет». Такое было чувство. Это было очень расслабляюще.

Я думаю, одна из самых трудных вещей во всем этом — чувство идентичности. Проще увидеть дерево и позволить ему просто быть деревом или даже возлюбленным в форме «дерева». Но когда мы видим эту идентичность, эту штуку, которую считаем собой... Это самое трудное — позволить этому быть без всякого чувства, что оно должно быть иным.

Это тоска по чистой невинности?

Да, безусловно. На самом деле мы ходим в невинности. Мы на самом деле как дети, разгуливающие в изумлении от всего этого. Но мы приняли на себя груз взрослости, которая пытается что-то из этого извлечь, хочет заключить сделку с «этим». И это нормально, это божественная игра. Но мы никогда не бываем по-настоящему счастливы в этом; в этом чего-то не хватает; эти сделки накладываются поверх чего-то другого, что, как мы знаем, есть во всем. Мы знаем, что всё есть проявление невыразимого.

Эго — это то же самое, что и ум?

Ну, они оба склонны быть идентификациями. Мы склонны думать об уме как о вещи — на самом деле это совокупность мыслей. Одна из мыслей — «я отдельная сущность», что можно назвать формированием эго. Эго — это идея о том, что существует отдельная сущность. И в этом нет ничего плохого. В каком-то смысле свобода — это влюбленность в это эго, позволение этому чувству идентичности просто быть. Вы живете с эго; вы живете с другими кажущимися эго — позвольте им быть.

Можете ли вы сказать что-нибудь о том, как это работает?

Когда мы младенцы, в основе своей есть просто единство, но оно не осознается. Есть только рай, но нет знания о пребывании в раю. В какой-то момент наша мать говорит нам: «Ты — Мэри» или кто-то еще; и тогда происходит падение в ощущение, что есть кто-то, смотрящий на что-то другое под названием «мать». Это первый момент разделения.

Страх укоренен в разделении. Страх — самая мощная эмоция, которая у нас есть, — на самом деле порождается чувством разделенности. Разделение — корень кажущихся страданий, потерь, тоски и нужды.

Единство играет в игру «двое», будучи отделенным, чтобы вернуться и найти, познать единство. Этот отдельный человек в течение кажущихся лет продолжает укреплять идею «меня». Он пытается создать мир, который был бы комфортным, безопасным, предсказуемым и известным. По мере того как этот мир строится, это «я» становится всё более и более сжатым. В какой-то момент — либо при смерти, либо до смерти — происходит то, что это сжатое «я» внезапно взрывается, полностью теряется и выбрасывается во всё сущее. Именно тогда видится, что всё и есть «я». Это и есть пробуждение.

Мне было интересно, как работает ум.

Ну, ум — это всего лишь инструмент, который используется Единым, чтобы делить всё надвое. Ум — это разделитель. Ум живет во времени и разделении. Уберите время и разделение — и ума не будет. Многие религии предполагают, что это и есть путь к просветлению, но в единстве ум всё еще может функционировать.

Мысли приходят в тело-ум Тони Парсонса; они не генерируются отсюда. Всё существование возникает через генерацию мысли из единства. Эта комната — мыслеформа. Единство создает мысль о комнате, и комната появляется. И на самом деле это не одно непрерывное появление — это манифестация, которая создается и разрушается. Комната — нет комнаты, комната — нет комнаты... вот что на самом деле здесь происходит. Но для «меня» кажется, что здесь есть комната. Когда есть ясное видение, видится комната и отсутствие комнаты. Что равносильно утверждению: видится ничто и всё.

Можно задать личный вопрос?

О, это будет интересно!

Вы говорили о влюбленности в своего персонажа, а затем о влюбленности в других персонажей. Когда вы встретили свою жену... что заставило вас попросить её стать вашей женой? Как возникает предпочтение?

Всё это возникает в проявлении. Каким-то образом персонаж в пьесе сливается с другим персонажем в пьесе так, что это оказывается неизбежно более мощным или чудесным, чем любая другая встреча.

Определенные персонажи не подходят другим кажущимся персонажам, и нет ничего плохого в том, что вам кто-то не нравится или вы с кем-то не ладите. Когда есть ясное видение, то неприязнь к другому персонажу принимается как то, что возникает. Но то, чем вы являетесь, — полностью за пределами этого; это то, в чем возникают неприязнь к персонажу или его характеристикам.

В этом нет ничего правильного или неправильного — это то, что происходит. Это только ум думает, что пробуждение — это когда всех тотально любишь и принимаешь. Это представление ума о том, как должно выглядеть совершенство. Мы не говорим здесь о совершенстве. Мы говорим о ясном видении — тотальном принятии того, что есть, включая неприязнь к кому-либо.

Разве персонаж не становится мягче после пробуждения?

Да, симпатии, антипатии и предпочтения уже не обязательно так сильны. Это просто не имеет значения.

Я вижу, как мой ум говорит: «Ну и как мне всё это принять?» Он мастерски превращает всё в возможность, ориентированную на будущее. В то же время, сидя с вами, я чувствую себя так, будто с моего велосипеда сняли цепь, и я просто кручу педали впустую...

То, что здесь транслируется, совершенно бескомпромиссно. В каком-то смысле это даже пугает, потому что оно действительно не предполагает личных инвестиций. Я даже не могу назвать это страхом... На самом деле это благословение; облегчение. Это парадоксально — оно включает в себя много противоположностей. Это не совсем вопрос...

Это великолепно. Для тех, кто слышит, — это конец всего.

Как справляться со страхом?

Вы не справляетесь со страхом — здесь всякое «справление» отпадает. Справления нет, но страх есть, значит, страх — это то, что возникает. Точка. Конец.

Пока есть мысль вроде: «Это страх, мне страшно — я должен что-то с этим сделать», — история продолжается, и компакт-диск крутится: «Он меня не любит» или что-то еще. Но если вы позволите этому быть — вот этой штуке здесь (показывает на солнечное сплетение) — жгучей, какой-то черной с зелеными вкраплениями... Просто знайте, что там что-то есть, и просто смотрите на это.

Я принимаю, что нет обучения и процесса, но создают ли проблески или переживания своего рода среду, в которой легче воссоединиться?

Да. Не вы воссоединяетесь, но, безусловно, с людьми, которые приходят на такие встречи (а также с теми, кто никогда не слышал ничего подобного), начинает происходить следующее: свет рассеивает то, что является лишь кажущейся тьмой. Свет — единственное, что здесь есть. Всё это — только свет; всё это — только свет с вкраплениями цвета и движения. Тьмы как таковой не существует — тьма это просто меньше света. Так свет рассеивает кажущуюся тьму.

Возможно ли, что ум подхватывает идею и вешает на неё ярлык «Бог»?

Да, безусловно. Ум живет категориями, ячейками, именами и ярлыками. И даже пока этот процесс идет, он может повесить ярлык и сказать: «Происходит просветление».

Это нормально, что ум так делает?

Абсолютно. Всё нормально. Единственная трудность в том, что может возникнуть идентификация с информацией ума — тогда может появиться идея принять какой-то

процесс, который заставит то, что и так происходит, происходить быстрее. Но это не имеет значения.

Значит, останусь ли я в постели или приду сюда — не имеет значения?

Остаться в постели было бы идеально — так же, как и прийти сюда.

Вы говорите, что мысли или эмоции «приходят». Означает ли это, что они приходят внутрь?

Всё на самом деле возникает только в осознанности. То, что я сижу здесь, — возникает в ней. Поскольку есть только единство, нет «внутри» и «снаружи». Мы склонны считать вещи внешними и пытаемся что-то от них получить. Стена не находится «там» — она возникает в этом. Нет никакого «там, вовне» — есть только осознанность, в которой всё проявляется. Пока есть ощущение, что тело-ум находится в определенном месте, можно сказать, что всё возникает только в этом месте. Но всё возникает только в осознанности. Этой стены не могло бы быть, если бы не было осознанности; осознанность позволяет стене возникнуть.

Разве мышление не происходит в мозгу?

Нет, оно на самом деле возникает только в осознанности. Для меня мозг — это просто компьютер; это еще что-то, что возникает в осознанности. Есть только видимость мозга, а мысль возникает в осознанности. Ничто не может существовать иначе как в осознанности.

Делает ли осознание человека одиноким?

Сначала возникает чувство одиночества, потому что видится то, что, по-видимому, не видится никем другим. Также есть ощущение, что это никак невозможно передать. С другой стороны, конечно, вы — тот, кто не одинок; всё — ваш возлюбленный. Все остальные на самом деле одиноки, потому что не могут найти своего возлюбленного.

После того как Тони Парсонс прошел через парк, было довольно сильное движение «туда-обратно». Когда происходит движение «вовне», в этом есть чувство одиночества. Сейчас подобного чувства больше нет.

В парке произошло не только видение «я — это всё, что есть», но пришло и видение: «всё, что есть — это это». После этого у Тони Парсонса появилась огромная преданность этому. В «я-канье» была большая самоотдача идее возвращения в бытие. Я всё еще думал, что нужно сделать выбор. Единственное, что я мог делать, — это то, что я называл «включением», то есть возвращением осознанности к сидению на стуле или чему-то еще. Какое-то время я думал, что делаю это. Какое-то время я всё еще думал, что есть кто-то, кто может выбирать.

Спустя довольно долгое время после этого последний кусочек пазла встал на место. Этому помогло видение того, что на самом деле это не «я» выбирал «включаться» в это — на самом деле это было Единство через это.

Можете ли вы дать нам какой-нибудь совет?

Да — не принимайте советов! Нет, серьезно, в основе своей — ничего нет. Это одно из немногих мест, где вы платите деньги, чтобы получить ничто.

Это хорошо продается!

Да, но это и близко не продается так хорошо, как места, куда идешь, чтобы что-то получить. Те гораздо популярнее. Это же место — успокаивающе непопулярно.

Можно ли сказать, что существуют слои понимания?

Да, но окончательное понимание — это осознание того, что понимать нечего. Что касается коммуникации, то нет никаких сомнений: единственное чистое общение — это из ничто в ничто. Это «ничто», говорящее с «ничто», и «ничто», если хотите, сидит там и кричит: «Ура!». Но ум, который пытается наложить на это свои слои, кричит: «О нет!» или «Да, но...». Существует только одна коммуникация — от ничто к ничто. Любая идея о том, что существуют разные уровни, на которых нужно говорить с людьми, — это просто невежество или высокомерие.

Не так давно у меня был период, когда я часто переживал опыты единства. Теперь это ушло. Мой ум иногда думает, что я сейчас дальше от этого, чем был раньше.

Я не использую слово «опыт» (переживание), потому что оно подразумевает наличие «переживающего», но моменты единства могут случаться, а затем видимым образом исчезать на какое-то время. У всех это происходит по-разному. Но всё это полностью отрегулировано — тело может вынести лишь определенный объем единства, а затем ему нужно вернуться в состояние сжатия, пока не придет время, когда это сможет быть полностью принято телом. Это очень энергетическая вещь.

Важно ли следовать за своей тоской?

Нет. Невозможно следовать за тоской — есть просто тоска.

Когда Тони стал не-Тони, возникала ли идея вернуться назад и попросить у кого-то прощения, например? Всплывало ли что-то подобное?

Это не всплывало просто потому, что было увидено: прощать нечего и прощать некого.

Значит, никакой вины?

Никакой вины, нет. Вина и чувство ответственности отпали очень быстро — фактически, они практически исчезли за одну ночь. У меня есть ощущение, что вина и чувство ответственности у многих людей отпадают довольно быстро. Кто здесь может быть виноватым или ответственным... и за что? Ничего не происходит.

**Амстердам
декабрь 2002**

В Америке есть один человек — очень суетливый и педантичный, — который прочитал «Как оно есть». Он прислал нам письмо со всевозможной критикой: «Зачем в книге иллюстрации? Как можно это иллюстрировать?.. Знаете ли вы, что кто-то писал об "открытом секрете" еще

в 2002 году до н. э.? Почему вы не указали это в предисловии?.. Вы говорите, что один момент присутствия стоит больше, чем тысяча лет благодетей. Как вы это вычислили? Это ровно тысяча лет?».

Я чувствую, что что-то в книге его по-настоящему напугало. Где-то внутри он хотел отвергнуть её, цепляясь за вещи, которые были совершенно несущественны.

Неделю спустя он прислал еще одно электронное письмо, в котором сообщил, что в ярости швырнул книгу через всю комнату — но потом снова её поднял. Он написал: «Я перечитал книгу, и случилось нечто ужасное — она вскочила и ударила меня по лицу».

Где-то он вдруг увидел то, чего неделю назад видеть не хотел. Он внезапно узрел, о чем на самом деле говорит книга, и это полностью смело все его идеи о том, что с ней было «не так». Он использовал прекрасное выражение: «Годами я пытался понять просветление, пытался всё просчитать. И теперь я вижу, что это всё равно что пытаться унести океан домой в стеклянной банке». Мне также нравится выражение Алана Уоттса: «Пытаться понять Бога — это всё равно что пытаться влюбиться в километр».

Поэтому сегодня я хочу сказать, что речь на самом деле не о попытках понять — это невозможно понять. То, что происходит здесь, — это разделение чего-то, что полностью за пределами ума, что вообще не от ума. Ум может воспринимать слова, у него могут быть концепции о природе реальности или природе просветления. В этом смысле ментальная коммуникация сегодня здесь происходит. Но то, что мы на самом деле здесь делаем, — это ставим ум на его место. Ум — это просто инструмент, который использует единство; единство использует ум, чтобы создать «двоих».

Когда мы растем, мы слушаем ум и думаем, что он будет нашим проводником. Мы пытаемся вычислить, как заставить нашу жизнь работать, используя ум как гида. И когда ничего не выходит — а это, конечно, никогда не выходит, — мы думаем, что можем использовать ум, чтобы найти что-то, что находится за его пределами.

Ум никак не может привести нас куда-либо в этом смысле, потому что ум живет во времени, а то, о чем мы говорим здесь, вообще не находится во времени. То, о чем мы говорим, — это уже «это», которое вневременно. Пробуждение — это встреча с вневременным. Пробуждение — вне времени и вне пространства. Но ум будет слушать то, что здесь говорится, составлять списки и пытаться превратить это в нечто, что можно забрать с собой.

Вчера за ужином один наш друг сказал: «Что замечательно в твоих словах, так это то, что они "непортативны". Ты не можешь забрать их с собой, положить на рабочий стол, открыть и сказать: "Так, вот о чем говорит Тони. Вот во что мне теперь нужно вкладываться, чему следовать или что делать"».

Невозможно ухватиться за что-либо из того, что здесь происходит, поэтому не пытайтесь составлять ментальные списки или понимать концепции. Это отбрасывание всех концепций о том, чтобы «стать» чем-то или быть на «пути». В сущности, всё, что есть, — это «это». Просто «это».

Просветление не имеет к вам никакого отношения. Оно не имеет отношения к личным изменениям. Почувствуйте, что там никто не сидит. Ощутите, что всё, что есть, — это пространство, что всё, чем вы являетесь, — это пространство, просто пространство, в котором видимым образом что-то происходит. Когда это начинает брать верх, тогда «я» как-то отпадает — оно в любом случае лишь мираж — и остается только знание того, что есть.

Для ума «то, что есть» — это нечто очень обыденное, ничего особенного. Но когда «то, что есть» видится незамутненно, когда оно видится просто и ясно, оно полно чуда. Просто видеть манифестацию, которая возникает и затем исчезает, возникает и исчезает — это всё, что происходит. Это абсолютное чудо.

И то, что возникает, — бессмысленно. Оно не пытается никуда прийти — это просто цветущий сад. И он включает в себя всё: боль, страдание, разочарование... Все эти вещи просто возникают и исчезают. Когда они возникают в ясном видении, все тревоги и беспокойства просто приходят и уходят. Нет никого, кто мог бы за них удержаться — им не в кого «вцепиться» — есть просто знающий, который видит их возникновение и исчезновение.

Но все приходящие мысли — они принадлежат мне — они не приходят для вас или для кого-то другого. Мысли, возникающие в этом теле-уме, возникают уникально для этого тела-ума, чтобы оно обнаружило, что там нет никого, у кого эти мысли есть. Но да, мысли, возникающие там, не похожи на мысли, возникающие вон там (указывает на кого-то другого). Его стена — это его стена, ваша стена — это ваша стена.

Но дело не в том, что они «персонализированы» в том смысле, что имеют какое-то значение, — они персонализированы, потому что они и есть возлюбленный. Пока есть кажущаяся личность, происходящее персонализировано. Оно уникально присутствует здесь для этого ищущего, чтобы он обнаружил, что есть только единство. Это любовь, безусловная любовь, которая знает, что этому ищущему нужно это, чтобы обнаружить единство.

И цели нет?

Нет.

Значит, это своего рода безумие?

Это безумная любовь. Любовь безумна. Любви нет дела до этого мира. Любовь переполняет и опрокидывает этот мир и объемлет его. Она делает этот мир бессмыслицей. Реальность делает бессмыслицей то, как мы представляем себе мир — что у него есть цель и что он куда-то нас ведет. Идти некуда — и никогда не было. Мы живем в своего рода безумии, делая то и это, пытаюсь делать то и это, в то время как то, что мы ищем, уже здесь. То, что мы ищем, — в том, что есть, но мы думаем, что найдем это «где-то там».

Есть только Единое, есть только источник, и поэтому всё возникающее — это источник. Присутствие — это не что-то, что находится «там» и что вам нужно найти; есть только присутствие. Прямо сейчас есть только присутствие; всё, что есть, — это Единое. Приходящие мысли — это Единое, которое мыслит... Приходящий поиск — это Единое, ищущее само себя. Всё, что видимым образом происходит, — это просто манифестация единства. Нет ничего, кроме единства. Так что вы не можете ошибиться.

Вчера вечером я не мог уснуть, что для меня редкость. Это случилось после того, что вы сказали — было чувство, будто какая-то структура разваливается. Было так пусто, такое «ничто»... Никакого «меня», и это было так странно, и в каком-то смысле пугающе.

Поначалу это может быть немного пугающим, потому что ощущается как слишком большая свобода. «Я хочу вернуться в какое-нибудь заточение, где я чувствую, что всё еще руковожу процессом».

Да, чувствуешь себя в большей безопасности, будучи «собой» — это хоть какое-то занятие или повод для беспокойства.

О, абсолютно. Кажется, Успенский сказал: «Труднее всего отказаться от своего страдания». Это «я» — нечто, с чем мы выросли; оно нам знакомо, мы в него искренне верим. Поэтому, когда оно начинает испаряться, это похоже на потерю старого друга.

Иногда мне кажется, что то, что некоторые называют негативными проявлениями — например, страх или гнев, — это своего рода искушения вернуться к «себе». Как будто они говорят: «Вернись сюда».

Там так мило и уютно.

Мне очень трудно сказать: «Нет, спасибо».

В Англии есть один человек, который много говорит о борьбе, о битве за то, чтобы найти «это». Держаться за эту борьбу — значит держаться за идентичность. В его случае идентичность фактически исчезла, но единственное, что её удерживает, — это борьба.

Когда вы больше не можете по-настоящему верить в собственные страдания, вы также не можете по-настоящему верить в страдания других, и это очень раздражает людей.

Да, это звучит угрожающе. Вы, по сути, говорите, что страдание возникает, но оно никому не принадлежит; никто не страдает. А в обычном мире это воспринимается как угроза.

Это мешает вести обычный разговор — или то, что люди называют обычным разговором.

Но потом и это проходит, и вы можете вести вполне обычные беседы. Я веду нормальные разговоры со своим тестем каждый раз, когда везу его за покупками. Я заезжаю за ним утром, и у нас случаются эти чудесные диалоги, где он говорит: «Этим политикам хорошо, они могут наобещать что угодно, чтобы получить голоса, но когда доходит до дела, они никогда не держат слово!». И я играю свою роль, присоединяюсь и говорю: «Да, вы совершенно правы».

В каком-то смысле он прав. Все правы... Ум всегда пытается доказать свою правоту.

С одной стороны, есть эта тоска по пробуждению, а с другой — кажется, что сопротивления становится всё больше и больше. Как справляться с сопротивлением?

У всех всё одинаково, на самом деле. Большинство людей питают огромные ожидания по поводу открытия того, чем они являются, и думают, что пробуждение станет ответом на всё. И в то же время они по-настоящему этого боятся...

Но вы не можете с этим «справиться» — хотя можно увидеть, что всё, что есть, — это и есть сопротивление; всё, что возникает, — сопротивление. Не боритесь с ним — вы ничего не можете сделать, там никого нет.

Может проясниться, что ничто не является врагом. Не существует такой вещи, как «сопротивление», которая борется против единства — сопротивление и есть единство; это Единое сопротивляется, единство сопротивляется собственному самопознанию. В этом и

драма — сопротивление видению того, что есть только единство. Это игра, которая создана. Всё, что здесь происходит, — это единство, сопротивляющееся собственному самообнаружению.

У всех это есть — мы и есть «это». То, что происходит здесь, — это разоблачение идеи о том, что у вас этого «нет». У всех это есть, но они об этом не знают и тоскуют по этому. И эта тоска божественна. Вот что в этом чудесно — это абсолютно совершенно; это само единство, проявляющее себя. И какую бы форму это ни принимало, это абсолютно божественно совершенно. Оно не нуждается в переменах.

Звучит так, будто это очень мирное состояние.

Не обязательно, нет. Если мы можем быть только мирными, мы в другой тюрьме под названием «быть мирным». Конечно, в этом есть покой, есть нечто чудесное в том, чтобы пребывать в качестве «этого»...

Жизнь всегда будет жонглировать вами и подбрасывать вас — пока единство не возьмет верх и не останется просто «это». Тогда жизнь продолжается, как и всегда, но больше нет никого, кем можно было бы жонглировать или кого можно было бы подбрасывать.

Интенсифицируются ли события перед тем, как произойдет изменение?

У некоторых людей — да, но правил не существует. Безусловно, пока есть кто-то, кто ищет, придет нечто и потревожит его именно тем способом, который необходим. Есть люди, которые живут в том, что я называю «стеклянным ящиком». Они очень отстранены, но это некая личная отстраненность. Стекло разбивается жизнью вдребезги — и тогда остается любовь.

Это настоящий вызов — любить те проявления, которые кажутся трудными.

Ну, это вызов, но это вызов, который вам не нужно принимать, потому что нет никого, кто мог бы его принять. Это просто происходит.

Можете ли вы сказать что-нибудь о вдохновении, которое возникает у художников или композиторов? У меня был опыт того, как всё идет замечательно, когда «меня» там нет.

Для того, кого вы называете художником или композитором, через талант может проявиться ясное видение или чувство отсутствия кого-либо. Можно сказать, например, что Моцарта больше не было, когда музыка текла через него. Но, кажется, это было верно только в области музыки — я полагаю, что в обычном мире ему было довольно трудно.

Является ли музыка звуком единства?

Ну, всё является звуком единства. Не только Бах и Моцарт — дорожные работы тоже... Единство не выражает себя через прекрасную музыку или искусство больше, чем через что-либо другое. Гаражный рок — это тишина, производящая шум. Эмоционально и культурно вы можете думать, что есть разница, но это персонализированный и обусловленный опыт; он не имеет ничего общего с пробуждением.

Люди думают, что пробуждение — это про «духовность». Я знаю одного человека, который говорит, что Тёрнер ближе к выражению сознания, чем Пикассо, потому что работы Пикассо

— сплошное эго. Подобные утверждения — абсолютная чушь, попытка сделать одну вещь более священной, чем другая. Иначе следовало бы смотреть только на картины Тёрнера и слушать только Моцарта — и вы прямиком попадаете в очередную тюрьму.

Значит, усилиям здесь нет места?

Кто будет прилагать усилия? Найдите человека, который может выбрать — прилагать усилия или нет. Что касается того, чем мы являемся, это не имеет никакого отношения к приложению усилий. В мире можно сказать, что усилия чего-то достигают — и если усилия достигают целей, значит, мы можем достичь просветления. Многие учения основаны на идее, что они обращаются к кому-то, у кого есть выбор и кто может приложить усилия для достижения чего-то под названием «просветление». Это укоренено в глубоком невежестве.

Разве не помогает хотя бы наличие интереса к достижению просветления?

Пробуждение — это не достижение чего-то, это потеря чего-то. Интерес, который у вас может быть к этому, — не ваш интерес; там некому иметь интерес — интерес просто возникает. Но есть люди, которые понятия не имеют, о чем мы здесь говорим, и у них нет к этому никакого интереса, однако пробуждение может случиться.

Меня интересует то, что люди, кажется, понимают это больше сейчас, чем несколько лет назад. Что происходит?

В наши дни это послание, если хотите, доставляется абсолютно прямо; раньше оно передавалось туманно. Совершенно очевидно, что люди открыты к тому, чтобы слышать это напрямую. Бах! И ничего не заслоняет суть.

Что является источником всего этого?

Всё и есть источник. Есть только источник. Эта манифестация — проявляющийся источник. Есть только бытие, и то, что возникает в бытии, — это «я-канье». Вы притворяетесь, что есть «я», и вы так долго притворялись перед собой, что на самом деле поверили, что это правда. Вы впали в веру, что там кто-то есть.

Почему?

А почему бы и нет? Это изливающаяся любовь. Любовь переполняет и проявляется как одно, становящееся двумя. Всё это — отрицательные и положительные заряды, предстающие как стены, рыбы и тела. И следствие двойственности — игра в «потерянный рай»: мы теряем рай, чтобы найти его снова. Это игра, это драма Единого, ищущего самого себя.

Из единства рождается тоска по возвращению домой, а также очарованность невозвращением. Это происходит в своего рода сне под названием «я проживаю увлекательную жизнь», где есть стремление заставить эту жизнь работать. Потому что, когда вы заработали много денег, у вас хорошая жена, крепкое здоровье и все обычные атрибуты, вы создали нечто, что можно назвать домом — своего рода искусственный дом. Но это никогда не приносит истинного удовлетворения, потому что всегда остается тоска по единству.

Это драма, и эта драма абсолютно никуда не ведет. Она здесь просто для того, чтобы игрок обнаружил, что он и есть всё: включая сцену, зрителей, свет... Всё происходящее

бессмысленно, но оно так заманчиво и увлекательно, что ум абсолютно уверен, что в этом есть смысл и что это куда-то приведет. Оно никогда «туда» не добирается, но всегда кажется, что оно куда-то ведет.

Тони, мне так нравятся некоторые вещи в мире — искусство, музыка... Я также чувствую очень сильную привязанность к людям, и мне кажется, что эта привязанность мешает.

Да, может мешать.

Я думаю, это больно — быть так привязанным к людям, обстоятельствам, местам...

Боль приглашает вас увидеть, что то, чем вы являетесь, — за пределами привязанности. Всё, что происходит в этой драме, говорит вам, что есть нечто иное.

Я чувствую, что не могу отпустить эту привязанность.

Нет, не можете. Но так или иначе, когда напрямую слышится, что есть нечто иное и что там никого нет, что на самом деле нет никакой привязанности, а есть только видимость привязанности — как только это слышится напрямую, начинает происходить что-то другое.

Привязанность отпадает?

В конце концов отпадаете «вы» — отпадает именно «вы», а вместе с этим и всё остальное. Это у вас есть привязанность — вы «богатая женщина». У вас может совсем не быть денег, но вы всё равно будете полны привязанности.

Если я просветлею, я чувствую, что потеряю свою семью, вещи больше не будут иметь для меня значения, и я этого боюсь.

Да, конечно, кто бы не боялся? Вы собираетесь потерять всё — то, что вы считаете всем. Пока есть «я», оно окружено набором вещей, которые поддерживают его как «меня». И эти вещи — всё для этого «я». Вот почему Христос сказал: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие...». Или: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир...?». И под «миром» он имел в виду такие вещи, как семья, дети, музыка — всё то, что поддерживает чувство «меня».

Когда «я» отпадает, все эти вещи уходят; вы теряете всё. И в этом отпуске — которого вы не можете совершить — не остается ничего, кроме всего. Когда есть ничто, есть всё. И тогда музыка и дети занимают свое место в этом, скажем так, вместо того чтобы быть вещами, поддерживающими «вас». Впервые — и это то, что так прекрасно и чудесно во всем этом — появляется настоящая любовь к детям и музыке, вместо привязанности, которая поддерживает ваше «я».

На днях кто-то в Лондоне сказал: «Предположим, я скажу вам, что я зависим...». Я ответил: «Ну, на самом деле все в этой комнате — зависимые». Не обязательно зависимые от наркотиков, азартных игр или алкоголя, но в основном от «себя» — мы все подсели на наркотик под названием «я» и на всё, что к нему прилагается. Когда это отпадает и зависимости больше нет, остается просто жизнь. Вы не кто-то — вы и есть жизнь. Как только никого нет, остается просто видение жизни. Это просто жизнь в освобождении.

Кажется, что отпадение «меня» требует времени.

Кажущемуся ищущему кажется, что это требует времени. На самом деле это не так, потому что нет никакого «меня» — есть только бытие, и оно вневременно.

Иногда кажется, что есть великая ясность, а иногда — будто всё туманно, пыльно...

Приходит время, когда оно просто есть.

Вы говорите: «Приходит время»...

Ну, с точки зрения ума. Майкл Рид сказал бы вам, что пришло время, когда осталось просто бытие. Он просто дает вам информацию. На самом деле и он знает, и я знаю, что никогда не было времени, когда было бы что-то иное, кроме просто бытия.

Что касается меня, я чувствую, что зависимая часть становится сильнее.

Такое случается. Часто, когда люди приближаются к этому, кажется, что соблазн того, что они ценят больше всего, усиливается — как будто пытаюсь удержать их во сне. Не для всех это так, но для некоторых — да. Для других же это просто испаряется.

Слушая это, поражаешься простоте, и всё же ум хочет сложности.

Да, ум ненавидит это — он сидит здесь и хочет что-то с этим сделать. Когда кто-то приходит из ниоткуда и говорит ни о чем — а это именно то, что здесь происходит, — тогда другие люди хватаются за это, вбирают в свой ум и переинтерпретируют.

Поразительно, как всё становится таким сложным. Существует, вероятно, пятьсот различных школ буддизма, шестьсот видов христианства... Сама реальность абсолютно проста и пряма — вот она. Но как только ум берется за это — или пытается взяться — он обязан это усложнить. Он должен разделить это на множество.

Эта игра в прятки, в которую мы играем, — движется ли она в каком-то направлении?

Нет, направления нет. Его никогда не было. Ничто никуда не движется. Нет никакой судьбы, потому что некуда идти. Только в уме мы думаем, что существует так называемая воля Божья или что всё движется к чему-то. Ничто не движется — ничто никогда не двигалось.

До этого времени мне не встречалось ни одного ясного и абсолютно недвойственного учения. Были учителя, такие как Христос, Будда, Лао-цзы, которые учили прямому пути, но с тех пор он был скрыт. Теперь он абсолютно обнажен и открыт. Можно сказать, если мыслить категориями истории мира, что сейчас учение стало очень прямым и бескомпромиссным, и оно доступно — не во многих местах, но оно есть.

Но на самом деле всё, о чем вы говорите, — это видимость. Ничего не происходит — ничего никогда не происходило. Видимость — это проявление безусловной любви, и для того, чтобы предстать в виде приглашения, она является в полном балансе обеих сторон. То, что ум считает добром в мире, в равной степени уравновешено тем, что ум считает злом. На самом деле ничего подобного нет, но такова видимость. Она должна предстать в полной нейтральности, чтобы можно было осознать, что вся эта видимость не имеет ни цели, ни направления.

Это прекрасно, это абсолютно изысканно. Это безусловная любовь говорит: «Смотри, вот мир, который кажется куда-то идущим, и здесь происходят всевозможные битвы, но на

самом деле он вообще никуда не идет». Я не могу заставить свою жизнь работать, и мы никогда не спасем мир, потому что он всё время находится в полном равновесии.

О чем это говорит на самом деле? Это говорит о том, что есть только единство. В этом вся прелесть. Его бессмысленность — это и есть его красота.

Всё, что я могу сказать: «Есть только это». Это тишина, производящая шум; это неподвижность, находящаяся в движении. Но это невозможно объяснить — ум никогда не сможет принять или постичь это.

У меня возникла мысль, что я должен чему-то научиться, что я должен забрать с собой домой то, что слышу здесь.

Вы пытаетесь это запомнить, верно?

Да.

Не делайте этого. То, что происходит здесь, — нечто гораздо более глубокое и драматичное, чем слова. Происходит то, что «я» просто отпадает. Чем больше это слышится, тем больше «я» отпадает. «Я» ничего не может сделать с этим отпадением — оно просто случается. Вам не нужно этого знать, вам не нужно помнить ничего из сказанного здесь. «Вас» захватывают... Теперь уже слишком поздно. Внутри слышится нечто, что никогда не будет забыто. Ум может пытаться обесценить это, но это всегда будет помниться и, в конечном счете, будет узнано.

Зачем мне тогда приходить сюда?

Вы ничего не можете поделать с тем, приходите вы сюда или нет. Точно так же, как вы ничего не можете поделать с тем, слышите вы происходящее здесь или нет. Разве это не чудесно? Не беспокойтесь — всё, что на самом деле происходит, находится полностью за пределами «вас».

Происходит ли своего рода битва?

Кажется, что идет битва между «я-каньем» и бытием... Хотя бытие на самом деле не воюет — воюет именно «я».

У меня такое чувство, что многие люди боятся оставить «я» и просто сказать «да» всему, что возникает.

Я этого не говорю. Я не говорю о принятии или о том, чтобы говорить «да» или «нет». В каком-то смысле разговоры о принятии, сдаче и согласии — это еще один вид учения. Как только ум слышит, что принимать всё — это хорошая идея, он идет и принимает всё... часа на три-четыре, может быть. То же самое с фразой «Будь здесь и сейчас»... Это просто чепуха, просто ум ухватился за какую-то идею: «Скажи да», «Сдайся»... Кто будет сдаваться? И кто вообще этого хочет?

Что же тогда можно сделать?

Ничего. Всё уже делается. Это — оно. Там нет никого, кто мог бы что-то сделать. Что бы ни происходило — это оно. Нет ничего, что не было бы Единым. Если вы не можете этого видеть — это Единое не видит этого.

И в этом вся шутка. Когда случается пробуждение, люди хохочут и хохочут. То, что они пытались схватить, весь тот поиск, который они проделали, только чтобы обнаружить, что уже есть только это — это потрясающая шутка.

Пока есть кто-то ищущий, есть кто-то, кто ждет, когда что-то произойдет. После того как это видимым образом произошло, становится ясно, что ничего не произошло. Люди говорят мне: «То, что вы делаете или транслируете, направлено на уничтожение ищущего». Но нет никого, кто мог бы уничтожить ищущего. Пока есть «я», поиск будет продолжаться. Он обязан продолжаться, потому что в этом весь драйв «меня» — найти то, по чему оно тоскует. Ничто не может остановить это, пока «меня» больше нет, пока тот, кто оглядывается по сторонам в поисках «этого», вдруг не увидит, что всё и есть оно.

С кем вы разговариваете?

Большую часть времени я не разговариваю. Тони Парсонс вовлекается в это, но на самом деле это проходит насквозь... из ниоткуда. Никто не говорит с никем. Это не один ум говорит с другим — это ничто говорит с ничто. Очевидно, используются слова, потому что там есть ум. На этом уровне тоже происходит общение, но по сути — это ничто, сообщающееся с ничто. В этой комнате происходит что-то, что находится под словами.

Трудность в том, что слова, выходящие из ничто, улавливаются умом. Ум подобен «ловцу снов». Он ловит слова и превращает их в нечто, что он может использовать для поддержания идеи о том, что куда-то нужно идти и что-то нужно получить. Он постоянно отфильтровывает реальность и превращает её в нереальность.

В основном это то, что мы делаем. После детства ум превращает всё в нереальность. Нереальность заключается в том, что вы живете в мире разделенности. Это намеренно, это божественно, но мы принимаем это всерьез. Мы на сцене, в пьесе или притче под названием «Жизнь», но мы верим, что она реальна, и верим, что она имеет значение.

Можно ли сказать, что происходящее здесь — это медленная эрозия ума и создание «умственного истощения»?

Да, хотя это не всегда медленно. Кто-нибудь в Лондоне может прийти на несколько встреч, и ум просто сдается. Конечно, это может случиться в мгновение ока. Ум сдается и занимает свое естественное место. Его естественное место — быть просто инструментом, вместо того чтобы, как раньше, восседать на троне и якобы всем заправлять.

Он оставляет любые попытки понять?

Да. Вся штука с попытками понять в том, что это удерживает вас на пути. В каком-то смысле, очевидно, нужно прийти к своего рода пониманию того, что понимать нечего. Но когда вы достигаете этого, куда вам идти? Вы потеряли всё, понимаете.

Одно из наших величайших достояний — наше понимание. Если вы придете сюда достаточное количество раз — или даже однажды — вы можете полностью это потерять и внезапно столкнуться лицом к лицу с *этим*. И это просто чудесно.

Понимание и поиск — это одно и то же?

Да, это так.

Но ведь чудесное проявление тоже бессмысленно.

Абсолютно. Всё бессмысленно... И это всё равно чудесно! Ни для кого. В этом и красота — в бессмысленности. Оно никуда не идет — это просто единство, это оно. Оно ничего никому не продает — оно просто такое, какое есть. Это тотальная свобода. Это единственная революция.

В чем существенная разница между тем, что было до вашей прогулки в парке, и после?

Единственная существенная разница в том, что до прогулки в парке был кто-то, кто искал; было «я». Пока есть отдельное «я», существует беспокойство, которое вызывает или создает поиск. Вся божественность «меня» в том, что оно создает ищущего, поиск, направленный на обнаружение того, что «меня» нет. А когда нет «меня», есть просто это — единство. И это неизменно.

Значит ли это, что вы теперь всегда не осознаете себя?

Здесь нет никого, кто мог бы осознавать себя или осознавать единство. Здесь никого нет. На самом деле, и там никого нет, в этой комнате никого нет — есть только единство. Но в этом единстве может появляться «я».

Значит, ваш ум никогда не возвращается к мысли о том моменте, когда существовал Тони Парсонс?

Нет, он не может. На самом деле, вы тоже не можете. Вы даже не можете вернуться мыслями во вчерашний вечер. Вы можете рассказать мне сейчас, что произошло вчера вечером, но это то, что происходит прямо сейчас. Вчерашнего вечера не существует — его никогда не существовало.

Значит, вы никогда не можете быть точным?

Нет. То, что вы говорите о вчерашнем вечере, — это то, что вы говорите прямо сейчас. Это не вчерашний вечер. Вчера вечером было вот это.

Есть ли люди, которые не ищут?

Нет, такого понятия, как «не-ищущий», не существует. Пока есть идентичность, есть чувство потери. Говоря по-простому: когда мы дети, когда мы совсем крошечные, мы — чистое бытие, но мы не знаем, что мы — это оно. Затем однажды в дверь входит мать и говорит: «Ты — Джон». И внезапно вы становитесь Джоном, а она становится вашей матерью. Это момент разделения.

Как только появляется разделение, начинается поиск. Когда начинается разделение, вы оказываетесь вне рая. Вы видимым образом потеряли рай и немедленно начинаете его искать.

То, что вы видите в младенце, — это то, чем вы являетесь. Разница в том, что когда это, так сказать, открывается заново, появляется знание об этом, тогда как у младенца есть просто «это», без какого-либо осознания.

В этом весь смысл. Мы уходим из рая, чтобы вернуться в него и познать его. Мы не можем познать его, если не теряли.

Вся игра в самоидентификацию — захватывающая игра. Мы бьемся головой об стену и думаем так или иначе, что можем сделать это приятным. Поиск — это битье головой об стену; нахождение — это прекращение битья головой об стену. Находить нечего.

Почему мы это делаем?

Мы этого не делаем — это случается. Мы думаем, что в мире нет ничего, кроме самоидентификации. Мы думаем, что у нас есть жизнь, и мы абсолютно уверены — или ум абсолютно уверен, — что мы можем заставить эту жизнь работать. В этом всё очарование: «Я заставлю свою жизнь работать тем или иным способом».

Когда наконец осознается, что мы никогда этого не сделаем, — это и есть величайший дар. Разочарование — это величайший дар жизни, от возлюбленного. Когда мы осознаем это, последним средством остается «стать просветленным». Но ум ухватывается и за это и говорит: «Ну что ж, это последняя вещь, которая наконец-то заставит всё заработать. Это объект, которым я могу завладеть, чтобы моя жизнь наладилась». Это финальная игра ума. И мы всё еще продолжаем биться головой об стену.

Сидя здесь, я чувствую, как поднимается столько разочарования из-за этого делания, поиска и огромного желания куда-то попасть...

Это колоссальная сила. Она гонит вас всё дальше и дальше.

Я чувствую, что больше не могу продолжать. (Спрашивающий плачет.)

Но вы не можете перестать продолжать... Какое ощущение в теле?

Жарко и беспокойно.

Значит, всё, что есть, — это это. Я знаю, что вся эта история с поиском и разочарованием кажется важной, но на самом деле, если говорить очень просто: есть только жар, движение. Это всё, что можно увидеть — и это всё, что вам нужно видеть. Это и есть дар — просто видеть это.

Если бы я сказал вам: «Вернитесь в свое прошлое и опишите поиск, то, что вы ищете, историю вашей жизни», мы бы просидели здесь три часа и никуда не продвинулись, потому что всё, что мы бы делали — это подкрепляли идею о том, что есть кто-то, кто может куда-то попасть. Забудьте историю, забудьте разочарование и поиск — которых на самом деле прямо сейчас нет. То, что есть прямо сейчас, — это жар. Так что созерцайте жар.

Но вы называете это даром.

Ну, это и есть дар. Всё, что возникает, — дар: сидение на стуле, питье воды, держание кого-то за руку, звук проезжающей машины, ощущение жара в теле... Это дар. Это жених, приглашающий к браку. И это всегда предельно просто. Это чувство, эмоция... это прикосновение, слышание... возникающее и видимое.

Оставьте любую идею погружения в историю; это ум хочет копаться в истории. На самом деле это по-настоящему красиво; это абсолютно просто. Это оно.

Всегда есть только что-то одно. Если вы действительно остановитесь, останется только одна вещь — потирание лба, глоток чая, чувство гнева... Я говорю о чем-то абсолютно мгновенном и прямом.

Вы сказали, что всегда есть что-то, что не вовлечено.

В каком-то смысле можно сказать, что оно не вовлечено, потому что у него нет никаких личных интересов. Это энергия, из которой всё возникает. Это единственная константа — единственная неизменная величина. Это неизменная безмолвная тишина того, чем мы являемся. Всё возникает из этого.

Давайте проясним: это тайна. Вы никогда это не вычислите. В каком-то смысле слова совершенно бесполезны. Все слова, которые здесь используются, — ложь. Если есть готовность услышать что-то другое, что происходит под словами, тогда это будет услышано. Если нет — не будет. Всё просто. Ум сделает что угодно, чтобы не слышать этого. Вообще что угодно.

Один профессор математики отправил жене факс. Там было написано: «Дорогая жена, ты должна понимать, что тебе уже 54 года, и у меня есть определенные потребности, которые ты больше не можешь удовлетворить. В остальном я доволен тобой как женой и искренне надеюсь, что ты не обидишься, узнав, что к тому моменту, как ты получишь это письмо, я буду в "Гранд-отеле" со своей 18-летней ассистенткой. Буду дома до полуночи».

Когда он приехал в отель, его ждал ответный факс: «Дорогой муж, тебе самому 54 года, и к тому моменту, как ты это получишь, я буду в отеле "Брейкуотер" с 18-летним чистильщиком бассейна. Будучи блестящим математиком, ты наверняка легко оценишь тот факт, что 18 входит в 54 гораздо больше раз, чем 54 в 18. Не жди меня».

**Берлин
январь 2002**

Есть только проявляющийся Источник...

В кинопроекторе есть свет, постоянный свет. И пленка — ваша жизнь, фильм о Тони Парсонсе или о ком угодно — проходит сквозь проектор. Она проходит со всеми персонажами на ней, а в конце выпадает и её больше нет.

То, чем вы являетесь, — это свет, вечный свет. Свет — это то ни-что, из которого всё возникает. И в нем также возникает этот персонаж, сидящий здесь. Вы — присутствие, абсолют, ничто, или свет, который позволяет этому персонажу быть.

Знает ли свет о том, что происходит?

Да, свет и есть знание.

Создает ли свет историю?

Нет ни творения, ни истории — только видимость. Видите ли, это трудно, потому что в каком-то смысле история исходит из света, но свет вневременен, полностью безличен и неподвижен. Поэтому в свете нет ничего, что «выдумывало» бы историю. История просто проявляется. Это не то, что можно понять... Это божественная тайна.

И что еще труднее понять — так это то, что нет цели или путешествия; есть только это. Никогда не было начала и никогда не будет конца. Никогда не было момента, когда, скажем,

источник отдыхал и не знал себя, а затем захотел узнать себя и создал всё это. Этого никогда не было — ничего никогда не происходит. Есть только вечное «это».

Видимым образом история существует — вот Тони Парсонс, вот мир — но это просто образ. И это только один образ — существует только один образ. Ум превращает его в серию образов, называемую историей. Но на самом деле это всегда только один образ. Это свет... Это единство.

Это за пределами понимания. Это тайна — ум никогда не сможет постичь этого. Я могу только подтвердить (и вы подтвердите мне это, когда не будет ищущего), что свет знает себя. Есть знание. И он знает себя как всё и ничто.

Нет ничего, что находится в покое, а затем что-то создает. В вечном проявлении заключены и покой, и тишина, и движение, и пустота, и полнота — всё. И пока это не увидено, всегда остается это тонкое разделение на «меня, видящего манифестацию сознания».

Слова трудны. Есть несколько слов, которые вы могли бы использовать для того, что я называю источником: свет, присутствие, абсолют, ничто, которое есть всё, пустота, сознание, возлюбленный... Я часто называю это возлюбленным. Все эти слова означают одно и то же.

Когда я говорю вам, что вы — источник, это, строго говоря, не совсем точно. Есть только источник. Там нет никого, кто был бы источником — есть только источник, есть только присутствие. Есть только осознанность (осознанность для меня — еще одно слово для источника)... Это слова. Они не могут выразить то, чем вы являетесь. Это невозможно.

Из источника исходит безусловная любовь. Тишина — природа источника, и всё в мире или в видимости обладает этой природой безусловной любви, тишины, безличности.

Опять же, это слова — они никак не выражают по-настоящему то, что есть. Поэтому вам придется простить меня за слова. Кроме того, на самом деле мне следовало бы добавлять слово «кажущийся» ко всему, о чем я говорю: кажущиеся «вы», кажущаяся стена и так далее... Всё это лишь кажется. Всё это лишь метафора, притча, намек, отражение другой возможности.

Пробуждение приносит совершенно иное восприятие. Не у вас появляется это восприятие — ни у кого оно появляется. Пробуждение — это осознание того, что там никого нет. И когда никого нет, всё то, о чем говорилось, видится «ником», включая персонажей Билла или Мэри; они просто возникают в этом.

И всё это время существует только один образ?

Существует только один образ, или его нет. Есть только возлюбленный. Есть только абсолют, предстающий как частное, или нет.

Всегда?

Это вечно. Это не «всегда» — это даже больше, чем всегда. Это всё, что есть. Куда бы вы ни отправились в мире, что бы вы ни увидели — это проявляющийся Источник. Всё, что вы видите, — это возлюбленный, видимым образом движущийся, видимым образом находящийся в чем-то под названием «время». Он охватывает все те вещи, которые, кажется, превращают его в историю.

Когда видимым образом несешься по шоссе — ничего не происходит?

Есть только видимость того, что вы несетесь по чему-то под названием шоссе.

Существует ли эволюция?

Нет, это еще одна часть сна. Это часть гипноза — идея о том, что мы прогрессируем. Эволюция — это только видимость, намекающая на что-то другое.

А поток энергии?

Есть энергия. Есть всё — пустота и энергия, что угодно... И всё это — возлюбленный. Включая иллюзию того, что существует отдельный человек, включая иллюзию того, что вы этого не понимаете.

Если все проснутся в этом — что тогда?

Никогда не забывайте, что вы говорите о вечной драме. В эту драму всегда включены те, кого вы назвали бы непробужденными людьми. (Что касается меня, то такого понятия нет — я не вижу никого пробужденным или непробужденным.) Драма никогда не прекратится, потому что это драма Единого, единственного, становящегося множественным. Часть этой игры, этой радости, этой лилы — разделение. «Я стану двумя, чтобы иметь возможность искать то, чем я являюсь. Став двумя, я почувствую себя отделенным от того, чем я являюсь». В этом всё веселье. «Я почувствую себя отделенным от того, чем я являюсь, чтобы заново открыть то, чем я являюсь».

Это никогда не закончится, понимаете — Афганистан, Берлинская стена, Римская империя... Драма будет всегда — просто имена будут другими.

То, о чем мы на самом деле здесь говорим, — нечто предельно простое. Это то, что находится в этой комнате прямо сейчас. Это то, чем вы являетесь. Это всё, что есть. Вы — это присутствие, в котором всё это возникает. Что-то видит это. Что-то знает, что вы сидите здесь. Что-то знает, что это тело-ум сидит здесь.

Если вы закроете глаза, вы почувствуете энергию, которую можно было бы облечь в слова «я существую». Не называйте её — не говорите: «О, это энергия в теле!». Есть просто энергия, «я есть». Замените это на «присутствие» — и это то, чем вы являетесь: тишина, энергия присутствия... Она совершенно безлична и неподвижна, и она видит то, что возникает. Это очень просто и очень мгновенно, и это ходило за вами всю вашу жизнь и наблюдало, как вы делаете то и это, ищите то и ищите это... И в самом этом поиске — это присутствие, то, что уже есть.

Есть чувство существования, а затем оно снова превращается в «Я существую». Кажется, это чувство собственности очень сильно встроено в нас.

Безусловно. Сначала люди то входят в это состояние, то выходят из него. Существует такая сильная обусловленность существованием «меня», что позволить этому расшириться очень трудно. Всё еще остается потребность втиснуть это в тело-ум, заявить на это право собственности. Но по мере того как присутствие расширяется, захватывает всё и становится всем, «я», которое хочет вернуть его в состояние сжатия, просто отпадает.

Мы так сильно сжаты в это «я». Годами мы работаем над ним, делаем его успешным. Пробуждение — это как взрыв этой сжатой энергии. Внезапно маленькое «я» разлетается во всё сущее, и никакого «я» не остается. «Я» — повсюду.

Ум — это способ избегания?

Да. И он блестяще умен в том смысле, что скажет вам, будто приведет вас к просветлению. Он скажет: «Мы всё это выслушаем, составим список, и тогда я приведу тебя к месту просветления... Я найду для тебя объект просветления. Ты сможешь достичь этого». С этим, в каком-то смысле, труднее всего иметь дело. Ум всегда хочет какую-то технику, а техники — это способ избегания. Ум всегда ловко подбрасывает вам идеи, которые уводят от того, чем вы являетесь, и это всегда сложные идеи, завязанные на времени, на процессе «становления».

Около года назад я проводил семинары под названием «Тело Света», и мне это очень нравилось. Но после того как я впервые побывал на вашем ретрите, я почувствовал, что больше не могу этим заниматься. Мне казалось, что я ввожу людей в заблуждение, советуя им использовать определенные методы. Я чувствовал, что предаю их, потому что-то, что я им говорю, на самом деле неправда. Я думал: «Я просто выстраиваю огромное духовное эго». Но теперь появилось какое-то желание начать снова, и в то же время другая часть меня говорит: «Ты просто не можешь этого делать».

А что это за часть вас, которая говорит, что вы не можете?

Та часть, которая спрашивает: «Разве всё это не проделки ума — создание этим самым умом чувства единства, гармонии, истины?»

Прежде всего, никакой истины на самом деле не существует. Это часть видимости. Видимость такова, что есть нечто под названием «истинное» и нечто под названием «ложное». Нет ни истины, ни лжи. Есть только «это».

Кроме того, вы предлагаете, чтобы все бросили свои дела, если их деятельность видимым образом вводит других в заблуждение. Но это просто невозможно. Этот тело-ум находится в драме существования; выражение этого тела-ума в драме — те самые семинары. Нет ничего, что могло бы это остановить, и ничего, что могло бы заставить это продолжаться — это просто происходит через данное тело-ум. Там нет никого, кто мог бы выбрать: продолжать или остановиться.

Другой момент: всё то время, пока вы якобы вводите людей в заблуждение, вы предлагаете им их идеальное приглашение. Быть «введенным в заблуждение» — для них это идеальное приглашение. Есть много учителей, которые якобы вводят в заблуждение, очень много... Вам составить список? И это — божественное выражение; это абсолютно священо. Никого нет, но пока кажется, что существует отдельное существо, которое приходит к вам, чтобы быть введенным в заблуждение, — для этого кажущегося отдельным существа это идеальное приглашение.

Нигде нет никакой ответственности — её никогда и не было, потому что нет никого. Гитлер не был ответственен — это было Единое, являющееся в образе Гитлера.

Почему же мне плохо, когда я этого не делаю, и так же плохо, когда делаю?

Плохо чувствует себя ум. И то, и другое — ваше приглашение. Откройте видению того, что ни то, ни другое не имеет значения. Ничего не важно, потому что ничего не происходит. Ничто никуда не движется. Ум скажет: «Ну, через полгода я проведу еще десять семинаров и введу в заблуждение еще 300 человек». Это божественно и это бессмысленно. На самом деле, всё, что есть — это сидение на стуле; всё, что есть — это то, что возникает сейчас. Через неделю всё, что будет — это сидение на стуле; всё, что будет — это то, что возникнет тогда.

С одной стороны, это безнадежно, а с другой — это сплошное веселье.

О, да! Что в этом чудесно — так это абсолютная свобода, и что в этом пугающе — так это, в каком-то смысле, та же самая свобода.

Это так отрезвляет (лишает иллюзий).

Да, всё разваливается. Способы, которыми мы делали это «я» всё более и более могущественным, — это надежда, усилие, неудача и снова надежда, а также великая иллюзия того, что существует награда. «Если я буду усердно работать, то что-то получу взамен. Должно быть так, потому что мама мне так говорила».

Посмотрите на людей в мире — например, на кинозвезд или футболистов, — которые прикладывают реальные усилия и якобы добиваются успеха. Футболист тренируется и тренируется, получает огромные деньги, большую машину, люди хлопают и кричат... Кажется, он чего-то достиг. Но то, что он делает — это пытается наполнить корзину для покупок, у которой дырка в дне. Этого никогда не бывает достаточно.

Каждый в каком-то смысле пытается наполнить эту корзину, даже негативным способом. Жертва хочет наполнить её вниманием: «Любите меня — я жертва». Но этого никогда не бывает достаточно, потому что всегда остается ищущий. Всегда есть тот, кто думает, что нужно что-то еще. Всех денег мира и всей славы никогда не будет достаточно, потому что всегда есть ищущий, жаждущий того, что находится за пределами его досягаемости. Каждый в мире — ищущий, и поиск подпитывается иллюзией награды.

Конечно, есть и другое: к чему бы мы ни стремились в мире, всегда существует некая зависимость от объекта; мы всегда гонимся за объектом. Где-то внутри мы знаем, что это никогда не принесет нам удовлетворения, потому что знаем: окончательное удовлетворение — это полная независимость от чего-либо.

Для религиозных искателей наградой часто является рай после смерти. Это вводит в заблуждение, потому что всё время сохраняется вера: если я стану чистым, то когда умру, попаду в рай.

Но это и есть рай — это Царство Небесное. Вы ходите по раю. Вы никогда не сможете не ходить по раю. Вы всё время ходите в абсолюте. Всегда есть только «это» — вечно существует только «это», и это и есть рай.

Если нет иллюзии, значит, нет и страха?

Страх может возникать. В этом может возникнуть что угодно, потому что это — видимость. Но разница в том, что нет никого, кто боится. Пробуждение — это осознание того, что нет

никого и ничего, что нуждалось бы в пробуждении. Следовательно, нет никого, кто мог бы проснуться, и нет никого, кто чем-либо владеет.

То, о чем мы здесь говорим — это тотальное освобождение, это полная нищета, крайняя скудость. Это то же самое, что смирение. Смирение — это не «я меньше тебя». Настоящее смирение — это «никого нет». Нищета — это когда ничто не присвоено, включая страх, страдание, гнев... Ничто не принадлежит «мне», но страх может возникнуть.

Видите ли, это (указывает на себя) не остров — это часть видимости. Мы все — видимость, и в этой видимости возникает страх, ревность, что угодно. Я и есть это; это возникает в этом. Поэтому, если кто-то говорит: «Я просветленный человек — у меня нет страха, гордыни, эго», на самом деле он говорит: «Я отделен от вас. У вас есть страх, а у меня нет, потому что я обладаю просветлением».

Так что после пробуждения жизнь не становится внезапно чудесной и лишенной проблем. Кажущаяся жизнь этого персонажа продолжается так же, как и всегда, с теми же кажущимися трудностями. Но там больше никого нет. Там никогда никого и не было. До пробуждения существует идея, что есть кто-то, у кого есть проблемы, кто страдает, кто владеет болью. После — никого нет.

Ваши слова отзываются во мне, но ведь страдания так много... И люди действительно страдают — по-настоящему. Я не могу этого принять.

Кто это — тот, кто не может принять? Единственный способ это принять — увидеть, что здесь никто не страдает.

Когда (никем) увидено, что здесь никто не страдает, тогда видится и то, что никто не страдает и «там». И в этом видении отсутствия страдающего рождается свобода, рождается безусловная любовь.

Но я думаю, что Источник должен знать, что люди страдают.

Источник и есть страдание. Источник и есть видимость. Нет такого Источника, который «создает» страдание. Страдание — это Источник, который видимым образом страдает. Всякое страдание происходит из разделенности. Игра, пьеса, драма заключается в том, чтобы пережить страдание разделенности и открыть освобождение.

Могут ли безумцы тоже быть просветленными?

Абсолютно. Я чувствую, что в психиатрических лечебницах есть освобожденные люди. Я думаю, мир воспринял бы пробужденное состояние как форму безумия. Так оно и есть — с точки зрения мира это безумие.

Я обнаружил, что много беспокоюсь о том, как я действую или реагирую в определенных ситуациях. Я всегда пытаюсь вычислить лучший способ отреагировать, до такой степени, что мой ум будто заклинивает, и он вообще перестает функционировать.

Только потому, что «лучшего способа» отреагировать не существует — кроме как в уме. Персонаж, которым вы являетесь, отреагирует именно так, как этот персонаж отреагирует. Как говорит Сюзанна Сигал: «Следуй очевидному». Для вас есть очевидный способ быть или реагировать — который не обязательно будет таким же для меня.

Но также идите дальше и увидите: как бы вы ни отреагировали, это не имеет значения. Для ума важно, чтобы путь был «правильным», но в конечном счете это совершенно неважно. Если появляется зачаток осознания того, что это не имеет значения, тогда происходит более глубокое отпусkanie. Исчезает это «я должен сделать всё правильно!». Вы никогда не ошибались — ни разу за всю свою жизнь. Всё, что происходило в вашей жизни — от того, что вы считаете важным событием или выбором, до последней мельчайшей детали — было абсолютно совершенным.

То, что здесь происходит, ощущается как поддержка. Я не чувствую этого, когда я дома.

Но вы почувствуете! Весь смысл этого послания в том, чтобы донести: это всегда здесь. Дома, в трамвае или где угодно — неважно, где вы находитесь, вы всегда в «этом».

Нет сомнений, однако, что в этой обстановке происходит некое раскрытие, чувствуется открытость. Концепции отпадают, и человек видит вещи с другой точки зрения. Но нет необходимости находиться здесь. В каком-то смысле вам больше никогда не нужно сюда приходить. Ваша голова уже в пасти тигра. Слишком поздно — вы уже потеряны.

Когда я читаю книги других учителей, я понимаю, что у меня есть выбор и что я могу освободиться в этом воплощении только тогда, когда буду полностью предан делу освобождения. Но кажется, что я не способен на такую полную самоотдачу.

Эти идеи укоренены в полном невежестве. Вся эта мысль о том, что вы должны быть каким-то определенным — полностью преданным, предельно честным или очень серьезным — просто чепуха. Кто будет серьезным? Во всем существовании нет ни одного человека, который когда-либо достиг бы этой тотальности, просто потому, что это основано на недопонимании. Недопонимание заключается в том, что якобы есть кто-то, кто может выбрать быть, скажем, полностью посвященным. Я подозреваю, что на самом деле люди медитировали по двадцать лет на вершине горы, ели семена и так задолбались, что просто сдались.

Никто не может этого сделать — никого нет. Сама идея о том, что есть кто-то, кто может это сделать, только укрепляет завесу. Чем сильнее эго, которое собирается «сделать это», тем дальше то, что должно произойти.

Я не хочу говорить комплименты, но просто хотел сказать, что у меня всегда было отвращение к гуру. Однажды в отпуске я пошел к одному такому. Он сидел и смотрел на всех, устанавливая «глубокий» зрительный контакт... С вами мне комфортно, потому что вы такой простой, такой обычный. Это такое облегчение. И это то, что я всегда знал — что всё просто.

Спасибо.

Я почувствовал то же самое в начале сессии, когда мне не пришлось закрывать глаза и петь «ОМ» или «входить в энергию».

Нет, не во что «входить». Всё уже есть. Это не что-то особенное. Нет ничего особенного. Во время ретритов в Англии и Голландии бывает много тишины, но она рождается из естественности, а не из принуждения.

У нас есть идея, что прилагать усилия — это «не то», или чувствовать себя отделенным — это «не то». В конце концов, освобождение в том, что всё — это «то». Если есть чувство усилия — значит, это Источник, проявляющийся как усилие. Ум хочет сделать из этого какое-то особенное место: «Когда это случится, я буду в своем Источнике...». Вам нужно что-то сделать, или стать достойным, или тихим, или чистым, и тогда... Чушь собачья!

У меня такое чувство, что мне нужно перестать что-то делать.

В каком-то смысле — да. Оставьте идею о том, что нужно что-то делать или куда-то идти. Это — оно. Это оно! В этом есть чудесное успокоение — «А! Так мы уже здесь!». И мы всегда уже здесь... Даже если возникает мысль: «Это не оно», то и она — «оно». Всё это просто возникает, а вы — тот, кто это видит.

Всё это — лишь напоминание о том, кто вы есть. Каким-то образом вы забыли. Вы положили это на полку под названием «невинность» или «детство» и взяли с полки нечто под названием «взрослость» или «отделенность». Вы знаете это, и каким-то образом вы здесь это вспоминаете.

Поразительно разговаривать с людьми, с которыми случилось пробуждение. Они говорят: «Это так очевидно! Так мгновенно и так естественно...». В каком-то смысле в этом нет ничего особенного. В другом смысле — это великолепно. Это то, что есть здесь и сейчас, совершенно естественно, без всяких наслоений.

Я читал книгу Сюзанны Сигал. Что меня поразило, так это то, что она так долго не понимала, что с ней происходит. А как это было у вас?

Когда это случилось и пришло видение «Я есть то», для меня это было совершенно естественно. Для некоторых это связано с глубокими страданиями или потерей — для меня же это был переход из одной радости в еще большую радость.

Когда я был ребенком (и не забывайте, это было во время войны), я был совершенно уверен, что единственное, чем стоит заниматься — это искать Бога. Я вырос в христианской среде, и, на мой взгляд, поиск Бога был единственным стоящим делом. Зачем делать что-то еще?

Я был абсолютно уверен, что Бог повсюду и что во всём скрыта тайна. Всё, на что я смотрел, содержало в себе нечто — это Бог открывал мне секрет. Забавно то, что я всегда знал, что найду этот секрет. Поэтому, когда я шел через парк, это было чем-то вроде: «О!... Да... точно...». Это было потрясающе, эта невероятная тишина... Но также было и узнавание: «Ах да! Вот какими мы являемся от природы. Мы просто накладываем на это идею о "себе", о ком-то, кто здесь находится и чего-то хочет».

Не было никакого страха сойти с ума. Когда это случилось, вместе с этим пришло много ясности, видения. Одной из увиденных вещей было то, что мы всегда находимся внутри этого приглашения.

Еще я увидел не то, что нам «прощены наши грехи», а то, что мы никогда не грешили. Для меня в то время это было ошеломляющим, потому что до этого я был довольно активно вовлечен в церковную жизнь. Я думал, что слово «покаяться» означает сожалеть о своих грехах и клясться больше никогда не грешить. Но я прочел в книге Николла (ученика Гурджиева), что «покаяться» на самом деле означает развернуться и увидеть всё по-новому.

Внезапно я увидел, что пробуждение не имеет ничего общего с тем, чтобы быть достойным. Оно не имеет ничего общего с «мной». Оно связано с видением чего-то — это другой способ видеть. Это *единственный* способ видеть.

Почему Сюзанна Сигал умерла так скоро после этого?

Штука в том, что здесь нет никаких точек отсчета. У одних людей это будет так, у других — иначе.

Есть анекдот про человека, который попадает в рай. У ворот святой Петр говорит ему: «Мы должны спросить, был ли ты верен своей жене. Если ты был абсолютно верен, мы дадим тебе машину, на которой ты сможешь разъезжать по раю». Мужчина отвечает: «Я был верен до глубины души». Петр говорит: «Да, наши записи подтверждают это. Вот твоя машина». И мужчине вручают огромный «Мерседес».

Спустя некоторое время у ворот появляется его друг. Петр задает ему тот же вопрос. Тот отвечает: «Я был верен, за исключением одного случая на рождественской вечеринке... Ну, вы понимаете, как это бывает...». Петр говорит: «Хорошо, это совпадает с нашими данными. Вот машина, которую мы даем тебе для поездок по раю». И показывает ему «Рено».

И вот этот человек едет на своем «Рено» и видит тот самый огромный «Мерседес», а его друг стоит, облокотившись на капот, и рыдает навзрыд. Он спрашивает его: «О чем ты плачешь? У тебя же такая прекрасная машина!».

«Да, — отвечает тот, — но я только что видел, как мимо проехала моя жена на велосипеде!»

То, что здесь передается — это то, что никто не может стать просветленным. Не существует такого объекта под названием «просветление», и ни один человек никогда не становился просветленным. Здесь не сидит никакой отдельной личности. Никого нет!

Пробуждение — это просто отпадение ищущего, того самого ищущего, который ищет что-то «там» и продолжает искать. Это отпадение того, кто чего-то хочет. Когда это отпадает, остается то, что уже всегда здесь — просто свет, абсолют, источник, проявляющийся как «это»... Оно не достигается и не принадлежит никому и ничему. Оно просто есть то, что является единственной константой.

Все это — просто проявление источника. Это Единое, являющееся как двое... Единое, играющее в игру «быть стеной»... А вы играете в игру, веря, что вы — личность. Единственная проблема в том, что вы воспринимаете эту игру всерьез.

То, что происходит здесь (и в других местах) — это наше воспоминание: «Ах да, это же игра!» Это лишь припоминание того, что вы и так знаете. В детстве вы знали. Потом вы надели на себя мантию разделенности, взрослости, а затем и скорби. Что бы ни происходило в мире, что бы ни происходило в вашей жизни, какой бы успешной она ни казалась — этого всегда недостаточно. Вы всегда жаждете вернуться домой.

Происходящее здесь дает вам ровным счетом ничего. Кто-то подошел ко мне перед началом и сказал: «Мне очень понравилось вчера, но я совершенно забыл всё, что там было». Это чудесно! Знание уже есть. То, что здесь сообщается, сообщается тому, кто знает всё, кто видит всё. Это не сообщение для ума. Ум входит сюда со всевозможными

концепциями о том, что это такое и что такое просветление. И эти концепции могут быть разрушены, чтобы человек снова остался ни с чем.

Здесь может произойти отпадение путаницы, путаницы типа «Я — этот человек, и я должен стать тихим. Я должен успокоить ум — я должен отбросить эго...». Зачем отбрасывать эго? С эго всё в порядке. Эго появляется в этой манифестации. Эго — это источник, который «эгоирует». Все эти идеи вроде «Я должен быть выше желаний — я должен быть честным — я должен быть отстраненным, неотожествленным...» — все эти идеи суть чепуха ума.

Мы говорим здесь о том, чтобы влюбиться. Когда мы были детьми, мы были влюблены в это... в замки из песка... И мы снова будем играть в песочные замки. И эти замки здесь — мы сидим на них, мы пьем их и едим их. Всё, к чему мы прикасаемся, и всё, что знают наши чувства, — это игра, лила, играющее присутствие.

Как мы можем изменить игру? Вместо того чтобы играть в игру «гнев», играть в игру «радость»?

Мы не можем. Вы не можете. Нет абсолютно ничего, что вы могли бы сделать. И дело не только в том, что вы ничего не можете сделать, всё гораздо глубже — дело в том, что никого нет. Там никого нет. Суть в отпадении этого чувства «Я — человек, который сидит здесь и перейдет в радость вместо гнева». Вы не можете «открыться» идее о том, что здесь никого нет, потому что кто будет открываться?

Где-то это слышится, где-то внутри это уже известно, там есть что-то, говорящее «Да!». Вы ничего не можете сделать, и ничего делать не нужно, потому что именно такие, как вы есть, сидящие там, вы и являетесь божественным выражением.

И это совершенно обыденно. Стена, которую вижу я, — та же, что видите вы. Мне тоже приходится платить подходящий налог. Когда происходит пробуждение, проблемы не отпадают сами собой, вы не начинаете ходить в каком-то чудесном безмятежном сиянии. Это просто отпадение идеи о том, что нужно что-то делать или каким-то определенным образом «быть».

То, какой вы есть — это оно. То, как вы себя чувствуете — это то, что возникает. Вы — это оно. То, какой вы есть, ваш характер — это оно. Оно прекрасно именно таким, какое оно есть. Именно таким. Те невротические черты и детали, которые, как вам кажется, не совсем в порядке — это источник в своем невротическом проявлении. Это божественно, абсолютно божественно. Всё, что вы делаете, является выражением божественного.

Вы ничего не можете сделать, чтобы «узнать» это — единственный способ узнать это наступает тогда, когда нет никого, кто бы это знал. Пробуждение — это то, что никого нет. То, что возникает, видится никем. Никто ничего не может поделаться с тем, чтобы быть никем.

Кто-то вчера сказал: «Это легкий путь». Они имели в виду, что самоубийство — это легко. Именно это я и предлагаю — не чтобы тело умерло, а чтобы умер ищущий.

Это и есть главное предложение?

Да, предложение в том, чтобы ищущий умер. И другая часть предложения: «Как можно что-то искать, когда происходящее здесь и есть оно?» Находить нечего, потому что это оно.

В то же время всё в нас хочет что-то делать, чего-то желает...

Освобождение, которого мы ищем — это отпадение того, кто ищет что-то «там». Когда становится очевидным, что «это» и есть оно, тогда усилий по поиску сокровищ больше нет. После этого желания всё еще могут возникать — например, желание съесть спагетти, а не водяной кресс... Это может остаться, но больше нет никого, кто бы в это инвестировал. Это игра. Это чудесная драма. И ничто не имеет значения.

А как же наши амбиции, наши цели? Мы ведь можем когда-нибудь просветлеть, но...

Никто из вас не просветлеет. Есть только свет. Вы все пробуждены. Все вы пробуждены, но верите, что это не так.

После пробуждения амбиции всё еще могут возникать, цели могут появляться. До пробуждения вся суть цели в том, что она якобы принесет вам окончательное удовлетворение. После — известно, что не принесет. Тогда эта цель становится просто еще одной частью игры: есть радость в том, чтобы бежать быстрее или дальше, или в том, чтобы написать картину лучше... В этом есть радость, потому что нет невротического драйва заполнить чувство потери. Это спонтанная безусловная любовь, спонтанно действующая.

Мне кажется, легче осознавать, что есть только «это», когда я закрываю глаза и ухожу внутрь. Как только я вовлекаюсь во внешние вещи, я чувствую, что попадаю в ловушку.

Возможно, приглашение для этого тела-ума — почаще закрывать глаза, в то время как для другого тела-ума это может быть поход в паб и кружка пива. Что бы вы ни чувствовали для себя легким и привлекательным, что бы вы ни хотели делать — скорее всего, это и произойдет. Но суть также в том, чтобы увидеть: всё, что вы делаете — это оно. Всё, что вы делаете весь день — это Возлюбленный, говорящий: «Вернись домой».

Как это может быть?

Вы сами так устроили. Эта игра создана тем, чем вы являетесь, таким образом, что приглашение повсюду. «Для того чтобы проявиться, — сказали вы, — я также проявлю чувство разделенности. В этой разделенности возникнет тоска по возвращению домой. Так что же мне с этим делать? Точно! Я создам приглашение вернуться домой — на самом деле, я сделаю приглашением абсолютно всё».

Конечно, на самом деле всё не совсем так, потому что это всего лишь история. Это не то, что случилось пятьдесят миллионов лет назад — это постоянно; это вечно «это».

Мне очень понравилось, когда вы сказали в пятницу вечером, что жизнь — это чудо.

Да, это так. Конечно, в игре разделенности мы склонны чувствовать угрозу, и то, что мы делаем — это пытаемся создать «утробу», пытаемся вернуться в утробу. Мы строим эту утробу и тем самым пытаемся сделать мир познаваемым. Способ сделать этот опасный, чуждый мир безопаснее — это попытаться его «познать».

Когда мы встречаем кого-то и влюбляемся, это неведомо и чудесно, но это также небезопасно. И тогда мы женимся. Мы ограждаем кого-то забором и делаем «познанным».

Был человек, у которого были проблемы в браке, и друг посоветовал ему пойти к чудесному гуру по отношениям. Он пошел, и гуру просто дал ему мантру. Мужчина вернулся к жене и

начал использовать мантру, и через несколько дней всё стало налаживаться. Через десять дней всё стало просто замечательно.

Он снова встретил друга в пабе и сказал: «Эта мантра просто чудо, это потрясающе!» Друг, конечно, захотел узнать, что это за мантра.

Тот ответил: «Каждый раз, когда я вижу жену, я говорю: "Это не моя жена"».

Мы всегда делаем всё «познанным», чтобы оно стало безопасным; и в конце концов оно становится скучным. Когда я говорю людям: «Сидение на стуле — это чудо», они отвечают: «Почему? Это же не так важно!» Но мы ходим внутри этого абсолютного чуда — всё, к чему мы прикасаемся, есть Возлюбленный. Это алхимия — превращение всего в золото.

Странно то, что всё и так золото — трансформируется только восприятие. Восприятие того, что «всё скучно и пугающе, и я отделен от стены» — вот тюрьма, в которой мы живем. Алхимия — это трансформация этого восприятия, чтобы увидеть, что это Возлюбленный, являющийся в виде стены.

В стене есть всё — пустота, тишина, безусловная любовь. Нет ни единого места, которое не было бы источником. Нет ничего, что не было бы источником, включая разделенность, включая невроз, включая страдание. Всё это просто источник в своем проявлении.

Мешает ли попытка понять источник?

Да, но вы ничего не можете с этим поделать. Пока в этом теле-уме есть ощущение, что нужно что-то понять — так оно и будет, пока это не отпадет. Люди приходят на эти беседы, и ум говорит: «Да, но как насчет...? Да, но что если...?» Пока он просто не сдастся. Пока есть вопрос и желание понять, будет желание понять. До тех пор, пока ничего не останется. Когда ничего не остается, внезапно обнаруживается просто «это».

Когда вы говорите «просто это», назвали бы вы это вибрацией или энергией?

Можно назвать это энергией. Можно назвать это жизнью. Всё, что есть — это жизнь. Нет никого, кто проживает жизнь — есть жизнь. Всё, что есть — это жизнь, кажущаяся происходящей. Только кажущаяся.

Вы заставляете меня смеяться.

Да, всё это сумасшедшая шутка. Когда думаешь о религиозной деятельности и о деятельности ищущих, которые ездят по всему миру... Что они ищут? Оно здесь! Это оно! Когда вы ступаете на борт самолета, этот шаг и есть «оно». Это шутка — искать то, что уже есть. Включая походы к Тони Парсонсу!

Но это же весело!

О, поиск может быть веселым, хотя он не весел, пока вы думаете, что он не весел.

Удивительная вещь во всем этом — то, что есть только «это»; ничего никогда не происходило. Не существует таких вещей, как прошлое или будущее. «Это» содержит в себе всё кажущееся прошлое. У каждого сидящего в этой комнате лицо рассказывает историю о

кажущемся прошлым; по лицам можно читать людей. Хотя на самом деле прошлого нет — есть только кажущееся прошлое.

Другая удивительная вещь — в том, что в «этом» заключена пустота, ничто. Когда люди говорят мне, что сознание пребывает в покое, а затем проявляется, я знаю, что это не так. Когда я смотрю на стену, я вижу покой, и тишину, и пустоту, и жизнь — всё вместе. В этом есть всё. Это никогда невозможно постичь — это может быть только увидено никем.

Это также означает, что нет культурной эволюции?

Нет, но есть видимость культурной эволюции, и это всё часть сна. Ум так могущественен, и он всегда хочет, чтобы существовало нечто под названием «время»; ум может существовать только в чем-то под названием «время». И он создает его. Это гениально! Он создает идею, что были динозавры и всё прочее. Есть ученые, которые могут доказать, что этой кости, скажем, три миллиона лет. В Лондоне один парень сказал мне: «У меня есть прошлое! Посмотрите, вот мои дети — вот фотографии, подтверждающие это!»

Как получается, что мы все вовлечены в один и тот же сон?

Странно — и это еще один гениальный ход — но на самом деле у нас *не один и тот же сон*. Каждый тело-ум видит стену как свою уникальную стену. Во всем этом кажущемся существовании нет никого другого, кто видел бы стену так, как видите её вы. Эта стена — ваше приглашение. Слова неадекватны... В каком-то смысле я говорю о том, что мы все — боги, разгуливающие в своей собственной манифестации и верящие, что мы — отдельные люди, пока эта вера не упадет.

Пока есть чувство разделенности, есть чувство времени, движение куда-то. Великий способ избегания присутствия — это идея, что то, что вы ищете, находится «там». «Это не может быть этим — это не просто это... Завтра утром в 6 часов — да, но не это. Это не может быть просто этим... Неужели это всего лишь это?» В этом и игра.

Чувствуете ли вы холод, когда стоите босыми ногами на земле?

Да. Я чувствую то же, что и вы, но здесь нет никого, кому бы это принадлежало. Всё может чувствоваться в этом теле-уме. Возникает гнев, возникает боль... всё, что вы захотите назвать, может возникнуть в этом, но владения этим больше нет. Больше нет никого, кто пригласил бы это «на чай». В это не вкладываются — оно просто есть.

Освобождение — это не про отдельного человека, который является исключительным и не чувствует боли. Люди могут пытаться убедить вас в этом, но это заблуждение. Идея о том, что просветленный человек ходит в состоянии тотального блаженства — полная чушь. Это происходит либо от глубокого невежества, либо от желания манипулировать. Это идея ума о том, как должно выглядеть совершенство, и это чепуха.

У людей самые странные представления о том, «каким я буду, когда просветлею», и иногда я вижу игру, в которую играет этот тело-ум, чтобы избежать своего собственного величия. У меня нет никакого дара или чего-то в этом роде — просто когда я разговариваю с кем-то, я иногда вижу игру, в которую они играют, чтобы не пробуждаться.

Можете нам рассказать?

Вам пришлось бы платить вдвойне! Да и в любом случае это не принесло бы вам пользы, потому что вы ничего не смогли бы с этим поделать. Если это та игра, в которую вы собираетесь играть — значит, вы будете в неё играть, пока она не отпадет.

С пятницы появилось чувство ничто. Это всё еще интеллектуально, но...

Что работает, то работает. Похоже, есть разные способы того, как это впервые проявляется или является. Для многих людей, как ни странно, сначала появляется чувство разделенности; еще одно чувство отделенности. Может казаться, будто существуют две идентичности. Одна — та, с которой вы якобы ходили сорок или пятьдесят лет. И кажется, что есть другая идентичность, называемая «наблюдателем», тем, кто видит. Это начало финального приключения.

Разве это всё не концепция?

Если вы закроете глаза сейчас... не обязательно, но если хотите, можете закрыть глаза и осознать что-то в своем теле. В теле всегда что-то происходит. Разве это концепция? Или это то, что вы чувствуете, а затем ум концептуализирует это?

Да.

Так это и есть ваше приглашение. То, чем вы являетесь, видит, что этот тело-ум превращает всё происходящее в концепцию. Вот и всё. Не пытайтесь ничего с этим делать. Всё больше и больше проявляется видящий, тот, кто видит это. Неважно, что видится — всё, что происходит, это то, что видящий видит. Видящий сидит там, видя, как вы видите меня. И он всегда был там. Все эти годы видящий всегда был там, видя, как вы едите свой обед... Всё то, что, как вам кажется, вы делали в одиночестве, вы делали вместе с видящим, который и есть то, чем вы являетесь.

Как вы справляетесь с болью? Я думаю, вам легко отстраниться от самой концепции того, что боль существует.

Вопроса о том, чтобы «справляться» с болью, не стоит. Но если возникает головная боль, я замечаю, что этот тело-ум принимает аспирин. Не всегда, но иногда. Точно так же, как и любой другой. Но больше нет ощущения, что кто-то чем-то владеет. Обычно мы чувствуем, что что-то не так, и говорим: «Это происходит со мной».

А если вы поранитесь и пойдет кровь, что вы будете делать?

Я сделаю то же самое, что сделали бы вы.

Вы не почувствуете себя потрясенным?

Этого не случилось долгое время. Вполне возможно, что если бы я попал в автомобильную аварию, я бы почувствовал себя потрясенным. Но это был бы не «я» — это было бы просто возникшее «потрясение».

Пробуждение просто случается — оно не имеет ничего общего с кажущимся «вами». Оно может произойти где угодно, в любой ситуации. Это может случиться с каким-нибудь парнем в канаве, обкуренным или пьяным в стельку. И наоборот: может быть кто-то совершенно «дзенский», кто медитировал двадцать лет и ел только водяной кресс, — и в его случае пробуждение не происходит. Здесь нет точек отсчета. Тот, кто ест только кресс и медитирует двадцать лет, конечно, может пробудиться, но это не будет иметь никакого отношения к диете или медитации — абсолютно никакого.

У меня есть друзья, которые медитируют двадцать лет, и кажется, что с ними ничего не происходит.

Может произойти то, что им это окончательно осточертеет. Они могут не говорить об этом другим, притворяться, что всё еще продолжают практику, но глубоко внутри они сдались или потеряли мотивацию. И тогда — «О!» — это случается. Похоже на то, что, как нам говорят, произошло с Буддой.

Вы хотите сказать, что моя идея о том, что я нахожусь здесь сейчас благодаря долгой работе над своей психикой, — это иллюзия?

Да. Речь идет о тотальном растворении «вас» и всего, что прилагается к «вам». Идея причины и следствия здесь также неуместна.

У меня был проблеск того, что люди дзен называют сатори. Почему проблеск уходит снова? Что мешает ему?

Ничто не мешает, но всё еще остается ощущение кого-то, кто «там был», кто «увидел» что-то или «уловил проблеск», и кто затем немедленно вернулся к тому, что он считает своей идентичностью. Вопрос «Кто я?» может дать людям проблеск этого, но в некотором роде это просто еще одна техника, и к тому же это неподходящий вопрос.

Проблеск чего-то через технику — это просто проблеск чего-то через технику. В этом нет ничего, что могло бы длиться, потому что нет ясности. Отсутствие ясности заключается в том, что когда люди, получившие такой проблеск, делают шаг назад в то, что они считают собой (в «я-канье» в противоположность бытию), они начинают думать, что находятся в каком-то «другом» состоянии, которое якобы неприемлемо. Это невежество. В этом и заключается трудность подобного опыта.

Вы заметите, что я говорю здесь: нет ничего. И если вы продолжите слушать это и каким-то образом оставите идею о том, что что-то вообще существует, тогда всё станет возможным.

Это всего лишь видимость, которая, кажется, происходит в чем-то под названием «время». Ум убежден, что это реально. Но всё, что есть — это «это». Внутри видимости находится кажущаяся история, а вы — та тишина, в которой эта кажущаяся история возникает. Когда это увидено — никем — тогда то, что видимым образом возникает, становится праздником.

**Берлин
июнь 2002**

Вы говорите, что это нельзя понять умом. Согласитесь ли вы, что мой ум может понять это (само утверждение)?

Ум не поймет природу Единого, и, конечно, он не может понять, почему он не может понять природу Единого. Ум — это просто еще одна манифестация, исходящая из Единого.

Ум привык делить всё на два. Именно из Единого возникает дуализм, потому что Единое играет в игру «двое». Вот о чем всё это — вы и есть Единое, играющее в игру «быть двумя». Вы живете в этой двойственности, и она создается через мыслеформу. Эта стена — мыслеформа; Единое использует ум, чтобы создать видимость стены.

Но этот инструмент никак не может обнаружить единство. Инструмент — лишь часть игры. Ум — просто инструмент. Безусловно, ум полезен в плане осознания того, что он не может понять — но в конце концов ум просто сдается. В каком-то смысле он жаждет сдаться. Ум оставляет поиски и стремления, и тогда остается просто «это».

Всё это о том, чтобы влюбиться в «это». Пробуждение — это отпадение того, кто ищет рай. Когда поиск рая прекращается, видится, что есть только рай. Рай — это вот это (потирает кончики пальцев друг о друга).

Может ли мой ум понять, что можно прийти сюда, например, ничего не ища?

О, да. В Лондоне на эти встречи приходят люди, которые оставили поиск и теперь пробуждены (хотя мне не нравится это выражение). Они всё равно приходят и просто сидят. Они больше не ищут — всё кончено.

Могу ли я быть здесь, ничего не ища?

Кстати, вы ничего не можете поделаться с тем, приходите вы сюда или нет. Но пока есть то, что я называю «я», существует чувство обделенности, потери чего-то, поиск чего-то. Пока есть «я», есть поиск, есть тоска. Покоя не будет до тех пор, пока не будет обнаружено, что Я и есть Единое.

Тоска может быть не очевидна, но пока есть разделенность, есть только тоска. Вокруг полно людей, которые думают, что они не ищут, но все они ищут Единое. Нет никого, кто не искал бы — пока никого не останется.

Можно ли сказать, что единство — это безусловная любовь, и она создала всё это?

Да, безусловно. Единое — это безусловная любовь. Есть только безусловная любовь, и есть видимость борьбы и всех других вещей, которые мы видим в мире — борьбы и её противоположности.

Безусловная любовь никак не связана с нашими представлениями о том, что такое любовь. Христос сказал: «Я говорю вам о том, что за пределами сердца и ума человеческого». Мы никак не можем знать, что это такое. Это ошеломляет; это так ошеломляет.

Значит, тщетно практиковать безусловную любовь в нашем состоянии?

Тщетно практиковать, и тщетно пытаться не практиковать её. Просто увидите, что нет ни одного человека, который практиковал бы... Есть просто возникающая «практика» или «не-практика».

Когда вы вчера говорили о близости (интимности), я подумал, вы имеете в виду: будьте близки с тем, что есть сейчас. Я решил, что это значит: если есть агония, будьте близки с агонией...

Подождите, здесь есть два момента. Прежде всего, есть «агония» — но на самом деле это история в уме; это схема, магнитофонная запись. Но есть также ощущение агонии в теле.

Вот с чем я предлагаю вам быть близким. Не каким-то фиксированным или сфокусированным образом — просто видя это. Здесь агония... он делает то-то... сигналиит машина... ветер дует в окно... здесь агония... глоток воды... Это просто позволение этим вещам быть увиденными.

То, что происходит — это остановка мира. Происходит выход из тюрьмы индивидуальности. Это как молитва.

Пробуждение — это готовность оставить борьбу, страдание; отдать всё это за ничто.

Можно ли сказать, что при пробуждении невозможно быть нечестным?

Это за пределами честности или нечестности. Бытие находится за пределами любых сравнений. Это лишь невежество ума относительно того, «каким вы должны быть». Бытие за пределами любых ценностей.

Моя фантазия такова: когда происходит пробуждение, всё это продолжается, но словно под действием какой-то магнитной силы приятных чувств становится больше, чем раньше.

Нет, вовсе нет. То, что есть, продолжает быть, но появляется принятие этих вещей вместо инвестирования в них.

Учение о том, что пробуждение — это блаженство, очень привлекательно для ума. Есть учителя, которые сидят перед всеми, обычно на возвышении, в окружении фотографий, цветов и свечей... Они двигаются очень медленно, говорят очень медленно и кажутся очень блаженными...

Мы жаждем этой формулы; мы жаждем принять таблетку, которая сделает нас абсолютно блаженными, и все наши проблемы исчезнут. Это великий обман — билет в рай! «Вы можете стать как я — но вам придется очень много работать и платить мне много денег, или уделять мне много внимания и давать чувство власти...»

Вы разбили мои надежды! Я надеялся, что если я полностью проживу что-то вроде ревности и не буду её избегать, придет время, когда она уйдет.

Нет.

Никакой надежды?

Никакой. Когда есть кто-то, кто говорит: «Я буду близок с ревностью, чтобы в какой-то момент она ушла», вы вступаете в очередную сделку. Там есть кто-то, кто заключает сделку с ревностью.

Здесь речь идет о потере себя. Эта молитва близости, о которой мы говорим, — это готовность отдать весь мир за «это». И «этим» может быть глубокое чувство ревности. Вопрос об уходе ревности не стоит — есть готовность просто видеть её.

Можете ли вы сказать, что быть просветленным лучше для вас?

Нет, потому что никого нет. Вы всегда должны возвращаться к этому — нет никого, для кого это могло бы быть «лучше». Есть просто жизнь — в отличие от: «У меня есть жизнь, которая не очень хороша и могла бы быть лучше, или сейчас она лучше, но может снова стать хуже». Эта ужасная неуверенность — «Моя жизнь хороша, но она под угрозой»... Всё это уходит, и остается просто жизнь.

Исчезает ли сексуальность?

На самом деле сексуальность случается впервые. Конечно, там нет никого, кто думал бы: «Получится сегодня вечером или нет?» Сексуальность просто празднуется.

Разве это не святая вещь? Или это просто обыденно?

Вся святость отпадает. Не существует такого понятия, как «духовный секс». Есть просто старый добрый секс, помноженный на сто. Всё священо. Чудо — в самом видении.

А как же Барри Лонг, который говорит, что есть секс с одной стороны и занятия любовью — с другой?

Я знаю людей, которые годами пытались заниматься любовью «духовно» и старались оттолкнуть чувство сексуальности. Как только ум ухватывается за идею вроде «духовной любви», появляется святость. В похоти нет ничего плохого — похоть чудесна, похоть — это жизнь, это живость. Вот что не видится. Все подобные учения дуалистичны — они о том, что человек должен соответствовать идеалу, и они лишь укрепляют разделенность.

В его книгах, однако, всё это звучит очень мило.

Да, но когда вы читаете книги, можно коснуться чего-то другого. То, чего вы касаетесь, — это знание того, что вы и есть Единое, и что на самом деле никто не может вторгнуться в вашу свободу единства. Это не имеет никакого отношения к тому, как вы или кто-то другой занимается любовью. Я думаю, в вас затрагивается что-то другое, что за пределами идеи о «правильном» способе бытия. Не забывайте: когда дуализм обращается к людям, это учение ошибочно предполагает наличие личности, которая может «выбрать» — заниматься любовью духовно или нет. Я думаю, вас трогает что-то более глубокое.

У него также есть книга о страхе, которая меня очень тронула. Может быть, вы правы и меня трогает что-то другое, но я не чувствовал, что он говорит с личностью.

За исключением того намека, что есть кто-то, кто может выбирать. В то время как на самом деле вы за пределами выбора — вы за пределами всего. Вы — источник всего сущего, включая похоть и сексуальность...

Я также читал книгу Барри Лонга. Я забыл большую часть, но помню, он говорит, что очень часто, когда мы занимаемся сексом, мы находимся не с реальным человеком, а с фантазией о нем. И он говорит, что было бы хорошо вернуться в настоящий момент и по-настоящему почувствовать другого человека.

Ну и кто выбирает? Кто выбирает — быть в фантазии или нет? Выбора нет. Он подразумевает, что «лучше» быть с человеком, чем с фантазией. Он предполагает, что есть

личность, и говорит: «Это лучше, чем то». Это дуализм. Если вам хочется дуализма, вы можете пойти и развлекаться с учителями такого рода.

Но я думаю, вас трогает то, что эти люди также указывают на нечто, находящееся за пределами того, о чем они говорят. То, что он на самом деле пытается передать, находится за пределами его слов. Мы говорим о чем-то, что полностью за пределами слов.

Когда вы говорите: «Это оно», я чувствую принятие. Но когда вы говорите: «Всё это сон», я чувствую сопротивление и сильный страх.

Сон — это идея о том, что кто-то есть. Это сон о разделенности. Есть только «это» — это не сон, это то, как всё есть. То, что вы видите в разделенности — например, что стена отделена от вас — нереально. Вы живете в нереальности. Когда никого нет, тогда наступает жизнь в реальности, где всё есть присутствие.

Значит, мы не потеряем всё?

Вы не можете ничего потерять — у вас никогда ничего не было. Сама идея о том, что кто-то существует, звучит так: «Я здесь, и у меня есть вещи».

Но отказаться от всего — это не значит отказаться от моей обычной жизни?

Нет, просто откажитесь от идеи, что там есть кто-то, кто чем-то владеет. Вы не можете этого сделать, но что-то внутри слышит это, и это произойдет.

Когда Христос сказал богачу: «Оставь всё и следуй за мной», он не имел в виду дом или одежду. Он имел в виду: «Оставь идею о том, что ты чем-то владеешь или сам чем-то являешься». Вам не нужно бросать работу или что-то еще — вы просто оставляете идею, что есть кто-то, у кого есть работа. Работы просто случаются с «ником».

Некоторые говорят: «Откажитесь от секса — выйдите за его пределы».

О, это всё невежество. Это способ ума оставаться внутри истории. Ум хочет, чтобы вы оставались в истории. Тогда история продолжается с «вами», которые собираются бросить то или иное.

Когда учитель говорит своим ученикам, что они должны соблюдать целибат — кто будет отказываться от секса? Не говоря уже о том, что никто никогда не был по-настоящему в целибате. Монахи могут пытаться, но жизнь — не в целибате. Всё это чепуха, но это история, а ум обожает истории.

Адам гулял по райскому саду и чувствовал себя очень одиноким, поэтому Бог спросил его: «Что с тобой?» Адам пожаловался, что ему не с кем поговорить. Бог сказал, что даст ему спутницу, и это будет женщина.

«Эта женщина, — сказал Он, — будет *** для тебя и стирать твою одежду... Она всегда будет согласна с любым твоим решением. Она родит тебе детей и никогда не попросит тебя вставать посреди ночи, чтобы присмотреть за ними. Она не будет пилить тебя и всегда первой признает свою неправоту, если вы повздорите. У неё никогда не будет болеть голова, и она будет дарить тебе любовь и сострадание всякий раз, когда тебе это понадобится».

Адам спросил: «И во что мне обойдется такая спутница?»

На что Бог ответил: «В руку и ногу».

Тогда Адам спросил: «А что я могу получить за ребро?»

Вы говорите, что мы живем в сне. Сон Тони Парсонса такой же, как мой?

Личный сон уникален — это ваш личный сон. Вы живете в своем собственном уникальном приглашении. Сон, который якобы происходит, принадлежит только вам. Пока приглашение остается, оно уникально для вас. Когда приглашение принято, остается только «это».

Является ли «это» объективным? Что часто вызывает у меня сильный страх, так это чувство, что, например, никто не видит цвет так же, как я. Для меня это значит, что я в своей личной тюрьме, совершенно один.

Можете называть это тюрьмой, если хотите. Да, вы совершенно одни. Пока вы отделены, вы абсолютно одиноки. Когда происходит пробуждение, остается только Единое, так что вы никогда не одиноки — есть только все-единство (all-oneness). Пока вы отделены, вы живете совершенно сами по себе. Никто не видит эту стену так, как видите вы. Это уникально ваш мир. Он существует только для того, чтобы пригласить вас увидеть, что вы и есть Единое.

Единственная разница между вами и мной в том, что там внутри есть идея, что вы — личность.

Когда я слышу: «Оставь идею о том, что ты личность», у меня в голове полная пустота. В смысле, как это сделать?

Конечно, вы не можете её оставить, но что-то внутри регистрирует это. Что-то резонирует и говорит: «О Боже, да, это всего лишь идея!». Происходит некое узнавание. Я ни на секунду не предполагаю, что вы можете отбросить эту идею, но даже видение того, что это идея — уже начало её отпадения.

Я полностью согласен со всем, что вы говорите, кроме этой части — я чувствую, что это не «щелкает». Есть видение и в то же время полное непонимание.

Это нечто за пределами любого понимания или воображения. Никто в этом зале не может представить, каково это — когда отпадает «я». Это колоссально. Вы жили годы и годы с этим «я».

Сопровождается ли пробуждение болью в теле?

Пока есть отдельная личность, есть идея причины и следствия. Мы можем думать, что боль в теле возникает потому, что я беспокоюсь о банковском счете, и если я перестану беспокоиться, боль уйдет. Это чушь — но мы в это верим. Когда никого нет, боль в теле всё равно бывает, и перерасход по счету бывает... Это просто то, что возникает. Идентификации больше нет.

Что означает подъем кундалини?

Это просто подъем того, что считается кундалини. Еще одна система верований. Это опыт — как опыт того, что вы обожгли язык или съели шоколадку. Опыт подъема кундалини — это опыт подъема кундалини.

У меня этот опыт только потому, что я об этом читал или слышал?

Возможно, это может случиться и без чтения, но это не имеет абсолютно никакого значения. Никакой опыт не имеет отношения к пробуждению. Пробуждение — это конец того, кто переживает опыт или ищет его.

Может ли слушание этого помочь нам пробудиться?

Ну, ничто не может вам помочь, потому что некому помогать. Может произойти так, что концепции отпадут и ничего не останется. Это может прорубиться сквозь путаницу.

Но почему мы медитируем, слушаем это и читаем книги, если на самом деле ничего не можем сделать?

Потому что вы верите, что можете что-то сделать. Вы думаете, что есть кто-то, кто может выбирать.

Но для ума не ясно, что личности нет...

О нет! Ум ненавидит идею отсутствия личности. Ум и есть личность. «Я — личность» — это мысль. Ум не хочет отказываться от идеи своего существования или своего кажущегося существования.

Как же мне тогда осознать, что я не личность, а, скажем, духовное существо?

Вы не духовное существо. Вы — ничто и всё.

И наполнены в этом «ничто-жестве»?

Нет. Это не имеет никакого отношения к наполнению или удовлетворению.

Я живу духовной жизнью...

Правда? Как ужасно! Я вас прощаю!

У меня вопрос о теле. Знаю, он не очень ясный.

Ничего страшного.

Когда вы говорите не идентифицироваться... Я ведь чувствую, что смотрю глазами этого тела, что я дышу, что я ем...

Да, трудность здесь в том, что мы думаем, будто есть локация. «Я вижу этими глазами, и есть это тело, следовательно, здесь кто-то должен быть; в этом месте должно что-то находиться». Если посмотреть иначе и попробовать увидеть, что всё возникающее — это Возлюбленный, всё возникающее — это Единое... Одна из вещей, которые возникают — это видение отсюда, и другая вещь — это тело, скажем, это тело. Это Единое, возникающее как это тело и это видение.

Это трудно, но это и есть реальность. Реальность в том, что есть просто видение. Ум выдумывает идею, что есть кто-то видящий. Ум завладевает бытием и превращает его в объект под названием «я». Есть просто видение всего. Всё есть «это». Больше ничего нет. Я

знаю, что вы якобы живете в каком-то доме... Но на самом деле есть только «это». Всегда возникает только «это».

Это — Единое. Это — Возлюбленный. Всё возникающее — это абсолют, включая видение из того, что якобы находится «там» и видит «это». Идея, что оно «там» — лишь видимость. Происходит то, что Единое видит всё. И в данный момент «всё» — это, скажем, Тони Парсонс,двигающий рукой. Я — это всё. Это — всё. Вы — это всё. Вы — Единое, являющееся как двое. Локации нет.

Что-то другое во мне говорит: «Ну, есть же планета Земля...»

Нет, планеты Земля нет. Нет дома, в котором вы живете... Нужно только «это», потому что это — всё. И когда вы войдете в свой дом сегодня вечером, это будет всем; это будет Единое. Это всё одно и то же — просто выглядит по-разному.

Я вполне понимаю ваше замешательство — вы думаете, что это происходит с вами. Вы думаете, что ходите в локации под названием «я» и смотрите на вещи. Но есть только Единое, являющееся двумя. Эта комната, ваш дом — всё это лишь Единое, проявляющееся по-разному. В этом и чудо.

Что подразумевается под сердцем? Другие учителя — например, Джон де Рюйтер — часто говорят о сердце.

Сердце не имеет к этому никакого отношения. Пробуждение или единство не имеет отношения к какой-либо локации или чувству сердца; оно полностью за пределами любой идеи о сердце. Кроме того, само сердце возникает в единстве... Проблема всех таких разговоров в том, что есть только единство. И когда вы уходите в идеи о сердце, вы уходите в идеи о чем-то «духовном». Это учение, рожденное из преданной (devotional) энергии, которая еще не интегрирована с безличным.

Я знаю, этот вопрос уже задавали в другой форме, но если есть реализация того, что ты — Единое, что меняется в жизни?

Ничего, кроме восприятия.

У меня всё еще есть идея о каком-то чудесном изменении, о том, что дела пойдут более гладко, легче.

Ну, так уж случается, что они идут гладко, но если это та идея, которая стоит за желанием реализовать единство, оно никогда не будет реализовано через такую мотивацию.

Но жизнь должна сильно отличаться, если больше нет суждений.

Обычно видимость именно такова, но гарантий нет.

Каково ваше восприятие собственного тела?

Есть тело — нет восприятия тела — есть просто тело. Я могу лишь сказать вам, что есть осознание ощущения тела, которое ничье. Это осознание не более священо или значимо, чем осознание солнечного света из окна, питья пива или звука машины. Всё это — Единое. В теле нет ничего более близкого, особенного или значимого.

А когда тело чувствует боль?

Когда есть головная боль, есть головная боль.

Я всё ещё верю, что когда я включаю всё, жизнь идет более гладко, чем когда я исключаю.

Да, это так. Но не ищите этого. Я уже слышу, как ум говорит: «Если я смогу всё оставить, я получу нечто под названием гармония».

Я пытался стать богатым, потому что не хотел быть бедным. Это никогда не срабатывало...

Это может сработать — я был богатым. Нельзя сказать, что одно и то же происходит со всеми. Опять же, это уникальное приглашение. То, что вы обнаружили, что не можете разбогатеть, было даром — совершенно прекрасным даром. Всё, что якобы с нами случается, является даром, просто потому что единство — это и абсолютная нищета, и абсолютное богатство.

Я слышал, вы говорили, что пробуждение — это быть близким (интимным) со всем. Нет различия между этим телом и тем стулом. Это единый поток...

Жизни. Пробуждение или единство — это не совсем «быть близким», это просто видение того, что всё является тем, что оно есть.

Вы делитесь своим внутренним диалогом с женой?

Что вы имеете в виду под внутренним диалогом?

Тем, что вы думаете, что чувствуете...

Нет, не всегда!

Я делюсь, и у меня всегда из-за этого проблемы.

Вы всё ещё пытаетесь что-то делать. Вам сказали, что вы должны быть полностью честны с женой. Это способ попытаться заставить вашу жизнь «работать». Меня это не интересует.

Но если я говорю правду, у меня больше энергии.

«Если я сделаю то или это, моя энергия станет чистой, и я снова в выигрыше». Ради Бога, когда же вы перестанете пытаться выиграть? Всё это — бессмысленная борьба за то, чтобы стать кем-то другим.

Вы говорите о Едином как о безличном, но есть учителя — Рамакришна, например, — у которых были личные отношения с этим безличным существом.

Так он утверждал. Отношения возможны между одним и другим. Но есть только Единое. Вы не можете вступать в отношения с Единым, потому что вы и так оно и есть.

Может быть, он просто пытался опустить это до нашего человеческого уровня.

О Боже (тяжелый вздох)... «Может быть, это не так просто — может, это великая борьба. Может, вам стоит быть как Рамакришна» или как там его зовут. Вот что говорит ум. Ум так привлекает эта агония — «я никогда не буду достаточно хорош». Вы и есть Единое. Вы — божественное выражение. Ничего не нужно менять. Всё в этом совершенно идеально и всегда было таковым. Это прекрасно. Ничего не меняется, кроме видения того, что вы — Единое. Вот и всё. Это предельно просто.

Идея о том, чтобы опустить что-то до «человеческого уровня», порождена напрямую из невежества и высокомерия. Невежество исходит из предположения, что ум может и должен что-то понять, чтобы произошло пробуждение — это порождено глубоким невежеством. То, что сообщается здесь, находится полностью за пределами ума и сердца. Это обращение напрямую к той мудрости, которой мы все уже являемся.

Совершенно простому человеку гораздо легче увидеть это, чем человеку, нагруженному багажом так называемых духовных знаний.

Является ли пробуждение концом страданий?

Давайте без сделок — вы пытаетесь заключить сделку. Ищущие заключают сделки, нашедшие — бросают это занятие. Поиск продолжается, пока есть кто-то, кто жаждет, кто чего-то хочет. Когда того, кто хочет избавиться от страданий, больше нет — остается то, что есть.

Вам не нужно ничего делать. Вам даже не нужно понимать ничего из того, что здесь говорится. Просто знайте, что есть видение. Когда вы выйдете отсюда, знайте, что есть видение; просто видение того, что есть.

А как же карма?

Вся идея кармы, реинкарнации и прошлых жизней — даже идея о том, что у вас есть прошлое в этой жизни — это история. Это просто подкрепление сказки, видимости того, что есть прошлое и будущее.

Видите ли, ум — это инструмент, который единство использует для создания двойственности. Функция ума — разделять и жить во времени. Он продолжает подкреплять идею о существовании времени или прошлых жизней... Обычно вы были великим королем — вы не чистили туалеты; вы были великим целителем или ведьмой... Обычно это довольно драматично.

Идея кармы продвигает мысль о том, что вы жили раньше и действовали определенным образом. В видимости это кажется тем, что происходит, но всё это метафора, притча. Вы живете в притче. Причина и следствие кажутся существующими; в вашей жизни кажется, что причина и следствие есть. И это выглядит реальным — спору нет. Но всё это лишь приглашение для вас увидеть то, что находится за пределами видимости.

Пол Лоу говорит: «Если вы сделаете то или это, это будет иметь эффект».

Эта идея не имеет абсолютно никакого отношения к пробуждению. Нет никакой связи, потому что он предполагает наличие отдельного индивида, у которого есть выбор.

Он говорил о том, чтобы быть обычным...

Он предлагает вам, что вы «должны быть» обычным. Я вам этого не говорю — я вообще ничего вам не говорю. Вам дается ровным счетом ничего. Это сообщение растворяет идею о том, что там есть кто-то, кто может что-то сделать. Это притча; это история. И она так убедительна! Большинство людей полностью убеждены, что это реально, что есть причина и следствие. «Я — настоящий человек!». В сне это кажется реальным тому, кто отделен. Пробуждение — это просто отпадение этой идеи. Вот так всё просто.

Я всю жизнь пытался быть хорошим человеком...

Ужасно! Это так скучно. О, через какую агонию и борьбу мы проходим, чтобы стать кем-то другим! Всё это совершенно тщетно.

Это не имеет никакого эффекта?

Нет-нет. В этом-то и суть — ничто не имеет эффекта, кроме разочарования. И это дар. Тот Возлюбленный, которым вы являетесь, то Единое, которым вы являетесь, говорит вам: «Смотри, продолжай пытаться быть хорошим и убедись, что это не работает!». Оно говорит вам: «Ты и есть Единое». Это дар. Всё это дар, прекрасный, прекрасный дар. Всем этим движет безусловная любовь. Она наблюдает за тем, как мы носимся в поисках её, пытаюсь быть хорошими... А ведь уже есть только присутствие, безусловная любовь.

Это просто так красиво. Я полностью влюблен в это. Я страстно влюблен в это. Это так удивительно. Это так радикально. Это разносит всё остальное в щепки, потому что это исходит напрямую из света и побеждает кажущуюся тьму.

Можете ли вы сказать, что вы подразумеваете под приглашением?

Приглашение — это на самом деле еще одна часть притчи. Приглашение есть, но это лишь видимость приглашения. Как только карточка приглашения принята — никем — тогда никакого приглашения нет, потому что некого приглашать. Но пока есть ощущение, что кто-то ищет чего-то, тогда всё, что видится, осязается и пробует на вкус, является Возлюбленным, Любовником, который говорит: «Ты уже Единое».

Ищущий живет в постоянной благодати. Не может быть ни одного мгновения, когда ищущий не был бы приглашен. Всё это — лишь Единое, являющееся как двое и ищущее самого себя.

Что именно приглашается?

Ну, ничто не приглашается. Но пока кто-то спрашивает: «Кто я? Что я?», ответ находится повсюду. В этом и заключается игра. Есть только Единое. Нет ничего, кроме Единого. Вы — Единое.

Исключает ли это идею о том, что существует совсем другое измерение или мир, который не включен в это единство?

Нет. Если есть ощущение другого мира, то это Единое, возникающее как другой мир. Но дело в том — зачем беспокоиться? Кому нужен другой мир? В другом мире не будет «больше единства», чем здесь.

Это вы в виде стены (указывает на стену). Когда никого нет, это просто видится. В этом нет ничего магического или странного. Единство совершенно обыденно и очень естественно. Это то, чем мы являемся.

В некотором смысле, найти это или не найти — не имеет значения, потому что находить нечего и ничего не потеряно. Когда тело-ум умирает и ум прекращает свою функцию разделения всего на части, остается просто единство. Это может произойти и при жизни тела, что люди называют просветлением; но это всегда случается в момент смерти. Когда ум прекращает это разделение, остается единство. Так что спешить некуда.

Когда мне было пять лет, всё было так просто. Я помню, как думала о том, что случится, когда я умру, и обнаружила себя в этом пространстве. Потом я захотела вернуться к бабушке с дедушкой и вышла из этого пространства. Страх не было.

Когда это становится живой реальностью, страх всё равно может возникать, потому что, в конце концов, здесь нет «отдельного острова». В жизни в единстве есть со-единение (at-one-ness) со всем, а во всём может быть и страх. Это не отрицание чего-либо — это приветствие всего, что проявляется. Однако больше нет никого, кто бы боялся.

С тех пор как я начал приходить и слушать вас, я совсем потерял интерес к тому, чтобы стать просветленным. Я всё еще нахожусь в той точке, где «я» не хочет исчезать, так зачем становиться просветленным? Эта идея кажется ужасной. Но происходит вот что: это нежелание куда-то попасть влияет на мою жизнь, на то, что я делаю и куда иду. Мне уже не так интересно ходить к учителям, потому что это бессмысленно.

Это отлично. Замечательно.

И еще: после возвращения с ретрита в Голландии был момент, когда я увидел, что то, что смотрит через эти глаза, — то же самое, что смотрит через все эти глаза. Иногда это чувство возвращается, и это очень волнующе. Так что что-то происходит, и в то же время идея «меня» сильна как никогда.

Давайте вернемся к началу того, что вы сказали, потому что здесь может быть недопонимание. Всё, что на самом деле отпадает — это ищущий, тот, кто обделен и что-то ищет. Здесь больше не стоит вопрос о том, где «оно» находится, потому что это и есть оно.

Но вы не потеряете свой характер, этот уникальный характер. Он не только останется — он будет еще больше праздноваться; он просто расцветет в этом бытии. Всё, что на самом деле отпадает, — это тот, кто борется, чтобы что-то найти.

Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что не хотите оставлять «меня». Если вы имеете в виду себя как персонажа, характер — вы его не оставите. Всё это будет тотальным праздником, потому что больше нет поиска чего-то другого. Это просто отпадение ищущего. Вам не нужно приходить сюда, вам не нужно никуда идти. Никто ни в ком не нуждается.

Я не чувствую, что я «понял» это.

Это приходит — правда! Влюбленность в деревья, в автобусные остановки...

Когда вы это говорите, я замечаю, что нет даже предвкушения. Просто так приятно быть здесь.

Абсолютно!

Моя вера в то, что я должен что-то сделать, чтобы всё стало лучше, сидит очень глубоко.

Так идите к терапевту. Что в этом плохого? Это абсолютно идеально. Нет ничего правильного или неправильного. Всё есть то, что оно есть. Если в данный момент суждено ходить на воркшопы и улучшать жизнь — значит, так оно и есть.

То, что здесь сообщается: «Расслабьтесь! Всё в порядке — зачем сомневаться?» Я думаю, современная терапия — это самая разумная вещь для того, чтобы заставить свою жизнь работать. Нет сомнений — это работает, на какое-то время... И это увлекательно, потому что всё это про МЕНЯ. «Я ведь очень-очень важен, не так ли? На самом деле, мой процесс гораздо важнее твоего!»

Не могли бы вы поговорить об одиночестве или чувстве одиночества? Вчера, когда я ушел, я чувствовал себя очень сильным, в полном единстве. Потом через какое-то время я остался один, и я увидел, как возвращается персонаж с эмоциями, реакциями... Барри Лонг говорил, что ум подобен собаке, которую нужно держать на поводке. Либо я что-то делаю, чтобы отвлечься, либо эти мысли продолжают приходить.

Так что же видит это?

Я вижу, но это так сильно!

Да, это случается... Но что-то внутри видит это всё чаще и чаще. Как только появляется видение, что с этим ничего нельзя поделать, открывается совершенно новый мир. Пока вы убеждены, что можете что-то сделать с возвращающимся персонажем, с этим умом, который нужно держать на поводке — пока это есть, присутствует некое чувство воли. Когда вы отпускаете это, открывается целый новый мир.

Просто продолжайте отпускать. Просто будьте беспомощны и видите, что персонаж здесь. И возвращается уединенность (aloneness) — не тоскливое одиночество (loneliness), а именно уединенность.

Когда Тони Парсонс шел через парк и «Тони Парсонса» не стало, одним из сопутствующих чувств была тотальная уединенность. Было внезапное видение, что то, что я видел, обычно не видится. Я не мог подойти к кому-то и сказать: «Ты — Единое», — меня бы сдали в местную психушку.

В каком-то смысле, на самом деле каждый одинок. В разделенности мы одиноки и чувствуем себя брошенными, потому что не можем ни до кого по-настоящему дотянуться. Вы никогда не узнаете, насколько зеленый мой стол — это часть притчи. После пробуждения вопроса об одиночестве не возникает, потому что есть только Одно и Всё.

Это не значит, что я мог бы стать вами или вторгнуться в то, чем вы являетесь. Мне это больше не нужно. Мне больше не нужно никуда вторгаться или куда-то попадать. Я в раю — я и есть рай.

Если я правильно понимаю, вы чувствуете, что вы — Единое. Это звучит довольно абстрактно.

Для ума это звучит абстрактно, но это реальнее всего остального. Единство — единственная реальная вещь. Пока мы отделены, мы живем в абстрактном мире; мы живем в мире побега от жизни. Терапевты говорят мне: «Разве вы не говорите об избегании жизни?» Они думают, что я говорю о чем-то под названием «отстраненность». Это не имеет никакого отношения к отстраненности. Это о том, чтобы быть жизнью самым интимным, самым полным образом. В разделенности мы как раз и живем в абстрактном мире — мире мыслей. В естественном состоянии единства нет ничего абстрактного. Оно очень непосредственное, прямое. Это влюбленность в «это». Нет ничего, кроме «этого».

Я думаю, это связано с безличностью. Для личности безличное кажется совершенно холодным.

Да, это кажется именно так. «Увидеть лик Бога и смутиться» — как будто это не имеет связи с любовью или жизнью. Но безличность в каком-то смысле должна быть частью этого, потому что безличность связана со свободой. Больше нет никаких крючков ни в чем. Жизнь — это просто жизнь. Вот где проявляется природа безличности. Больше нет чувства, что одно правильно, а другое нет. Всё есть то, что оно есть. Это связано со свободой, с освобождением, а также с безусловной природой любви.

Откуда берется страх?

Он просто возникает. Откуда берется дерево? Всё возникает из Единого. Страх берется из ниоткуда. Уму кажется, что страх приходит вместе с историей типа «Она меня не любит» или чем-то подобным. Это на самом деле лишь история. Сам страх живой — история же просто информация.

Я думал, страх возникает потому, что я отделен.

Да, разделенность — корень страха, но когда никого нет, страх всё равно может возникать. Когда никого нет, это «никто» является всем и живет в видимости, где возникает страх. Давайте также проясним: даже после пробуждения чувство разделенности может возникать, но ему не за что зацепиться, поэтому оно уходит. Как только Единство утвердилось, Оно видит всё; страх может прийти, быть увиденным и отпасть — всё преходяще.

Я знаю учителя, который хвалит людей, когда они способны наблюдать, и ругает их, когда они возвращаются к старым привычкам.

Это практика чистого дуализма. Здесь вы можете быть вполне счастливы, потому что я вообще в вас не заинтересован и вижу, что там нет никого, кто мог бы выбирать.

Пробуждение приносит с собой воплощение или брак полярностей, что и есть освобождение. В наши дни всё чаще случается так, что люди ловят проблеск, а затем бегут становиться гуру. Всё это еще не было воплощено. «Мудрость — это знание того, что ты ничто; любовь — это знание того, что ты всё». Если вы остаетесь только в мудрости, там всё еще есть тонкое «я». Оно хочет, чтобы что-то извне дополняло его, подпитывало. Есть

заинтересованность в том, чтобы что-то доказать; есть тонкое «я», которое чего-то хочет. Пока это есть, нет ясности; есть инвестиция в происходящее.

У меня нет никакой инвестиции в происходящее. Я чувствую себя точно так же, сидя здесь, как и в своем саду дома. Неважно, хочет ли кто-то оставаться в терапии и налаживать свою жизнь — это то, что возникает; это божественное выражение. Здесь нет никого, кто был бы хоть капельку заинтересован в обратном; нет никого, кто хотел бы, чтобы всё было иначе. Здесь есть влюбленность в то, что есть.

Весь подтекст того учения, о котором вы говорите, заключается в том, что есть куда идти. Я не заинтересован в том, чтобы вы кем-то становились, потому что вы уже это.

Вы иногда жалуетесь?

Да, особенно если кофе недостаточно горячий. Когда мы останавливаемся в отелях, почти всегда, когда приносят кофе утром, он не горячий. Даже в Германии! В Англии это можно понять, но в Германии — это портит мне весь день!

Одна из моих концепций лучшей жизни — не жаловаться.

Подождите, давайте остановимся. Разве ум не чудесен? Вчера вы сказали мне, что одна из вещей, в которые вы верите, — это быть полностью честным с женой, и это принесло вам ужасные неприятности. Вчера это была «полная честность». Но сегодня, когда приносят холодный кофе, вы его просто пьете — и это уже не честность — потому что одно из других ваших убеждений гласит, что вы не должны жаловаться. Всё это глупая противоречивая чепуха. Когда ваша жена сбежит с молочником, вы не будете жаловаться или будете честным?

Я заплатил столько денег за всё это — за честность, за нежалование...

Да, я могу себе представить.

Я слышал, вы говорили, что когда кто-то просыпается, это очень помогает миру, приносит свет. Это меня очень тронуло.

Если в мире есть кажущиеся люди, которые ищут, и они встречаются с кем-то, кто на самом деле является «ничем», тогда они расширяются в это. В общем смысле, во всеобщем смысле всего — разницы нет. Но пока есть ищущий, который спрашивает, пребывание с тем, кто является «ничем», — это способ, благодаря которому может произойти расширение. Потому что они видят свою изначальную природу. Они видят то, чем они являются. Может произойти отпускание этой зажатости.

Попытки помогать другим могут быть побегом. Это может быть просто еще одним способом избежать открытия того, что вы — ничто. Когда единство принято или воплощено, вопрос о помощи кому-либо не стоит — нет никого, кто нуждался бы в помощи.

С моей двухлетней дочерью мне кажется, я ясно вижу, как у неё возникает чувство, а затем она придумывает историю, чтобы подогнать её под это чувство.

Она уже отделена, очевидно.

Да, есть сильное чувство «я» и «я хочу».

Прелестно. У меня было четверо детей, и они всю жизнь занимались строительством эго. Они были монстрами — я мог бы пристрелить их всех! Это игра в разделенность. «Я отделен, и теперь я буду по-настоящему отделенным, самым важным отдельным человеком в мире!»

Разве для того, чтобы стать более радостным и сочным в жизни, я не должен стать более уязвимым?

О, вот еще одно! Сначала была честность, потом «не жаловаться» — а теперь «быть более уязвимым». Это всё о том, каким вы «должны» быть. Кто собирается быть таким? Никого нет, так как же кто-то может стать уязвимым?

Можете ли вы сказать что-нибудь о браке, отношениях мужчины и женщины, для чего они нужны?

В каком-то смысле можно сказать, что всё является приглашением, но одна из очень мощных ситуаций — это отношения мужчины и женщины (или мужчины и мужчины, женщины и женщины). Но скажем для простоты: отношения мужчины и женщины — это лишь еще одна видимость. Мощно в них то, что они в некотором роде очень сильно представляют то, о чем мы говорим. Мы говорим здесь о браке, о финальном союзе мужской и женской энергии в одно целое.

Можно сказать, что влюбленность — это самое близкое к тому, чтобы попробовать на вкус единство. Влюбленность — которая для меня даже за пределами сексуальности — подобна обожанию. Есть чувство потери себя. Всё, что существует — это Возлюбленный. После этого вы хотите вступить в отношения с этим человеком, и тогда приходят сексуальность и всё остальное. Когда вы занимаетесь любовью, может снова произойти потеря себя на мгновение; нет реального осознания того, что вы женщина, а я мужчина. В такого рода энергии может произойти пробуждение.

Сексуальность так мощна, она так связана с жизнью; она представляет собой сотворение жизни. Трудность в том, что ум продолжает возвращаться к «мне», вступающему в отношения с «тобой», и продолжает делать вас объектом, а меня субъектом. «Ты — человек, с которым я буду в отношениях, и ты там, а я здесь». Упускается то, что на самом деле между вами и мной нет отношений; между вами и мной нет пространства. На самом деле вы — это я, а я — это вы.

Встреча мужского и женского представляет собой встречу льда и пламени. Оба элемента гасят друг друга и превращаются в пар, и тогда остается ничто. Это ничто освобождения — финальный брак, который за пределами пола, за пределами кажущегося дуализма мужского и женского.

Одна вещь, которую я заметил в людях, ищущих просветления: мужская энергия хочет жить в башнях из слоновой кости или уходить в то, что я называю «стеклянным ящиком». Они

хотят стать чистым осознанием, наблюдать за возникающими объектами и видеть, как они снова исчезают. И единственное, чего они смертельно боятся — это женская энергия, потому что на самом деле они боятся близости (интимности); боятся сгореть в огне близости. Желание находиться в этом холодном месте — это то, что я называю мужской чертой.

Вот почему религия настроена против секса и против женщин — главным образом потому, что религиозное влияние было патриархальным. В основе своей мужская энергия боится огня жизни. А женская энергия боится безличности... Так происходит брак того, что кажется полярностью.

Давайте, однако, проясним: людям не обязательно вступать в гетеросексуальные или гомосексуальные отношения (или вообще в какие-либо), чтобы это слияние произошло, просто потому что все элементы мужского и женского есть внутри каждого человека.

Для меня было важно обнаружить, что всё, что я делаю — это сделка; у всего, что я делаю, есть цель. Склонность искать смысл очень сильна.

Как только мы становимся отдельными, мы обуславливаемся защищать себя от этого чужого мира, в котором нам снится, что мы находимся. Весь наш образ действий после этого — это, в каком-то смысле, заключение сделок. Мы живем в мире «Что я могу от этого получить?» или «Чем это мне угрожает?». В разделенности мы откладываем в сторону нашу невинность, нашу детскость... Мы становимся деловыми людьми.

Но нам нужно это делать. Вся драма в том, чтобы потерять рай, чтобы обрести его снова. Раньше, когда рай был, не обязательно было знание об этом.

Что вы имеете в виду, когда говорите, что мой взгляд на вас — это мой собственный взгляд на самого себя?

Я не могу объяснить это... Это неопишимо, но при этом совершенно обыденно и естественно. Одна из трудностей, с которой сталкиваются люди, приходящие на эти беседы, заключается в том, что они повсюду ищут единство, думая, что это нечто магическое, особенное, и что всё должно измениться... Это не так. Скорее, это похоже на то, что нечто уходит — а именно двойственность. Уходит разделенность. Чтобы оставаться отдельным, нужна энергия; над этим нужно работать. Каждое утро, просыпаясь, мы заново конструируем свое «я». Вот почему к концу дня мы так измотаны.

Имеет ли тишина отношение к отсутствию мыслей?

Тишина — это то, что видит мысли. Неподвижность — это не неподвижность ума, это то, что видит наличие мысли. Можно сказать, что всё исходит из тишины. Тишина — это отсутствие, она ни в чем не нуждается. Мысли возникают из тишины и впадают обратно в тишину... это и есть проявление единства.

**Энсинитас, США
сентябрь 2001**

В такой день, как сегодня, хорошо бы оставить любые ожидания. Хорошо бы полностью отодвинуть того парня, который сидит здесь и чего-то хочет, хочет что-то получить. Если может произойти движение назад — просто легкое движение прочь от любой идеи, что что-то должно случиться; если можно просто «сидеть в этом», то это самое ценное, что может быть в такой обстановке.

Я ничего вам не дам — вам ничего не нужно. Вы сидите внутри всего — вы и есть всё. Просто у некоторых из вас есть вера, что это не так; есть какая-то идея, что вы «не понимаете». Но вы никогда не поймете — это не «вы» собираетесь понять. Когда вы уйдете с дороги, тогда оно и обнаружится.

Оно всегда здесь — любовь и бытие всегда присутствуют. Именно это движет всем проявленным — присутствие. Есть только присутствие, есть только осознанность, и есть тела-умы, которые несут эту осознанность и верят, что они — отдельные личности. И верят, что им как отдельным личностям нужно что-то получить, что-то должно произойти — какой-то взрыв. И что после этого взрыва всё будет выглядеть иначе, а все чувства разочарования и страха просто испарятся.

Всё совсем не так. Страх всё еще может быть здесь, и гнев... Всё, что кажется происходящим в мире, в этом кажущемся мире, всё еще может быть в этом теле-уме — просто потому, что это есть во всём. Я — это всё, я — всё, что есть, и это включает любой гнев, возникающий где угодно в этой осознанности.

Так что просветление или пробуждение не имеют ничего общего с личными качествами — отбрасыванием желаний или эго. Это просто традиционная чепуха. Прекращение мышления... Мышление может происходить здесь, эго может проявляться здесь, всё что угодно может случаться здесь, потому что это и есть безусловная любовь. Это абсолютно нейтрально. Это освобождение. Оно охватывает всё. Я принимаю всё, что возникает, я и есть всё, что возникает — всё. Здесь не может быть исключений или отрицания. В пробуждении нет отрицания — всё объято Возлюбленным, всё интимно объято Возлюбленным. Всё возникающее — это Возлюбленный, и Возлюбленный обнимает Возлюбленного.

Вам ничего от меня не нужно, потому что вы и есть Возлюбленный, и что бы ни происходило в этом теле-уме для этого тела-ума — это и есть Возлюбленная. Кажущийся ищущий всегда находится внутри приглашения — приглашения увидеть, что вы и есть Единое; что вы и есть тот свет, который позволяет этому творению быть.

Ничего нельзя сделать, потому что некому делать. Пробуждение — это просто реализация того, что никого нет; нет отдельного индивида. Иллюзия отдельного «я» отпадает, и остается то, что уже есть — что всегда есть — один неизменный Возлюбленный, Единое, Абсолют.

Так что происходящее здесь на самом деле очень буднично; то, что здесь доступно, очень естественно и просто. Это так же просто, как сидеть на стуле.

Когда сидите на стуле, пусть будет просто «сидение на стуле». Нет никого, кто сидит на стуле, но сидение на стуле происходит. Видение — это когда никто не видит; есть просто видение. Слышание — никто не слышит; есть просто слышание. Все чувства просто случаются; всё это приглашение Возлюбленного. Так пусть будет просто видение, пусть будет просто слышание, пусть будет просто сидение на стуле. Пусть будут чувства — чувство скуки, чувство разочарования... Пусть будут мысли — «я не понимаю», «о чем этот парень говорит?». Пусть это будет — всё это Возлюбленный, всё это приглашение. Нет ничего, что не было бы приглашением для кажущегося ищущего.

Вы живете в тотальном приглашении, постоянно. Вам никогда не уйти от тигра, вам никогда не уйти от Возлюбленного. Вы не можете сбежать от того, чем вы являетесь — от источника безусловной любви. Вы — Абсолют, вы — источник, вы — то ничто, из которого возникает всё. И это «всё» включает то тело-ум, ту личность, которой вы себя считали или считаете. Оно включает саму идею о наличии там индивида. Драма этого проявления — лишь поиск, призванный обнаружить, что никого нет.

Как только это увидено, начинается великое приключение, наступает свобода, и она расширяется... Сначала видится, что я — это возникающая осознанность, затем принимается что-то еще, интегрируется, и в конце концов не остается никакой идентификации любого рода. Есть только то, что за пределами слов.

Так что Тони Парсонс не живет в осознанности, или в постоянной внимательности, или в чем-то постоянном. Больше ничего не «происходит» — просто жизнь, бытие жизнью, без вопросов об этом и без суждений.

Мы не говорим об отстраненности — мы говорим о любовном романе. Просто откиньтесь назад, ничего не ждите, и Возлюбленный явится.

Это как идти сквозь джунгли с огромным мачете под названием «становление», «усилие» или «ожидание», прорубая все эти листья на пути, чтобы куда-то пробраться. И вы идете и идете, рубите и рубите с этим великим чувством усилия. Вы полностью выдыхаетесь, падаете на землю и сдаетесь. И тут из леса выходит олень и лижет вас в нос.

Это очень просто и совершенно мгновенно. Это прямо здесь. Это всё, что есть.

Если кто-то хочет о чем-то спросить, мы можем обсудить это как друзья.

Тот факт, что есть просто осознанность — в моем понимании это звучит совершенно нейтрально. Просто пустота, осознанность — ну и что? Но в то же время — и мой собственный опыт, кажется, подтверждает это — когда этому «ничто» просто позволяют быть, проступает эта удивительная любовь. Значит, есть что-то, называемое любовью, что не является просто осознанностью...

И что такое любовь? Это какая-то энергия? Это обязательство? «Обязательство» — неподходящее слово, но является ли она силой, которая хочет проявиться, но не проявляется, потому что она перекручена или неправильно истолкована? Вы понимаете, что я пытаюсь сказать?

«Абсолютная мудрость видит, что я ничто; абсолютная любовь видит, что я — всё». (Это не мои слова). Всё порождено безусловной любовью — всё это лишь безусловная любовь, проявляющаяся как стена, цветок или свеча. Это безусловная любовь «свече-ствует». Вы — безусловная любовь, «Билло-ствующая» или «Джо-ствующая» (то есть, это тело-ум является таковым). Всё это порождено полностью освобожденной безусловной любовью — которая за пределами нашего обычного представления о любви, которая обычно нуждается в чем-то, хочет чего-то и требует чего-то.

Эта любовь полностью лучезарна; она заполняет всё. Но она также нейтральна в том смысле, что позволяет всему быть. Это тотально свободная любовь, которая допускает любое проявление. Ничто не может существовать вне этой любви, включая Гитлера или любого другого «злодея», который сидит у вас в голове.

И, конечно, пробуждение — это нечто большее, чем просто идея осознанности. Некоторые учат, что пробуждение — это видение того, что «деятеля» нет; что сознание — это всё, что есть. Но есть нечто, что знает, что сознание — это всё, что есть... это и есть Возлюбленный... это высшее... это то, чем вы являетесь. В идее «просто осознанности» есть некоторая застреваемость. Что-то еще не расцвело — безусловная любовь.

Я рискну и скажу от лица большинства из нас, у кого эго всё еще возникает, пока вы сидите на сцене и говорите с позиции пробужденного, как вы утверждаете. Мой вопрос: я знаю, что идти некуда, как вы говорите, и некому идти, но как человеку приподнять эту завесу, если можно так выразиться?

Вы не можете, вы никогда этого не сделаете. Вы не можете приподнять завесу, потому что завеса — это и есть идея о «вас».

Как же её отбросить?

Человек её не отбрасывает — она отпадает сама через видение того, что никого нет. Никого нет. Там никого нет — есть просто, если хотите, пространство, в котором вещи якобы происходят (только якобы).

Это ощущение смещения за спину того парня, который всегда был рядом... Ну, вы знаете, того кажущегося парня, который всегда был рядом... И прямо за этим кажущимся парнем находится тот, кто знает этого парня, стоящего там и смотрящего на меня. Вы это знаете; вы знаете, что там, чуть позади, что-то есть. Каждый в этом зале знает, что есть что-то «сразу за», наблюдающее за тем, как они сидят здесь и смотрят на это. Кстати, происходит следующее: вы слушаете самих себя. Это я говорю с самим собой, и что-то внутри это знает.

Значит, практика бесполезна? Любого рода практика?

Кто будет практиковать? Кто — тот парень, который собирается «дойти»? «Я буду продолжать практиковать, пока не дойду...» И таким образом он постоянно находится в состоянии «дохождения». Но куда он пытается дойти? Идти некуда. Это оно и есть, как оно есть. Практика лишь укрепляет чувство «меня практикующего». Это работа духовного эго.

Но мне кажется, что противоположностью практики было бы просто продолжать жить как все... Знаете, огромное большинство людей в мире просто живут своей жизнью, путями своего эго.

Абсолютно, и это чистейшая медитация. В каком-то смысле все ищут. Все они там ищут чего-то, будь то богатство или что угодно еще. На самом деле они ищут «это». Каждый является ищущим, но как только приходит осознание того, что искомое находится за пределами вас («я»), появляется готовность умереть.

Тогда наступает колоссальное расслабление, и вы можете просто стоять так, как стоите, и быть такими, какие вы есть, и ничего не должно меняться — это абсолютно божественно и идеально уместно. То, какие вы есть — изысканно. Это полная смена восприятия. Речь не о том, что «я мог бы быть лучше» или «мне нужно измениться»... Всё ровно наоборот: вы видите, что то, что вы есть — совершенно изысканно, именно такое, как есть, со всеми невротами и проблемами, которые, как думает тело-ум, у него есть. Именно таким оно и должно быть в своем уникальном виде.

Я ценю то, что вы говорите, правда, но вот что я хотел бы сказать: для Тони Парсонса, прежде чем вы осознали это пустое пространство, вы ведь тоже были в каком-то поиске, вы искали... Я имею в виду, судя по вашей книге и по тому, что я читал... Не знаю, назвали бы вы это практикой, но вы ведь стремились, искали, верно? Был своего рода квест: «В чем смысл этой жизни?». И это отличается от обычного парня с улицы, который просто живет как живется.

Это последний сделанный шаг... Я имею в виду, большинство людей живут свою жизнь, не ища, скажем так, просветления. В момент смерти, конечно, они находят то, что искали всю свою жизнь, потому что они никогда от этого и не отделялись. Но в жизни, когда возникает поиск финального разрешения — да, это последний поиск, но это всё тот же поиск. Просто вы сузили его до финальной точки (которая, кстати, является смертью «вас» — это и есть финальная реализация: что никакого «вас» нет). Но тот поиск «снаружи» так же священен, как и этот поиск «здесь». В этом нет ничего более достойного по сравнению с тем — просто кажется более достойным быть искателем просветления, а не богатства.

Кажется, что с точки зрения тела-ума существуют эмоции, весь спектр возникающих чувств, и при этом там есть наблюдатель или свидетель — вернее, само свидетельствование, наблюдение за происходящим. Но есть ли в этом разные уровни, углубление или уточнение этого узнавания... ?

Послушайте, что касается меня, то наблюдение всё еще относится к уму. Для меня слово «самонаблюдение» — это просто ум, наблюдающий за умом, или ум, наблюдающий за тем, что кажется происходящим. Это не имеет никакого отношения к пробуждению, потому что обычно в самонаблюдении присутствует какое-то суждение или анализ происходящего и потребность это изменить. Это не имеет отношения к освобождению — это имеет отношение к манипуляции.

Безличное наблюдение — это другой феномен, который возникает, когда кто-то открывается открытию своей истинной природы. Прежде всего, кажется, что есть наблюдатель — вот почему я предлагаю людям почувствовать, что за их спиной есть что-то, что наблюдает за тем, как они сидят здесь и смотрят на меня. В каком-то смысле это определенно первый проблеск для многих.

То есть это своего рода всеобъемлющее наблюдение?

Да, но и оно в конце концов отпадает. Так же, как в итоге отпадает приглашение. Как только приглашение принято, в нем больше нет нужды. Так что наблюдение и приглашение — это, можно сказать, предварительные шаги или предварительные события (это звучит как процесс, но это не так), которые, кажется, возникают при открытии к реализации нашей истинной природы.

Для меня, Тони Парсонса, когда это наблюдение еще присутствовало, оно ощущалось где-то там (указывает за голову). У кого-то оно разлито по всему телу, у кого-то — в голове. Это простое видение того, что возникает, без какой-либо нужды это менять. Это самое начало пробуждения. Начальное чувство безличности.

Хорошо, и в этом начале пробуждения, когда человек углубляется в эту удовлетворенность, испытывает ли личность эмоции? Есть ли такой уровень углубления, где они вообще не возникают?

Нет, они возникают. Мы возвращаемся к тому факту, что это не имеет никакого отношения к индивидуальности. Эмоции возникают в этом теле-уме. Я должен сказать, что для этого тела-ума в них больше нет драмы, в них нет сильного заряда — просто возникает эмоция, живет несколько секунд, и её больше нет. Но давайте проясним: эмоции возникают, потому что «я есть это», «я есть то». Это не относится к индивиду — это относится ко всему проявлению. И в данный момент для этого тела-ума всё творение — это «вот это». Это и есть творение, больше ничего нет, ничего другого не существует.

Если быть точнее, возникает ли какой-то «заряд» по мере углубления?

Когда вы говорите «заряд»... в эмоциях или чувствах есть энергия, у них есть заряд... Смотря что вы под этим понимаете.

Например, «крючок», за который цепляешься...

Нет.

Заряд, который создавал бы сжатие.

О, сжатие может случаться, да. Но оно просто есть — а потом его нет. В этом ничто не может жить долго. Там нет никого, кто «принимал бы поставку» этого сжатия. Я вынужден постоянно возвращаться к тому, что пробуждение не имеет абсолютно никакого отношения к этому индивиду. Я не освобожден... И если кто-то скажет вам, что он освобожден — уходите, или просто скажите: «Ага, конечно, а я — Шекспир». Это бессмысленно. Есть только освобождение, есть только свет, и это — свет. Я не вижу здесь никого — я вижу только бытие в форме кажущихся людей. Здесь никого нет.

Вы упомянули своего рода кажущуюся последовательность, через которую проходят разные люди. Вы намекнули, что что-то начинается, затем разворачивается что-то другое, и это перерастает в нечто большее... появляется что-то обладающее большей мерностью или полнотой. Вы также упомянули, как это открытие началось для вас. У моей жены был похожий опыт — наблюдение из-за головы.

Для разных людей всё всегда будет по-разному, поэтому я с неохотой задаю этот вопрос — не хочется выстраивать последовательность, которая создаст проекцию. Но мне кажется очень полезным в тех переходах, через которые мы проходим, получить представление о стадиях в общем смысле — что всё начинается определенным образом, есть какие-то признаки, оно как-то обогащается внутри себя, меняется вкус, тон, масштаб...

Да, определенно, что касается Тони Парсонса, то перед той прогулкой по парку было ощущение этого наблюдателя, который внезапно появился. Я как будто что-то делал, и был этот парень, который наблюдал — безличное наблюдение, просто наблюдение. Оно было абсолютно безличным — в каком-то смысле пугающим, немного странным из-за своей безличности.

Казалось ли, что вас двое?

Да, в каком-то смысле — наблюдатель и я.

Они были в равном балансе?

Нет, наблюдатель был абсолютно больше меня, больше моего чувства «я». Не забывайте, что для меня всё это началось в христианстве. Я недолго пробыл в христианской традиции (это другая история), но в основе своей было чувство, что «Бог наблюдает». Но это быстро отпало, когда я осознал, что такого понятия, как «Бог», не существует.

И я замечаю у других людей (очевидно, больше в Лондоне и так далее), что есть люди, которые больше не являются людьми. Пробуждение случилось, и я вижу, что у некоторых из них перед этим было чувство наблюдения... Но для каждого это уникально. (Определенно, то, как они описывают это открытие, различается).

У некоторых людей сначала наблюдается усиление того, что они называли бы невротическим поведением. Как только появляется открытость к тому, чтобы отбросить «меня», это «я» врубается и палит из всех пушек — у некоторых, не у всех. Мне звонят люди и говорят: «Боже, мои худшие страхи сбываются! Что происходит?» Так что это, похоже, часть процесса.

Другая вещь, которая случается с людьми — это пустыня. Очевидно, мы говорим здесь о полном обесценивании и опустошении любых идей или концепций, которые у нас есть о нашей собственной жизни и её ценности. Давайте проясним — насколько я понимаю, ни у кого здесь нет «жизни». Ничья жизнь никогда не «заработает» — в этом вся идея. Мы думаем, что у нас есть жизнь, которая наладится, или мы пытаемся её наладить — но этого никогда не происходит. В этом всё дело — наличие кажущейся жизни сводится к глубокому разочарованию. Это и есть приглашение, это и есть любовь. Разочаруйся — и тогда ты согласишься посмотреть в другую сторону.

Довольно много людей приходят на мои беседы в Лондоне и продолжают приходить — это единственное, что я бы рекомендовал: приходить и слушать это... Потому что ум продолжает говорить «Да, но... Да, но...». А потом сдаётся; он просто сдаётся. Так что довольно многие уходят в пустыню, потому что теряют чувство ценности собственной жизни. Они фактически теряют надежду — больше нет надежды, что станет лучше или что они смогут заставить свою жизнь работать. Они бросают это.

Так что для некоторых — опять же, не для всех — наступает период хождения по пустыне (совсем как Христос в пустыне), когда старая жизнь потеряна, леса рухнули, старой жизни больше нет. У них больше нет ценностей, им нечем вдохновляться — и они еще не влюбились. В Лондоне, в Англии, довольно много людей ходят по такой пустыне... в Голландии это тоже происходит.

Это не всегда так, но для многих это часть того, что происходит — и они звонят мне и жалуются! Всё, что я могу им сказать: «Просто продолжайте быть интимно близкими с этим, с чем угодно... Просто видите то, что есть, и тогда начинает случаться эта "влюбленность"». Больше ничего нет, ничего другого не существует, нет никакой надежды... Есть только это — правда. И всегда есть только это.

Ваши формулировки в книге «Как оно есть» помогли мне ослабить идею личности. Например, идея «божественного выражения» или «проявления сознания» как-то помогает отпустить чувство собственности... Мне было интересно, не могли бы вы сказать что-нибудь о том, как привести сердце в эту пустыню, о близости с тем, что есть.

Одна из трудностей, с которой сталкиваются кажущиеся люди при приближении к Возлюбленному или пробуждению, — это то, что можно назвать «мужским подходом». (И я не имею в виду гендер. Нет таких понятий, как мужчина или женщина — есть просто тела-умы, имеющие склонность к более маскулинному подходу, и другие, имеющие склонность к феминному).

Трудность более мужского подхода в том, что он склонен быть довольно сухим, связанным с пониманием, и в нем обычно много инвестиций в идею «осознанности». Почему-то идея быть «просто чистой осознанностью» дает чувство безопасности: «Я в безопасности, будучи осознанностью и позволяя вещам возникать. Мне больше не нужно ни во что вовлекаться. Мне никогда не придется вовлекаться в какую-либо близость. Я могу оставаться холодным в своем стеклянном ящике осознанности и позволять вещам возникать. Это финальное освобождение — наконец-то я свободен от необходимости быть живым».

И в какой-то мере мы обусловлены этим традиционным учением, существующим тысячи лет, которое исходит из мужского взгляда на чистоту, воздержание и сухость.

Это уж точно не весело.

Нет, это не весело, но это очень притягательно, пока хочется оставаться в безопасности. В то время как освобождение — это на самом деле брак отстраненности и преданности.

Есть эта ясность, эта прекрасная ясность, в которой чувствуется мужское начало. В этой ясности есть что-то чистое, красивое и изысканное... Но в ней нет приземленности женского начала; нет приземленности любви, глубокой близости, реального замеса в «грязи» жизни. Это лишь часть, это лишь частичная вещь, и она нуждается в браке с интимностью.

Поэтому, когда возникает чувство пребывания в этой засушливой пустыне, я предлагаю людям начать становиться очень интимными с самим фактом стояния здесь, чувствовать тело, открываться тому, что в нем происходит, становиться мягкими и податливыми и позволять сладости этого настоящего момента пропитать всё существо, пропитать осознанность — чтобы эта сторона пробуждения могла войти.

Потом, конечно, всё заканчивается — больше нет того, чтобы одна сторона была сильнее другой. Это готовность удивляться неведомому; это азарт неведомого в жизни, которому мы начинаем удивляться. Вот на что это похоже.

Спасибо.

Знаете, это всё очень, очень сексуально. Пробуждение — это очень сексуально.

Разве это не то, чему учит тантра?

Да, тантра была первой религией. Ну, скажем так, она была первой идеей, которая, к сожалению, стала организованной. Блестящие идеи, лучезарные идеи становятся организованными, превращаются в религии и умирают. Но да, это о тантре.

Это как тот монах, который пришел работать в монастырь, где переписывали все священные писания. Ему тоже пришлось их переписывать и переводить, но он заметил, что монахи переводят с копий оригинальных текстов. Не с оригиналов, а с копий оригиналов. Он подумал, что в копиях могла закрасться ошибка, и спросил настоятеля, может ли он спуститься в подземелье к самым первым свиткам.

Он спустился, и через два дня люди заметили, что он пропал. Они пошли вниз и увидели этого монаха, который рыдал навзрыд. Они спросили: «Что случилось?». А он ответил: «Я читал оригинальные писания и вдруг увидел, что слово там не "celibate" (целибат, безбрачие), а "celebrate" (праздновать)!»

Я думаю, трудность с такими вещами, как тантра, в том, что ум хватается за идею, будто он может найти Бога через секс, и тогда это становится очередным «путем». Не видится то, что мы *всегда* находимся в сексуальном акте, мы всегда в этой интимной близости. Эта близость, этот Возлюбленный никогда не покидает нас. Возлюбленный всегда окутывает нас, метафорически выражаясь. Мы всегда в этой любви, всегда.

В некоторых тибетских формах тантры любовь — это постоянный контакт с энергией жизни, и сексуальная часть здесь не является чем-то особенным, потому что *всё* является этим, и это просто тотальное открытие жизни.

В самом обычном смысле.

Вчера вечером вы говорили о ценности медитации — прежде всего о том, что если делать её достаточно долго, то станет скучно. Мне было интересно, что именно вы имели в виду под «станет скучно» — что ты бросаешь попытки чего-то достичь или как-то изменить себя? Ты просто принимаешь... Ну, вещи просто случаются так, как случаются, и ты не пытаешься с этим ничего делать?

Да, ну, в медитации вы пытаетесь достичь какого-то состояния бытия, поведения. Вы пытаетесь пробиться к идеям о том, каким бы вы могли быть... Но вы никогда таким не станете. Нет никого, кто мог бы выбрать — принимать или сопротивляться, так же как нет выбора в вопросе формальной медитации. В реальности каждый в мире медитирует.

Принимая жизнь такой, какая она есть?

Ну, они пытаются не принимать, но и это тоже божественное выражение; сопротивление жизни — это тоже божественное, сопротивляющееся жизни. Формулы нет. Медитация — или отсутствие медитации — не принесет ровным счетом ничего. Принятие жизни — или непринятие жизни — не принесет ровным счетом ничего. То, что может произойти — это реализация полной беспомощности, а за пределами этой беспомощности — начало конца идеи о том, что там кто-то стоит.

Но вы не можете этого сделать; никто не может этого сделать. Никто ничего не может сделать, потому что некому выбирать.

И это то, что вы имели в виду под «станет скучно от медитации»?

Да, это отказ от идеи, что этот парень может что-то сделать.

Отказ от всего — это просто случается? Никто этого не делает?

Да. Я думаю, часть этого — также видение того, что именно то, что вы есть и что вы якобы делаете, и является приглашением. Вам не нужно ничего делать. То, как вы встаете со стула, выходите из комнаты и садитесь в машину; то, как вы едите свой ланч; то, как вы дышите; то, как вы смиренно сидите здесь и смотрите на небо — это оно и есть. И это уже делается. Знаете, можно сидеть на кухне с чашкой кофе и думать: «Ладно, пойду наверх к своему

священному алтарю со свечами и помедитирую». Какого черта — кухонный стол и чашка кофе уже священные! Это единство в форме стола и чашки кофе.

Тони, что вы имеете в виду под балансом? Как вещи уравнивают друг друга?

Мир, каким он кажется, находится в полном балансе. Он абсолютно нейтрален. Он не хороший и не плохой. Это кажимость, которая есть проявление безусловной любви. Безусловная любовь совершенно нейтральна; она открыта и всеприемлюща. И в этом качестве она представляет мир — кажущийся мир — кажущимся людям. Люди думают, что это великая череда событий, имеющих смысл, который куда-то их приведет. Они думают, что у их жизни есть какая-то цель и что каждая вещь — это урок божественного учения. «Бог сделал это, чтобы научить меня стать лучше» или что-то в этом роде. Это бессмысленно. Это просто бессмысленная кажимость, которая идеально сбалансирована.

Вы сказали ранее, что вся темная сторона жизни — войны, безумие по телевизору и всё такое — уравнивается тем, что мир как бы просыпается.

Существует баланс отрицательной и положительной энергии.

Как это работает?

Это изысканная работа гения. Это самое невероятное событие из всех существующих. Это проявление Абсолюта, Единого, являющегося как двое.

Вы можете говорить, что это идеальный мир в идеальном балансе, но глядя на Ближний Восток и все другие конфликты сегодня, возникает ощущение, что баланс нарушен и перевешивает в темную сторону. И если вы живете, скажем, в Израиле, вы действительно в это верите.

Я думаю, где бы вы ни жили, вы живете в страхе. Как только появляется чувство разделенности, вы начинаете жить в том, что кажется враждебным миром. Нет никого, кто бы не боялся. Весь страх в первую очередь порожден чувством разделенности.

Я слышу ваши слова о том, что опыт пробуждения обыден и прост. Но понимание этого... оно очень сложное. По крайней мере, моему уму кажется, что это требует утонченности и почти специфической интеллектуальной способности, чтобы деконструировать все эти вещи...

Нет, совсем нет. На самом деле речь идет об открытой детскости. Пробуждение — это простота. А то, что может произойти до этого, на уровне понимания — это просто отпадение концепций о природе жизни, которые ум принял на веру. На этих встречах понимание людей растворяется.

Есть ваши собственные концепции, которые вы уже усвоили, и поскольку они порождены умом, они всегда становятся сложными — посмотрите на религии. Затем вы слышите другие концепции об этих концепциях, которые могут их разрушить. Как только приходит понимание, старые идеи просто отпадают. В конце концов, всякое понимание исчезает, и остается только «это».

Я из Бразилии, из страны третьего мира. И меня поразило, как много белых людей на собрании Inner Directions. В Бразилии церковь похожа на пляж — бедные и богатые, образованные и нет — все вместе. Считаете ли вы, что это послание может быть воспринято людьми с другим жизненным опытом, уровнем образования или интеллекта? Потому что в Америке я вижу это только среди элиты.

В Лондоне ко мне приходил человек, который сейчас сам учит. Он садовник, из семьи рабочего класса. В какой-то момент он много искал и концептуализировал, но в итоге вернулся к естественному способу бытия — к чему-то очень простому и детскому. Он вернулся к своей детскости, к чувству удивления и отбросил притворство отдельной личности.

Это послание известно каждому. Все это знают. Это абсолютно просто, мгновенно и прямо. Возможно, потребуется время, чтобы некоторые концепции отпали, но нам вообще не нужно иметь никаких концепций об этом. То, чем мы здесь делимся, находится за пределами всякого понимания и даже за пределами сердца. Это также вне классовых или финансовых барьеров. Если есть готовность слышать, это будет услышано.

Как я могу это передать? Как я вообще смогу кому-то рассказать, что это такое? Потому что это невозможно передать, нет никакого способа, и в то же время это самый чудесный и простой дар. Ничто другое не достойно этого; ничто другое даже близко не стоит.

В этом и заключается страсть. Она выражена в словах книги. Я пытался написать книгу очень простую и точную, чтобы не путать людей. На самом деле, странно, но книга не очень хороша; в ней всё еще остается возможность запутаться.

Самая чудесная часть для меня — это общение с кажущимися людьми, видение лиц и тел. В таких обстоятельствах происходит гораздо больше, чем может дать любая книга. Есть столько книг с великими словами учителей... Это нормально, в них есть некий аромат. Но самое мощное — сидеть здесь, в «крови и костях», и пребывать в этой пустоте. Вот что чудесно. Увидеть этого парня или девушку — он или она такие же, как вы. Обычные люди. И если в нем нет ничего необычного, значит, я могу быть этим. Я и есть то, чем являетесь вы.

Если бы я мог, я бы отдал свою жизнь, чтобы вы это увидели. Правда! Вообще-то, я уже отдал свою жизнь — так что пора бы вам это увидеть!

Если эта комната и то, что мы видим, и есть то, что есть, почему когда я выхожу на улицу, мое «то, что есть» отличается от вашего?

Оно не отличается — оно лишь кажется таким. Это Единое проявляется и приглашает.

Как это может быть моим уникальным приглашением, если «меня» нет?

Вас нет, но есть уникальное тело-ум. Это тело-ум уникально — таким его создало сознание. Поэтому всё, что возникает для этого тела-ума, является уникальным приглашением обнаружить отсутствие разделенности.

Но как мы можем оба быть осознанностью, если феномены, которые мы видим, разные?

Это из-за разнообразия единства; это проявление многообразия; это радость. Каждый в этой комнате видит всё по-разному, по всей видимости — на самом деле здесь никого нет, но всё проявляется различно. В этом богатство, веселье и радость. На самом деле фильм, который вы там видите и называете «другим», не другой. Это то же самое приглашение, просто другого цвета. Оно только выглядит иначе, но в реальности всё это — Одно. Проявляется только Источник.

Это сбивает с толку.

Я знаю. Это тайна. Тайна, которую чудесно созерцать, когда её созерцает «никто».

Нам всё равно нужно практиковать, что-то делать. Чтобы сесть в автобус или почитать, нужно действие. Мне пришлось что-то сделать, чтобы попасть сюда.

Абсолютно — вам кажущимся образом пришлось. Если бы вы хотели пробежать милью быстрее четырех минут, вам бы кажущимся образом пришлось практиковать. Чтобы получить что угодно, нужно практиковать — но там нет никого, кто совершает этот выбор. Единственная вещь, которую вы никогда не сможете «получить» — это ваша истинная природа. Вы никогда не найдете и не получите её, потому что она уже есть.

Пока там есть кто-то, кто думает, что должен это делать; пока в этой голове есть идея, что нужна традиционная практика; пока есть связь с чьей-то идеей о том, «как надо быть», — всегда будет кто-то, подкрепляющий идею поиска. Вы и есть это, вы божественны, так что же искать?

Хорошо. Я это знаю. Мы все божественны.

Но знать это интеллектуально — ничто. Вы верите, что вы — Билл, который пытается что-то найти. Будьте готовы к приключениям. Будьте готовы отрубить все головы, которые смотрят на вас из-за забора и говорят, какими вы должны быть. Будьте готовы бросить всё это. Традиции говорят о свободе, но вот она, свобода — не на бумаге. Забудьте о Будде — отрубите Будде голову.

Говорят: если встретишь Будду на дороге — убей его.

Абсолютно. И Будда — или буддизм — как раз стоит на дороге и говорит вам, что нужно медитировать, иметь правильную осознанность, мудрые действия. Отрубите этому голову и упокойтесь в объятиях Возлюбленного.

Это трудно, потому что ты не знаешь, куда идешь.

Ничто никуда не идет. Перестаньте знать, куда вы идете. Если вы хотите быть в безопасности — вы не в том месте. Вы всё равно никогда не будете в безопасности. Ни так, ни эдак.

Есть только одно безопасное место, одно неизменное прибежище — в объятиях Возлюбленного. На самом деле вы всегда в безопасности; вас всегда поддерживают. Неважно, что происходит с вами в этой жизни, которую, как вам кажется, вы ведете — вас всегда держат. Вы никогда не сможете покинуть Возлюбленного; вы и есть Возлюбленный. Перестаньте пытаться «знать» и просто расслабьтесь в том, что есть.

Мне помогает любопытство относительно того, кто я есть, самоисследование. Если я страдаю, я спрашиваю: «Кто я?». Если тело болит: «Что это за тело? Владею я им или нет?».

Хорошо, если для этого тела-ума это так, то пусть будет так. Но интересно, что вы сидите в этой комнате и слышите, что вам *не нужно* ничего делать! Это и происходит сейчас в мире. Послание, которое передается сейчас в определенных местах, очень прямое. И где-то люди готовы его услышать.

Так что выходите отсюда, практикуйте и любопытствуйте, если таков ваш путь. Но также будьте открыты возможности того, что проход по коридору — это и есть «оно». Просто это. Ум склонен думать: «Когда я выйду отсюда, я помедитирую, и это будет самая важная часть дня». Но прогулка по этой тропе, выход на открытое пространство — это то, что возникает в настоящей осознанности, и с этим ничего не нужно «делать». Это то, что есть — конец истории... конец поиска.

Когда вы говорили, что всё может быть только таким, какое оно есть, потому что некому принимать решения, меня поразило: когда это ясно увидено, огромная часть ментального хлама становится неактуальной. Сама идея выбора подразумевает «правильно» и «неправильно», «я справляюсь лучше или хуже». Если это ясно увидено, происходит упрощение, потому что сопротивление тому, что есть, становится нелепым. Можете ли вы подтвердить, становится ли ум проще?

О да, абсолютно, потому что это совершенно революционный и в то же время фундаментально естественный способ видеть реальность. Это и есть реальность. Наша обусловленность заставляет верить, что со мной что-то не так или с миром что-то не так, и мы должны это изменить. Это вся наша обусловленность: что всё должно измениться к лучшему, и я должен стать лучше.

И это революция — увидеть, что на самом деле вообще ничего не происходит; ничто никогда не менялось; это всё то же самое изображение, просто в разных цветах. Некуда идти и нечего делать. Нет даже возможности куда-то пойти, потому что некому. И некуда — потому что это и есть рай; это всегда, неизменно, рай.

Это осознание вне времени и пространства, и всё же оно полностью их охватывает. Это невероятно просто, и все наши идеи о том, какими мы должны быть и что такое просветление, просто отпадают.

Да, я вижу в этом великое упрощение. Но вы упоминали, что даже после пробуждения у работы ума остается инерция. Гнев может возникнуть, но пока ясно видится, что некому гневаться, он рассеивается как дым. По вашему опыту, эта инерция сопротивления тому, что есть, со временем ослабевает?

Да, ослабевает в том, что кажется временем. Всё становится более гармоничным, всё замедляется. Вся эта тревога, тоска, огромные всплески энергии выравниваются. «Я сравняю горы и подниму долины», — сказал Христос. Пробуждение — это когда все эти крайности уменьшаются, уменьшаются и уменьшаются. Они не могут жить в этом свете. Гнев может возникнуть, но он не может в этом свете задержаться. Больше нет никого, у кого были бы за него зацепки или какой-то интерес к нему.

Вы упоминали, что пространства как такового не существует. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

Как и время, пространство — это концепция, мыслеформа. Не знаю, в курсе ли вы, но недавно ученые обнаружили, что пространство на самом деле является структурой, подобно молекулам. Пространство — это просто репрезентация, как и всё остальное проявленное. Это репрезентация тишины или неподвижности. Реальность такова, что между «этим» и «тем» нет пространства. Нет разделенности; между «этим» и «тем» ничего нет. Оба возникают в тишине, оба едины в тишине, оба — это проявление тишины.

Конечно, то же самое со временем. Время — лишь концепция, большинство людей это уже понимают. Если мы думаем о прошлом — мы думаем о нем в «этом». Если мы предвкушаем будущее — мы предвкушаем его только в «этом». И через три года мы всё так же будем предвкушать будущее в «этом». Всегда есть только «это». Время — лишь декорация в драме поиска того, что находится за пределами. Есть только присутствующая осознанность, и время с пространством возникают в ней.

Вот почему человек приходит к видению того, что ничего не происходит. Ничего никогда не случилось — лишь кажется, что случилось. Всё, что есть — это «это».

Я не буду говорить: «Всё, что есть — это сейчас». Нет никакого «сейчас», потому что «сейчас» подразумевает «тогда». Нет никакого «момента» — это не имеет отношения к жизни «в моменте». Некому жить и нет никакого момента. Есть только «это».

Эта реальность, это проявление — лишь бытие. Это чистое бытие, и кажется, что оно движется. На самом деле это один образ, но ум соединяет один образ со следующим и думает, что это история. Это просто манифестация бытия. И его единственный смысл — приглашение. Это как голограмма.

На такие встречи люди приходят с концепциями о том, кто они такие и что такое просветление, и возможно, что эти концепции будут полностью разрушены. Возможно, человек останется абсолютно ни с чем. И оставшись ни с чем — без надежды, с пустотой — он вдруг видит «это». Просто «это». И это вневременность; это вневременное чудо бытия.

Ищущий всегда отрицает Бога. Ищущий всегда отрицает освобождение, бытие, которое уже присутствует. Потому что ищущий всегда смотрит «туда» в поисках того, что уже «здесь». Так что просто оставьте поиск и будьте тем, кто нашел. Вам не нужно смотреть далеко. Вам вообще не нужно никуда смотреть — это оно. Вы — видящий это; вы — знающий это. Без того, чем вы являетесь, не могло бы быть «этого», потому что «это» и есть то, чем вы являетесь.

Я понимаю умом, что для пробуждения необходимо, чтобы вера в отдельное существование «я» отпала. С другой стороны, сильнее всего цепляется — или проявляется наиболее лично — именно страх. Страх отпускания или страх психологической смерти. Можете ли вы немного поговорить об этом?

Этому не «обязательно» случаться. В каком-то смысле ум всё еще ищет процесс во времени. Он говорит: «Даже Тони Парсонс говорит, что ищущий должен исчезнуть, а облако — испариться, чтобы появилось солнце». Ум немедленно превращает это в некий процесс, который должен произойти; и пока это не случится, пробуждение невозможно. Ум всегда составляет список дел: «Прежде чем это произойдет, нужно сделать два или три шага».

На самом деле, вообще ничего не должно происходить. Ум так или иначе обманывает сознание, говоря: «О, ну раз это должно случиться, значит, нам нужно создать по этому

поводу какой-то страх, чтобы избежать этого». Ум всегда найдет способ создать проблему вокруг пробуждения, потому что он не постигает его. Он видит лишь одно: когда случится пробуждение, он больше не будет сидеть на троне.

Так что не держитесь за идею последовательных шагов. Если есть страх — это и есть приглашение. Приглашение приходит через чувства. Не история о пробуждении, а само ощущение страха в теле — вот приглашение. Что это за «нечто», что видит страх?

Это, полагаю, гениальность эго в каком-то смысле — оно просто делает свою работу.

Да, «ум-гуру», как я его называю; ум, который убедит вас, что он приведет вас туда, он всё сделает. Ум — блестящая штука. Он убедит вас, что приведет вас туда — но он всегда «собирается» привести вас туда. Это никогда не происходит сейчас — это всегда случится завтра.

Зачем нам нужно переучиваться или вспоминать, если мы и так уже это знаем?

Нам не нужно переучиваться — мы уже являемся этим. Пока есть чувство отдельного индивида, есть и ощущение, что нужно чему-то учиться. На самом деле всё, чему вы учитесь — это то, что учиться нечему. Но почему бы и нет? Это хорошая игра.

Могли бы вы еще раз рассказать, как мне видеть всё как приглашение? Как это «кажущееся я» видит всё как приглашение?

Вы не можете этого сделать; вы как индивид на это не способны. Приглашение обращено к той осознанности в вас, которая уже это знает. Мы говорим здесь с мудростью, которая глубже личности. И эта мудрость может видеть чудо этого постоянного приглашения, которое и есть вневременность.

Учитывая, что жизнь часто описывают духовной метафорой кинофильма, почему мы воспринимаем её по одному кадру за раз, а не видим всё целиком?

Вы видите всё; вы видите Возлюбленного. Это всё, что есть. Это всё, что нужно видеть. Мне не нужно видеть, что происходит в Африке. «Это» — и есть всё. Африки не существует — есть только это.

Находится ли каждая частица, каждый объект одновременно в состоянии кажущейся разделенности и воссоединения?

И да, и нет. Всё как бы возникает в «этом». Ничто не может существовать вне того, что есть. В игре в разделенность есть вера в то, что видимое — это реальный мир. Но то, что видится из этого тела-ума — это отдельное проявление; это нереальный мир. Когда возникает пробуждение или когда оно видится (никем), когда всё чувство «меня» отпадает, тогда видимое становится реальным. Реальный мир — это просто безусловная любовь, проявляющаяся как «вот это». Человек больше не смотрит на стену — он смотрит на безусловную любовь, которая «стено-встывает».

Но это возникает в осознанности. Я — источник этого. Этого не может быть, если «Я не Есть». Это возникает как безусловная любовь, как стена, но на самом деле это присутствующая осознанность.

Значит, объекты могут быть кажущейся разделенностью и одновременно — приглашением?

Да, так всегда и есть. Сама природа разделенности и беспокойство, которое здесь чувствуется, — это и есть приглашение или, если хотите, благодать. Вы воспринимаете это слишком буквально. Стена говорит: «Ты беспокоишься, потому что чувствуешь себя отделенным от меня, но ты не отделен. Увидь, что ты — это я, а я — это ты». Конечно, как только приглашение принято, приглашения больше нет. Я не живу в приглашении, потому что здесь нет никого, кому оно нужно. На самом деле здесь нет никого, кому бы что-то было нужно. Просто нет отдельной сущности.

Вы упомянули, что есть люди, которые просто стали пробужденными. Кто решает, кто пробужден, а кто нет?

Во-первых, никто не становится пробужденным — ни один человек. Там никого нет. Нет воли; нет Бога или божьей воли. Нигде нет такой вещи, как выбор — нигде вообще. Сама идея выбора или воли — чистая конструкция ума — подразумевает мотив, подразумевает, что что-то куда-то движется. Ничто никуда не движется. Выбор и воля — такие же кажимости, как карма, перерождение или реинкарнация. Это просто идея, созданная умом, которая поддерживает кажущуюся непрерывность драмы поиска.

Я полагаю, одна из причин отсутствия выбора в том, что предполагаемый человек — это просто набор мыслей, воспоминаний и так далее, у которого нет своей жизни и который из-за обусловленности не имеет выбора. Это так?

В конечном счете, дело в том, что никого нет. Нет никакой фиксированной, постоянной вещи под названием «я». Никогда никого не было, следовательно — очевидно — никогда не было и выбора. Дело не в том, что выбора нет, а в том, что некому его совершать. Никогда никого не было.

И это и есть истинное понимание.

Да, в итоге — за исключением того, что это за пределами понимания. Это то, что нельзя описать. Здесь никого нет, но я этого не понимаю. Больше некому это понимать. Когда-то — да, я понимал эту конструкцию, но это было в каком-то смысле бессмысленно. Это было лишь тем, что я знал или слышал. «Здесь никого нет», — говорил я себе, я говорил «мне». А потом я пытался «пережить» отсутствие себя... Это как собака, гонящаяся за собственным хвостом.

Я хотел бы спросить, живете ли вы и другие пробужденные люди постоянно в этом присутствии или осознанности?

Во-первых, не существует такой вещи, как «пробужденный человек» — это оксюморон. Во-вторых, нет никого, кто мог бы что-то делать на любом уровне — «делание» просто кажется деланием в проявлении. Так что, скажем так, есть просто «бытие» и «я-канье». Освобождение не имеет связи с концепцией «постоянного бытия», потому что такой вещи не

существует. Если бы эти так называемые просветленные люди были честны, они бы, вероятно, сказали вам, что они в основном пребывают в бытии. Сжатие в «я-канье» всё еще может случаться, но финальное освобождение в том, что принимается всё; ничего не отрицается. И то, и другое теперь видится как одно.

Важно понять, что вопрос возникает из линейного взгляда ума, который воображает просветление как состояние, похожее на «крепкое здоровье». Как только восприятие единства полностью воплощено, всё возникающее видится как празднование.

Вы не находитесь в состоянии постоянной сдачи?

Освобождение — это не когда «кто-то» находится в «чем-то». Здесь никого нет. Бытие — это основной случай, но и «я-канье» тоже может случаться. И то, и другое — одно.

Кажется, вы постоянно осознаете, что вас там нет.

Это противоречие ума. Я не «осознаю постоянно», что меня здесь нет. Здесь просто никого нет. Есть бытие, но может случиться сжатие. Оно случается внутри восприятия целого. Всё может случиться, потому что это и есть освобождение. Это жизнь, которая является жизнью.

И я думаю, мы должны прояснить еще кое-что: я не индивид; я не кто-то или что-то, обладающее абсолютной мудростью и свободой и потому не способное испытать гнев. Я есть «это» — я есть всё, что есть! И в этом «всё, что есть» могут быть гнев, гордыня, похоть... Всё это возникает в этом. Так и должно быть.

Освобождение включает в себя полное принятие всего, что есть. Ничего не отрицается. Гнев возникает здесь и там, похоть возникает здесь и там. Это проявление, божественное выражение. Всё это — божественное выражение. В этом нет ничего плохого. Это игра, это празднование — всё это богатство и есть празднование этого проявления. Это всё божественное выражение, которое абсолютно за пределами идей о добре и зле, лучше или хуже. Это игра ума.

Вся эта идея о том, что после пробуждения вы как-то застываете в состоянии блаженной добродетели, происходит из глубокого невежества. И вообще, находиться в фиксированном состоянии блаженной добродетели было бы просто пребыванием в очередной тюрьме.

Мне нравится эта игра: кто-то сидит там, а я сижу здесь, зная, что он учитель, а я ученик. Должно же быть что-то разное между мной и вами — иначе вы не были бы там, а я не был бы здесь. Я чувствую это так: «Он должен уметь принимать всё, а я — нет». Это правда?

Давайте поймем этот момент. Я вообще ничего не принимаю. Разница в том, что здесь никого нет, поэтому нечего принимать или не принимать. То, что вы описываете, — это всё еще сон, гипнотический сон о ком-то, кто «действительно должен всё принимать», потому что тот парень на сцене якобы так делает — и это заблуждение. Здесь никого нет. Поэтому нечего принимать или не принимать. Единственная разница между нами в том, что я потерял всё; вы же всё еще владеете верой в то, что вы — кто-то.

Но здесь есть кто-то, кто не принимает.

Так вы верите. Это вера — клочок дыма, и всё же она очень крепко держится. Там никого нет, там никто не стоит. Есть только вера в то, что кто-то есть. В это вложены инвестиции — вы приходите сюда, садитесь на этот стул с инвестицией в идею, что здесь сидит кто-то, у кого нет того, что есть у этого парня.

Я скажу вам, в чем разница: это у меня ничего нет. Правда — у меня ничего нет. В этом разница — у вас что-то есть. Вы богатый человек: для начала у вас есть «вы», и у вас есть много знаний о том, кем вы себя считаете и что с этим нужно делать.

Вы сказали, что в этом кажущемся «не-лице» что угодно может возникнуть в любой момент. Но я предполагаю, что индивидуальность или ваша идентификация с индивидуальностью больше невозможна? Вы больше не подумаете снова, что вы — Тони Парсонс? Вы понимаете, о чем я? Как только это происходит, этот переход постоянен?

Для «никого» — да, он постоянен. Это абсолютная ясность. Нет никакой веры — нет ничего. Я больше не собираюсь задавать никаких вопросов — спрашивать не о чем. И некому спрашивать.

Откуда вы это знаете?

Я не знаю — я и есть «это». Я — источник всего, что есть.

Вы упомянули, что может случиться что угодно, сжатие или расширение. Я всегда понимал так: как только происходит этот сдвиг, когда чувство индивидуальности отпадает навсегда, остается непрерывный континуум осознанности и бодрствования, который никогда не исчезает. Континуум есть, каков бы ни был мир вокруг; сжимаются или расширяются ваши эмоции, чувствуете ли вы депрессию, гнев или радость. Под всем этим, в глубоком ли вы сне или бодрствуете, есть континуум осознанности, который всегда живой, бодрствующий, не вовлеченный, просто бытие.

Да, это так. Но видите ли, здесь всё точно так же. Просто не видится, что это так. Каждый, кто сидит здесь, испытывает чувства и мысли, но за ними — тишина, абсолютная тишина.

Вы должны чувствовать это прямо сейчас. Вы должны чувствовать этот вертикальный столб тишины, который просто сидит здесь и видит это. Это так просто, это настолько здесь, это здесь сейчас. Эта тишина, это бытие кричит громче всего в этой комнате. И в то же время это и есть всё, что возникает.

Дайте мне ваш взгляд на две основные проблемы, которые часто возникают у меня: страх и внешнее давление — глобальное, общественное, индивидуальное...

Разделение, по-видимому, происходит у очень маленького ребенка, когда внезапно мать перестает быть просто еще одной энергией, которой является он сам, а становится Матерью — человеком «там», который называет его Питером или Мэри. Этот первый момент внезапной веры в то, что «Я — индивид, я здесь сам по себе», вызывает колоссальный страх. Колоссальный страх рождается из чувства пребывания во враждебном мире, чувства отдельности.

Пока разделенность не испарится, страх будет присутствовать. Конечно, странная шутка в том, что страх, который мы чувствуем, — это и есть Возлюбленный; страх, который мы

чувствуем, — это и есть приглашение. Страх должен быть, потому что страх — это на самом деле Возлюбленный.

Страх — это ощущение здесь, внутри — это живость. А история — это чушь собачья. История типа «я банкрот?» или «она меня больше не любит?» — это просто информация. Страх — это просто страх. И страх говорит: «Вернись домой».

Так что я чувствую, что то, что вы называете внешним давлением, — это просто еще один инструмент для создания страха. И на самом деле, конечно, нет ничего внешнего; внешнего не существует. Всё возникает в «этом» — там, снаружи, ничего нет. Что бы вы ни называли внешним давлением — ваш босс или смог над Лос-Анджелесом, неважно — оно кажется внешним, но оно не может существовать нигде, кроме как в присутствующей осознанности. Босс не может возникнуть нигде, кроме этой осознанности. Всё возникающее возникает только в этом. И всё возникающее абсолютно изысканно и уникально присутствует здесь как приглашение для «этого».

Вы смотрите на своих друзей, и кажется, что у них проблемы немного отличаются от ваших, и вы видите их проблемы гораздо лучше, чем они сами. Но это потому, что их кажущиеся проблемы — уникально их, и их проблемы никогда не подойдут вам, они никогда не сработают для вас — они уникально их приглашение, а ваши — уникально ваше. Это просто гениально, абсолютная гениальность.

Я не чувствую, чтобы это происходило сейчас с вами (с «не-вами»), но в начале, когда вы только начинали переживать свое пробуждение, становился ли мир для вас невыносимым местом? Для меня мир во многих смыслах стал невыносимым.

Мое ощущение, как я уже говорил, таково: пока есть разделенность, «мир» в любом случае неудобен. Я имею в виду, что в какой-то степени некоторые люди, кажется, справляются с этим лучше других. Но для большинства само ощущение мира тревожно именно из-за этого чувства разделенности. Всё может быть скрытой угрозой, для кого-то больше, для кого-то меньше.

Еще одна мысль: традиции и Рамана Махарши говорят об успокоении ума, о тишине. Идентификация с личностью и умом отнимает много времени и энергии... Несколько лет назад я пытался успокоить ум (просто силой воли) и едва не дошел до психоза. Опыт «остановленного ума» ужасен; он бесплоден настолько, насколько это вообще возможно. Вы этого точно не захотите.

Я должен сказать, что, на мой взгляд, ум вообще невозможно остановить. Я думаю, то, что происходит в таких случаях — это диссоциация. Это довольно редкая вещь, но её может достичь тот, кто обладает очень мощной решимостью. Диссоциация кажется «остановкой ума», но на самом деле человек уходит в нечто бесплодное, потому что это диссоциация от самой жизни.

Идея остановки ума — это противоречие. Ум может быть только умом; не бывает «тихого ума». Мне не нужно останавливать свой ум — я и есть тишина, и ум может быть умом внутри этой тишины.

Я чувствую, что существует заблуждение относительно этой идеи. Я — тишина, и в ней может возникать ум. Ум — это лишь набор мыслей, это движение тишины, и его функция — разделять. Он постоянно активен, потому что живет только во времени. Это инструмент,

который создает видимость драмы. Я же — тишина, которая видит, как мысли возникают и исчезают.

Традиционные учения, рекомендующие медитацию, успокоение ума или «убийство эго», — это не более чем разговор в уме между искусственным «духовным эго» и искусственным «обычным эго». Это чистый дуализм.

В этот момент очень ясно, что здесь никого нет. Есть видение, которое направлено туда и сюда, но внутри никого нет. И это случилось вопреки мне; я не имел к этому никакого отношения. Кажется, что после общения с Тони Парсонсом и другими это видение просто происходит. Всё, что я когда-либо пытался сделать, чтобы прийти к этому, лишь уводило меня дальше.

Бывают моменты, когда это более очевидно, чем в другие. Как сейчас — так ясно, что здесь никого нет... Могли бы вы сказать: для людей, у которых происходит это пробуждение, есть ли некое «укоренение» или установление в этом «ничто»?

Да, безусловно. Я имею в виду, что сдвиг в восприятии всё равно происходит, наступает момент, когда всё восприятие внезапно меняется — но, конечно, и до, и после этого происходит укоренение в бытии. На самом деле «я-канье» отпадает, и бытие становится всё более очевидным.

Мне было очень приятно слушать вас в пятницу и субботу, но сегодня всё кажется еще глубже.

На самом деле здесь ничего нет, и ваша мудрость видит свой собственный источник. Она видит свое собственное ничто, видит то, чем она является. Всё, что здесь происходит, — это вы разговариваете с собой, вы общаетесь с собой. Ничто видит свое собственное ничто.

Откуда берется сюжетная линия? Это всё выдумки ума, которые нужно отбросить, или за сюжетом нашей жизни, за выборами, которые привели нас сюда, стоит какой-то смысл?

Это сон. Сон, который Источник проявляет через ум, чтобы создать кажущуюся линейную историю; историю, которая якобы ведет кажущегося человека по определенному пути к какой-то цели. Всё это — чистая кажимость Источника, сплошная притча и метафора.

Мы так убеждены, что прожили тридцать лет, и случилось то-то и то-то... Это настолько убедительно, что мы полностью верим, будто мы — индивиды, живущие в истории своей жизни. Это бессмысленно. Всё это бессмысленно — за исключением того, что каждая часть этого сюжета является приглашением увидеть, что мы и есть Источник.

Значит, у нас действительно нет выбора.

...

Там некому быть.

У кажущегося «я» нет выбора.

Это «я» — лишь кажимость, возникающая вместе с кажущимся выбором. «Я» не может выбрать собственное растворение, да ему это и не нужно.

Вы ясно дали понять, что в какой-то момент происходит определенный сдвиг в восприятии. Что это за событие? Это не восприятие реальности, а знание, озарение. Каковы характеристики этого события?

Давайте назовем это «кажущимся событием» — это отпадение ищущего, исчезновение того «меня», который пытается что-то получить. После этого естественная реальность воспринимается «ником».

В историях об этом всегда упоминается какой-то заметный сдвиг, хотя он может быть более или менее радикальным.

Это не обязательно должно быть драматическим событием, которое люди фиксируют. Я обычно говорю: «Не ищите великого драматического происшествия», потому что в наши дни вокруг людей так много осознанности; так много тех, кто знает об этом и уже открыт этому.

В Лондоне живет парень, Роджер; для него всё было именно так. Пока он приходил на мои беседы, он всё больше открывался этому: «Никого нет». Это просто было там. Он не задавал вопросов. Затем он приехал на один из ретритов, и случилось финальное пробуждение. Но это не было чем-то вроде «ВАУ!» — это было скорее просто «вау».

Он пришел ко мне утром и просто сказал: «Это всё». Но он упомянул, что был момент, когда Роджер еще где-то оставался, а потом, тем утром, внезапно произошел сдвиг. Это самое близкое описание, которое я могу дать.

Это «я» просто растворялось в эти выходные — оно никак не могло взлететь. Оно пытается подняться, но не может, оно продолжает растворяться. И это утомительно — это «я». Думаю, это накопленные страхи создают его... Это изнуряет.

Оно изнурено, потому что тратило двадцать пять или тридцать лет на непрерывное конструирование этого «я». Каждое утро оно строит «меня» и должно удерживать это «я» воедино. Это действительно выматывает.

Для многих людей происходят две вещи. Во-первых — колоссальное облегчение. Огромное облегчение. Для тех, кто по-настоящему старался, услышать вдруг, что всё это было не нужно — это как «А-а-ах!». Во-вторых, на какое-то время может наступить сильное истощение.

Это отпускание себя в объятия Возлюбленного. Возлюбленный приглашает через все чувства и ощущения. Смысл чувств в том, чтобы вернуться через них домой; для этого они и существуют. Это живость; это то, как всё есть; это связь с самой жизнью. И Возлюбленный в этой живости — во всем, что ощущается, слышится, пробует на вкус и осознается.

Мысли могут возникать — они и есть Возлюбленный, это мысли Возлюбленного. В мышлении нет ничего плохого — любая мысль есть мысль Возлюбленного. И есть то, что видит это возникновение.

Присутствующая осознанность есть всегда. От того, что есть, невозможно убежать. Всегда есть только то, что есть. И в этой близости (интимности) с тем, что есть, иллюзорное «я» может быть потеряно.

Знаете, религиозные традиции говорят, что это иллюзорное «я» становится сильнее через удовлетворение чувств?

Любые религиозные идеи или традиционные восточные учения об осознанности или пробуждении происходят в основном из глубокого неприятия живости. Это всего лишь переосмысление умом в словах того, что находится за пределами сердца и разума человека.

Того, что есть, не может быть в писаниях; это не имеет к ним никакого отношения. Возлюбленному нет дела до писаний или традиций — это просто слова на бумаге. Это ум, всё это ум. Возлюбленный — в живом, Возлюбленный — в «этом», мгновенно, во вневременном чуде «этого». Трудность для ума заключается в том, что это происходит мгновенно и несет смерть для «я». Вот что в этом пугает.

Когда ты в «пустыне», как ты переживаешь Возлюбленного через чувства, когда всё, что они приносят, становится таким невыносимым и подавляющим?

Возлюбленного невозможно «пережить» — можно только *быть* Возлюбленным. Но всё проявленное — это и есть Возлюбленный, единство, абсолют, присутствующая осознанность или как бы вы ни захотели это назвать. Что бы ни возникало, и каким бы невыносимым оно ни казалось — это приглашение раствориться в «незнании».

Эти диалоги часто включают глубокие концепции, адресованные сложности ума, но в конечном итоге они лишь указывают на абсолютную простоту и чудо того, что есть.

Когда вы читаете эти слова, в вас есть знание, которое охватывает всё происходящее. Так было всегда... когда вы сделали свой первый вдох, увидели свой первый день, когда вы едите, спите, бежите или идете, пьете чай или чистите картошку... вот оно... то, что знает и осознает. Сквозь всю борьбу, кажущиеся неудачи и успехи, во всех приключениях, составляющих историю вашей жизни, есть одна константа, которая никогда не приходит и не уходит — это присутствие.

Эта книга говорит только об этом и напоминает нам об аромате, тишине и молчании, которые и есть наш дом. Это всё, что есть.